187 / 615

187 615

1859 25/VIII 1909

Штурмъ Гуниба

— и —

плѣненіе Шамиля.

Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Составилъ редакторъ Военно-Историческаго Отдѣла,
Подполковникъ *Семенъ Эсадзе.*

Изданіе Военно-Историческаго Отдѣла.

ТИФЛИСЪ.
Типографія Штаба Кавказскаго военнаго Округа.
1909.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
991915

При обсужденіи вопроса о праздновании 50-ти-лѣтняго юбилея покоренія Восточнаго Кавказа начальникъ штаба Кавказскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ *Берхманъ,* поручилъ Военно-Историческому отдѣлу составить Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Настоящій трудъ составленъ подъ непосредственнымъ руководствомъ начальника Военно-Историческаго отдѣла, генералъ-лейтенанта *Потто,* и касается исключительно военныхъ дѣйствій Восточнаго Кавказа.

По приказанію Главнокомандующаго войсками и Намѣстника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказѣ, графа ***И. И. Воронцова-Дашкова,*** изданный трудъ разсылается безплатно въ каждую роту, эскадронъ, сотню и соотвѣтствующую часть.

Для составленія Историческаго очерка послужили нижеслѣдующіе источники:

Архивныя дѣла штаба Кавказскаго военнаго округа, 2-го отд. генер. штаба—за 1831 г. №№ 4 и 16; за 1834 г. № 109; за 1839 г. №№ 17 и 20; за 1840 г. № 37; за 1841 г. №№ 4 и 123; за 1842 г. № 1; за 1844 г. № 109; за 1846 г. № 12 и журналы военныхъ происшествій за разные годы. Рукописи Военно-Историческаго отдѣла.

Печатныя произведенія:

Акты Кавказской археографической комисссіи. *Богуславскій.* Исторія Апшеронскаго полка. Военные Сборники за 1859, 1886 и 1889 г.г. *Волоцкій.* Генералъ Фрейтагъ и его боевые товарищи. *Зиссерманъ.* Исторія 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка. *Казбекъ.* Куринцы въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Кавказскіе Сборники т.т. I—XIV. *Новоселовъ.* Кавказцы. Обзоръ войнъ, подъ редакціей Леера. *Окольничій.* Перечень послѣднихъ событій въ Дагестанѣ. *Потто.* Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка. *Прушановскій.* Выписки изъ походнаго журнала. *Раковичъ.* Тенгинскій полкъ на Кавказѣ. Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ, т. IV, ч. 1-я.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Поступательное движеніе Россіи къ Кавказу. Появленіе въ XVI вѣкѣ казаковъ въ сѣверныхъ предгоріяхъ Кавказскаго хребта и русскихъ войскъ—въ Дагестанѣ. Хивинскій походъ кн. Бековича-Черкасскаго и экспедиція Петра Великаго въ Прикаспійскія провинціи. Участіе кавказскихъ войскъ въ турецкихъ войнахъ императрицы Екатерины Великой. Генералъ де-Медемъ, Якоби и Суворовъ. Назначеніе Намѣстникомъ свѣтлѣйшаго князя Г. П. Потемкина. Кавказская линія. Генералъ поручикъ П. С. Потемкинъ и грузино-русскій договоръ 1783 года. Графы Гудовичъ и Зубовъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Краткій обзоръ дѣятельности первыхъ главнокомандующихъ въ Грузіи. Ермоловъ и предложенная имъ система покоренія горскихъ народовъ. 1

Постройка Ермоловымъ крѣпости Грозной и перенесеніе передовой линіи на Сунжу. Заложеніе новыхъ укрѣпленій-Злобнаго окопа, Герзель-аула у Горячеводска. Дѣятельность Ермолова въ Дагестанѣ. Покореніе Мехтулы, Акуши, Табасарани, Кайтага и Казикумуха. Бей-Булатъ и чеченское возстаніе. Смерть генераловъ Лисаневича и Грекова. Нападеніе Бей-Булата на Грозную. Движеніе въ 1826 году Ермолова къ Ханкальскому ущелью и пораженіе скопищъ Бей-Булата. 23

Мулла Магометъ ярагскій и проповѣдь мюридизма. Кази-Мулла, первый имамъ Чечни и Дагестана. Пораженіе скопищъ имама подъ Хунзахомъ. Осада Кази-Муллой крѣпости Бурной. Дѣйствія въ Чечнѣ, въ Дагестанѣ. Смерть Миклашевскаго. Экспедиція корпуснаго командира барона Розена, въ 1832 году въ Гимры. Штурмъ аула и смерть Кази-Муллы. Гамзатъ-Бекъ, второй имамъ. Походъ его въ 1834 году въ Хунзахъ. Вѣроломное истребленіе аварскихъ хановъ. Заговоръ хунзахцевъ противъ Гамзатъбака и убійство его въ хунзахской мечети. 45

Шамиль, третій имамъ Чечни и Дагестана. Занятіе Аваріи русскими войсками. Свиданіе генерала Клюки-фонъ-Клюгенау съ Шамилемъ въ 1837 году. Экспедиція генерала Граббе къ Аргуани. Блокада и штурмъ Ахульго въ 1839 году. Переговоры генерала Пулло съ Шамилемъ. Чеченское возстаніе и прибытіе Шамиля въ Чечню. Бой при р. Валерикѣ Участіе въ немъ М. Ю. Лермонтова. Переходъ на сторону Шамиля Хаджи-Мурата. Бой при Цельмесѣ въ 1841 году 83

Ичкеринская экспедиція генерала Граббе въ 1842 году. Военно-административная система, введенная Шамилемъ въ подвластномъ ему населеніи. Движеніе Шамиля въ Аварію и взятіе имъ въ 1844 году цѣлаго ряда укрѣпленій. Геройскій подвигъ ка-

питана Апшеронскаго полка Дементьева при оборонѣ укрѣпленія Цатаныхъ. Овладѣніе Шамилемъ Гергебиля и мужественная защита его Тифлисцами. Появленіе Шамиля передъ Темиръ-Ханъ-Шурой и Низовымъ укрѣпленіемъ. Знаменитое отступленіе отряда Пассека изъ Зырянъ въ Шуру. Гиллинскій бой 2-го іюня 1844 года. Приказъ Пассека 124

Назначеніе графа Воронцова Главнокомандующимъ и Намѣстникомъ Кавказскимъ. Рескриптъ императора Николая. Выѣздъ графа Воронцова на Кавказскую линію для личнаго командованія войсками. Даргинская экспедиція. Штурмъ Пассекомъ горы Анчимеера. Движеніе въ Анди и къ Дарго. „Сухарная экспедиція" генерала Пассека и смерть героя. Походъ къ Герзель-аулу. Безвыходное положеніе войскъ. Спасеніе отрядовъ генераломъ Фрейтагомъ. Возведеніе графа Воронцова въ княжеское достоинство и назначеніе шефомъ Куринскаго полка. Блестящая побѣда кн. Бебутова подъ Кутешами въ 1846 году 150

Назначеніе въ 1856 году кн. Барятинскаго Главнокомандующимъ и Намѣстникомъ Кавказскимъ. Салатавская экспедиція кн. Орбеліани въ 1857 году. Покореніе генераломъ Евдокимовымъ Большой и Малой Чечни. Планъ Д. А. Милютина окончательнаго покоренія Восточнаго Кавказа. Гунибская операція. Дѣйствія отрядовъ барона Врангеля и кн. Меликова. Неудачные переговоры съ Шамилемъ. Обложеніе Гуниба и штурмъ его. Возобновленіе переговоръ и плѣнъ Шамиля 179

Глава I.

Поступательное движеніе Россіи къ Кавказу. Появленіе въ XVI вѣкѣ казаковъ въ сѣверныхъ предгоріяхъ Кавказскаго хребта и русскихъ войскъ—въ Дагестанѣ. Хивинскій походъ кн. Бековича-Черкасскаго и экспедиція Петра Великаго въ Прикаспійскія провинціи. Участіе кавказскихъ войскъ въ турецкихъ войнахъ императрицы Екатерины Великой. Генералъ де-Медемъ, Якоби и Суворовъ. Назначеніе Намѣстникомъ свѣтлѣйшаго князя Г. П. Потемкина. Кавказская линія. Генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ и грузино-русскій договоръ 1783 года. Графы Гудовичъ и Зубовъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Краткій обзоръ дѣятельности первыхъ главнокомандующихъ въ Грузіи. Ермоловъ и предложенная имъ система покоренія горскихъ народовъ.

Добровольное присоединеніе Грузіи къ Россіи въ 1801 году, послужившее толчкомъ къ распространенію русской власти на Кавказѣ, нельзя считать случайнымъ явленіемъ въ русской исторіи. Громадной важности событіе это подготовлялось вѣками и было вызвано не только прочнымъ утвержденіемъ Россіи въ южныхъ границахъ, но и политическими цѣлями государства.

По лѣтописямъ извѣстно, что дружины Святослава I-го, проникнувъ въ 965 году за Кубань, побѣдили у подошвы Кавказскаго хребта яссовъ и коссоговъ, нынѣшнихъ осетинъ и черкесовъ. Въ X-мъ же вѣкѣ варяго-руссы водворились на полуостровѣ Тамани, а Мстиславъ Удалой велъ войны противъ коссоговъ. Знаменитая грузинская царица Тамара въ первомъ бракѣ была за княземъ Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Отъ пришедшихъ съ Георгіемъ русскихъ въ Грузіи осталось потомство, которое способствовало сношеніямъ съ Московскимъ государствомъ.

Грузинскіе цари искали сближенія съ Россіей, предлагали вассальное подданство, предпочитая быть въ зависимости отъ единовѣрной страны, чѣмъ терпѣть притѣсненія сосѣднихъ мусульманскихъ государствъ. Въ Москву безпрерывно снаряжались посольства съ просьбой о защитѣ съ желаніемъ цѣной подданства стать подъ высокую руку московскаго государства. Но въ своемъ политическомъ ростѣ Россія не достигла тогда еще подножія Кавказскаго хребта, почему и не въ состояніи была оказывать какую нибудь реальную помощь народамъ искавшимъ ея покровительства.

Съ уничтоженіемъ татарскаго ига и съ покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ Россія уже входитъ въ постоянное соприкосновеніе съ Кавказомъ.

Въ XVI вѣкѣ на сѣверныхъ предгоріяхъ Кавказскаго хребта самобытно образовалось казачье войско. Казаки участвуютъ въ депутаціи кабардинскихъ князей, прибывшихъ въ Москву въ 1555 году съ просьбою о покровительствѣ. Іоаннъ Грозный „подарилъ" казаковъ рѣкою Терекомъ и приказалъ для поддержанія ихъ и кабардинцевъ при устьѣ этой рѣки строить крѣпость и городъ Терки.

Подъ вліяніемъ окружавшей тревожной обстановки казаки сплотились въ военно-сословныя общины; правительство не замедлило оцѣнить высоко-государственное значеніе казачества на Кавказѣ и всѣми мѣрами начало содѣйствовать его развитію. Казаки и стрѣльцы прочно водворяются на рѣкѣ Терекѣ, частью на Малкѣ и на нижней

Сунжѣ, образуя въ 1567 году Терское воеводство, а впослѣдствіи — Терское и Кизлярское казачье войско.

Въ томъ же XVI вѣкѣ покровительства Россіи ищутъ пятигорскіе черкесы, кабардинцы и кубанскія племена, а русскія войска въ первый разъ проникаютъ въ Дагестанъ.

Съ древнихъ временъ здѣсь были извѣстны самостоятельныя владѣнія: шамхальство Тарковское, ханства—Дербентское, Мехтулинское, Кубинское, Бакинское, уцмійство Кайтагское, нѣкоторыя болѣе мелкія провинціи и вольныя общества. Сильнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ владѣній считалось шамхальство.

Нѣсколько вѣковъ шамхалы имѣли въ полномъ подчиненіи большую часть Дагестана; но затѣмъ многія селенія отложились и составили отдѣльныя владѣнія, какъ напримѣръ Казикумухское и Мехтулинское ханства, Кумыкское владѣніе, вольныя общества Даргинскія и Койсубулинское.

По просьбѣ грузинскихъ царей о защитѣ ихъ противъ покушеній шамхаловъ, царь Феодоръ Іоанновичъ въ 1590 году прислалъ противъ „государя шевкаловъ" воеводу князя Григорія Засѣкина съ царскимъ войскомъ, которое „много завоевало въ земляхъ шевкала, многихъ побило, многихъ полонило, и ранило самого государя-шевкала". Въ томъ же году было послано многочисленное войско подъ начальствомъ терскаго воеводы князя Андрея Хворостина съ порученіемъ открыть проѣздъ через владѣнія „шевкаловъ" въ Иверію. Хворостинъ

успѣлъ только разорить Тарки и возвратился на Терекъ.

Въ 1604 году воеводы Бутурлинъ и Плещеевъ снова подошли къ Тарки, овладѣли имъ, усилили бывшее тамъ укрѣпленіе, которое назвали Новымъ городомъ. По недостатку продовольствія часть войскъ была отправлена на зиму въ Астрахань. Шамхалъ воспользовался ослабленіемъ отряда и обложилъ Тарки.

Бутурлинъ и Плещеевъ принуждены были заключить договоръ, по которому обязывались оставить Тарки и вывести войска обратно на Терекъ; но не успѣли дружины выйти изъ укрѣпленія, какъ тотчасъ же были окружены и уничтожены; погибло до 7000 человѣкъ, въ томъ числѣ Бутурлинъ и Плещеевъ.

Въ 1669 году Тарки опять увидѣли подъ своими стѣнами русскихъ, но то были не царскія войска, а вольница знаменитаго атамана Стеньки Разина; на стругахъ своихъ онъ подплылъ къ берегамъ Дагестана, пытался взять Тарки приступомъ, но, не успѣвъ въ этомъ, разграбилъ окрестности.

Петръ Великій обратилъ вниманіе на Каспійское море, какъ на путь торговли съ Востокомъ. Расширеніе активной торговли съ Средней Азіей вообще стала излюбленной мечтой царя. Съ этой цѣлью въ 1716 году была снаряжена экспедиція, и князю Бековичу-Черкасскому поставлено, между прочимъ, въ обязанность: изслѣдовать устье и русло Аму-Дарьи и о возможности повернуть ее „паки въ прежній токъ“—по направленію къ Кас-

пійскому морю. Бековичъ, построивъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря цѣлый рядъ укрѣпленій: св. Петра, Александровское и Красноводское, въ іюнѣ 1717 года двинулся по невѣдомымъ степямъ къ Хивинскому царству: но въ самой Хивѣ предательски былъ убитъ; вмѣстѣ съ нимъ погибъ и весь отрядъ.

Въ Персію былъ отправленъ Волынскій съ политической миссіей; ему въ 1718 году удалось заключить выгодный торговый трактатъ. Волынскій, подробно ознакомившись съ Персіей, убѣдилъ Петра занять богатыя прикаспійскія провинціи, такъ какъ ими могли овладѣть авганцы, угрожавшіе тогда цѣлости персидскаго государства.

Для осуществленія намѣченной программы посылается экспедиція изучить южный берегъ Каспійскаго моря; назначенному въ 1720 году астраханскимъ губернаторомъ Волынскому поручено тайно готовиться къ Персидскому походу.

Эспедиція, предпринятая самимъ Петромъ съ 30-ти тысячнымъ отрядомъ къ берегамъ Каспійскаго моря, пріобщила къ Россіи обширныя владѣнія горскихъ народовъ. 5-го августа 1722 года войска отплыли изъ Астрахани и высадились на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ и, выждавъ здѣсь кавалерію, слѣдовавшую сухимъ путемъ, двинулись прибрежьемъ моря къ Таркамъ. Шамхалъ Тарковскій Адиль-Гирей устроилъ императору на рѣкѣ Сулакѣ торжественную встрѣчу. Петръ по просьбѣ шамхала посѣтилъ его дворецъ въ Тарки и затѣмъ двинулся къ Дербенту. Умцій кайтагскій султанъ

Махмудъ хотѣлъ воспрепятствовать движенію, но былъ разбитъ и столица его Утемишъ разорена.

Въ этотъ же походъ Петра Великаго покорились ханства: Дербентское, Кубинское и Бакинское, которыя по тракту 1723 года признаны Персіей за Россіею.

Россія, однако, не долго пользовалась плодами своихъ завоеваній. Преемники Петра не оцѣнили его великихъ предначертаній и въ царствованіе Анны Іоанновны, по Ганжинскому трактату 10-го марта 1735 года, всѣ пріобрѣтенія на берегахъ Каспійскаго моря были возвращены Персіи и даже признано главенство ея надъ дагестанскими народами. Границей Россіи съ Дагестаномъ опредѣлена р. Сулакъ, и потому крѣпость св. Креста, какъ находящаяся на правомъ берегу ея, была оставлена, а терскіе и аграханскіе казаки переведены обратно на лѣвый берегъ Терека, гдѣ въ томъ же году построена крѣпость Кизляръ.

Спустя 4 года, 7-го сентября 1739 года, по Бѣлградскому мирному договору, между Россіей и Турціей, послѣдовавшему по окончаніи турецкой войны въ царствованіе Анны Іоанновны, Кабарда объявлена свободной и должна была служить „барьерою“ между обоими государствами. Такимъ образомъ, Россія, считавшая кабардинцевъ подданными со временъ Іоанна Грознаго, отказалась отъ своихъ исторически сложившихся отношеній къ этому наиболѣе сильному народу Предкавказья. Границею между русскими владѣніями на Терекѣ и турецкими на Кубани признана была р. Калаусъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II наступила новая эпоха въ восточной политикѣ. Императрица, прекрасно понимавшая своимъ блестящимъ умомъ замыслы Петра Великаго, обратила вниманіе на далекій Кавказскій край и, въ видахъ усиленія его оборонительныхъ средствъ, повелѣла заложить въ 1763 году на Терекѣ крѣпость Моздокъ и перевести въ 1770 году съ Волги часть волжскихъ казаковъ; казаки эти были поселены на лѣвомъ берегу Терека, между Моздокомъ и гребенскими городками, подъ именемъ Моздокскаго полка. Такимъ образомъ линія казачьихъ поселеній на Терекѣ удлинилась почти вдвое и, опираясь на два сильныхъ укрѣпленныхъ пункта, Моздокъ и Кизляръ, послужила началомъ учрежденія Кавказской линіи, развернувшейся впослѣдствіи отъ моря Каспійскаго до моря Чернаго.

Первымъ инспекторомъ Кавказской линіи былъ генералъ-маіоръ де-Медемъ.

Съ открытіемъ турецкой войны, въ царствованіе Екатерины II, впервые возникаетъ мысль о возможности включить Кавказъ въ общій планъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ съ цѣлью отвлечь турецкія силы отъ европейскаго театра войны.

Участіе кавказскихъ войскъ выразилось тѣмъ, что отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора де-Медема, прибылъ въ Моздокъ и отсюда предпринялъ наступательныя дѣйствія противъ кабардинцевъ и закубанскихъ черкесовъ. Въ то же время другой отрядъ, подъ начальствомъ графа Тотлебена, прошелъ черезъ Дарі-

яльское ущелье на помощь къ имеретинскому царю Соломону и, овладѣвъ Кутаисомъ, очистилъ отъ турокъ всю Имеретію.

Но особенно выдающимися событіями первой турецкой войны было сраженіе 3-го апрѣля 1774 года на р. Калалахъ, гдѣ полковникъ Платовъ, впослѣдствіи знаменитый донской атаманъ, съ двумя слободскими казачьими полками на голову разбилъ огромныя скопища крымскаго хана Девлетъ-Гирея, и геройская оборона станицы Моздокскаго казачьяго полка Наурской при отраженіи 11-го іюня 1774 года 10-ти тысячнаго отряда Шабахъ-Гирея. Станицу защищали не одни казаки, но матери, жены и дочери ихъ дрались наравнѣ со старыми волжскими бойцами; онѣ спокойно встрѣчали яростныя атаки татаръ, оборонялись серпами, косили косами смѣльчаковъ, взбиравшихся на станичный валъ, и лили на головы штурмующихъ кипятокъ и растопленную смолу.

По окончаніи первой турецкой войны военныя дѣйствія на Кавказѣ не прекращаются; но край этотъ не получилъ для Россіи большого и самостоятельнаго значенія до той поры, пока свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ не былъ назначенъ Намѣстникомъ Таврическимъ и генералъ-губернаторомъ Новороссійскимъ, Азовскимъ и Астраханскимъ. Въ составъ Астраханской губерніи входила Кавказская линія, и при Потемкинѣ выдвигаются такіе крупные дѣятели Кавказской войны, какъ генералы Иванъ Варфоломеевичъ Якоби и Александръ Васильевичъ Су-

воровъ. Оба они назначены были командовать только что сформированными тогда корпусами— первый Кавказскимъ, второй—Кубанскимъ и оба навсегда останутся въ памяти исторіи, какъ піонеры русской цивилизаціи на Кавказѣ, какъ замѣчательные дѣятели въ устройствѣ края.

Соединивъ въ своихъ рукахъ военное и гражданское управленіе краемъ, Якоби является первымъ самостоятельнымъ дѣятелемъ въ ряду кавказскихъ правителей.

По заложеніи Азовско-Моздокской линіи и подъ ея прикрытіемъ, Якоби приступилъ къ колонизаціи степей Сѣвернаго Кавказа и такимъ образомъ считается первымъ колонизаторомъ Кавказскаго края. Колонизація эта была такъ успѣшна, что въ 1783 году признано было уже своевременнымъ учредить на Кавказѣ намѣстничество изъ двухъ губерній, Кавказской и Астраханской, причемъ всѣ присутственныя мѣста переведены были изъ Астрахани въ Екатерининскую станицу, которая и была преобразована въ намѣстническій городъ Екатериноградъ.

Устроенная новая Моздокско-Азовская линія начиналась отъ Екатеринограда, при впаденіи р. Малки въ Терекъ, пересѣкала прикавказскія степи въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ крѣпость св. Дмитрія (Ростовъ) и оканчивалась у Азова.

Для заселенія и обороны этой линіи, состоявшей изъ десяти крѣпостей, въ томъ числѣ Георгіевска и Ставрополя, переведены съ Волги остальная

часть волжскихъ казаковъ, а также казаки жившіе на р. Хопрѣ; они образовали Волжскій и Хоперскій поселенные казачьи полки.

Азовско-Моздокская линія хотя оградила Донъ и южно-русскія степи отъ вторженія горскихъ народовъ, но полудикія ногайскія орды, кочевавшія къ сѣверу отъ Кубани, продолжали служить вѣчной угрозой южнымъ предѣламъ государства. Въ 1783 году, съ присоединеніемъ Крыма, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ рѣшилъ положить предѣлъ своеволію ногайскихъ кочевниковъ. Дѣло это было поручено Александру Васильевичу Суворову, которому удалось послѣ упорной борьбы и страшнаго пораженія ногайцевъ 1-го октября 1783 года, на берегахъ Лабы, близъ урочища Кременчукъ, выселить ихъ за Кубань, при чемъ большая часть ихъ переселилась въ Крымъ. Выселеніе ногайцевъ умиротворило край и связало навсегда имя великаго Суворова съ Кавказомъ.

Съ присоединеніемъ Крыма, актомъ 28-го декабря 1783 года, Порта окончательно признала р. Кубань границею русскихъ владѣній. Закубанскій край остался въ турецкой власти, хотя фактически она проявлялась только на черноморскомъ побережьи, гдѣ Турція владѣла крѣпостями Суджукъ-Кале (Новороссійскъ) и Анапою.

Въ 1783 году командующимъ Кавказскимъ корпусомъ, Намѣстникомъ Астраханскимъ и Кавказскимъ, назначенъ былъ генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ, двоюродный братъ свѣтлѣйшаго.

Ко времени управленія краемъ П. С. Потемкина относятся сношенія съ Грузіей, гдѣ въ то время царствовалъ знаменитый Ираклій II. Безпрерывныя внѣшнія войны съ окружавшими мусульманскими государствами довели Грузію до полнаго разоренія и Ираклій II рѣшилъ просить императрицу Екатерину II о принятіи его царства подъ покровительство Россіи. Эти сношенія съ христіанской Грузіей вполнѣ входили въ расчеты императрицы при ея стремленіи продолжать восточную политику Петра Великаго. 24-го іюля 1783 года въ г. Георгіевскѣ былъ подписанъ грузино-русскій договоръ, по которому царь Ираклій призналъ надъ собою верховную власть и покровительство русскихъ императоровъ, обѣщая не искать вассальной зависимости отъ Персіи или иной державы, объявлялъ о готовности способствовать пользѣ имперіи; съ своей стороны Россія обязывалась охранять цѣлость и неприкосновенность Грузіи и царствующей династіи Багратіоновъ. Вслѣдъ за заключеніемъ договора въ Тифлисъ были отправлены два егерскихъ русскихъ баталіона подъ начальствомъ полковника Бурнашева.

При самомъ началѣ второй турецкой войны Потемкинъ былъ отозванъ для командованія Дунайской арміей, командиромъ же Кубанскаго и Кавказскаго корпусовъ назначенъ генералъ Текели, а послѣ его смерти—генералъ-аншефъ Гудовичъ съ званіемъ Намѣстника Кавказскаго.

Во время второй турецкой войны главное вниманіе Кавказскаго и Кубанскаго корпусовъ было

сосредоточено противъ турецкой крѣпости Анапы, откуда Турція, при посредствѣ Шихъ-Мансура, дѣятельно поддерживала религіозную пропаганду, клонившуюся къ возстанію горскихъ племенъ на Кавказской линіи. Изъ выдающихся эпизодовъ этой войны на Кавказѣ заслуживаютъ вниманія: крайне неудачный зимній поискъ за Кубань, предпринятый генералъ-поручикомъ Бибиковымъ въ 1790 году, и блестящая побѣда, одержанная 30-го сентября того же года на рѣкѣ Тахтамышѣ генераломъ Германомъ надъ громадными силами сераскира Баталъ-паши, сдѣлавшаго попытку обрушиться на Кавказскую линію, и, наконецъ, взятіе Гудовичемъ 22-го іюня 1791 года послѣ кровопролитнаго штурма крѣпости Анапы.

Ясскій миръ, заключенный 29-го декабря 1791 года, подтвердилъ права Россіи на Крымъ, Тамань, правый берегъ Кубани и Кабарду. Анапа и Суджукъ-кале были возвращены Турціи.

По окончаніи второй турецкой войны Гудовичъ обратилъ преимущественное вниманіе на усиленіе Кавказской линіи; по его проекту она была переустроена и усовершенствована; для болѣе надежнаго прикрытія кубанской границы возведены были двѣ новыхъ крѣпости: Усть-Лабинская и Кавказская; по правую сторону Кубани, отъ Воровсколѣскаго редута до Усть-Лабинской крѣпости, въ 1794 году поселены шестью станицами тысяча донскихъ семействъ, которыя образовали новый поселенный Кубанскій казачій полкъ.

Кромѣ того Высочайшею грамотою 30-го іюня

1792 года Черноморскому войску, бывшимъ запорожцамъ, пожалованы были земли по правой сторонѣ Кубани, отъ Усть-Лабинской крѣпости до Керченскаго пролива и далѣе берегомъ Азовскаго моря. Весною 1793 года войско окончательно поставило свои курени, станицы, а въ слѣдующемъ году основанъ главный войсковой городъ, названный въ честь императрицы Екатеринодаромъ. Для огражденія станицъ отъ набѣговъ черкесъ по правому берегу Кубани въ войсковыхъ предѣлахъ протянулся цѣлый рядъ укрѣпленій, постовъ и батарей, которые образовали Черноморскую кордонную линію. Между прочимъ, два полка черноморскихъ казаковъ доблестно подвизались со своимъ знаменитымъ кошевымъ атаманомъ, Захаріемъ Чепѣгою, въ польской войнѣ: подъ начальствомъ Суворова они участвовали на штурмѣ Праги.

Въ то время какъ на Сѣверномъ Кавказѣ устраивалась крѣпкая граница, обезпечившая Кавказскую линію отъ набѣговъ черкесскихъ племенъ, положеніе дѣлъ за Кавказскимъ хребтомъ заставило обратить вниманіе императрицы.

Грузино-русскій трактатъ 1783 года вызвалъ со стороны Персіи крайне враждебное отношеніе къ Грузіи. Добившись престола послѣ кровавой борьбы съ своими соперниками персидскій шахъ, Ага-Магометъ-ханъ, родоначальникъ нынѣ царствующей династіи Каджаръ, рѣшилъ вторгнуться въ Грузію; онъ хотѣлъ отомстить за заключенный съ Россіей договоръ, такъ какъ считалъ Грузію своимъ вассальнымъ владѣніемъ.

Царь Ираклій, узнавъ о военныхъ приготовленіяхъ персіянъ, просилъ императрицу о присылкѣ войскъ, но пока шли переговоры, Ага-Магометъ-ханъ въ маѣ 1795 года съ 80-ю тысячною арміей вторгся въ Грузію. Несмотря на геройское сопротивленіе, оказанное у стѣнъ Тифлиса царскими дружинами, предводимыми самимъ Иракліемъ, царевичами Давидомъ, Іоанномъ и Юлономъ, побѣда осталась за персіянами, и Ага-Магометъ-ханъ, вступивши въ столицу Грузіи, приказалъ разрушить ее до основанія. На обратномъ пути въ Персію Ага-Магометъ-ханъ былъ убитъ около Шуши и на престолъ вступилъ племянникъ его, Фетхъ-Али-шахъ, извѣстный также подъ именемъ Баба-хана.

Разореніе Грузіи, находившейся подъ покровительствомъ Россіи, не могло не вызвать возмездія и въ 1796 году сформированъ былъ экспедиціонный корпусъ подъ начальствомъ графа Валеріана Александровича Зубова, и была предпринята экспедиція въ прикаспійскія провинціи Персіи. Гудовичъ, обиженный тѣмъ, что не ему поручили командованіе корпусомъ, согласно прошенія былъ отозванъ съ Кавказа и Намѣстникомъ назначенъ графъ Зубовъ. Въ рядахъ экспедиціоннаго отряда принимали участіе многіе изъ прославившихся впослѣдствіи генераловъ: кн. Цицiановъ, Ермоловъ, Платовъ, Котляревскій и другіе.

Въ апрѣлѣ дѣйствующій корпусъ, двѣ пѣхотныя и двѣ кавалерійскія бригады съ орудіями, выступилъ изъ Кизляра; 10-го мая послѣ трехдневной осады покорилась крѣпость Дербентъ.

Графъ Зубовъ предпринялъ походъ по всему побережью Каспійскаго моря, отъ Терека до устья Куры, и покорилъ кромѣ Дербентскаго ханства, Кубинское, Бакинское и Шемахинское. Всѣ ханы и владѣтели спѣшили изъявлять покорность. За персидскій походъ графъ Зубовъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-аншефа и орденами Георгія 2-го класса и Андрея Первозваннаго. Главнокомандующій уже собирался развить успѣхъ блестяще начатой кампаніи, какъ смерть императрицы не позволила осуществить его намѣренія: императоръ Павелъ приказалъ немедленно вывести войска на Кавказскую линію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зубовъ былъ смѣщенъ и на должность Кавказскаго Намѣстника назначенъ вновь Гудовичъ, возведенный въ графское достоинство.

11-го января 1798 года умеръ царь Ираклій; на престолъ вступилъ сынъ его Георгій XII; онъ сталъ царемъ по грузинскому наслѣдственному праву, а по договору 1783 года долженъ былъ получить императорскую инвеститурную грамоту. Съ соотвѣтствующимъ прошеніемъ въ Петербургъ было отправлено посольство, князья Аваловъ, Палавандовъ, которые совмѣстно съ находившемся въ столицѣ въ качествѣ министра кн. Гарсеваномъ Чавчавадзе должны были ходатайствовать кромѣ инвеституры и признанія царевича Давида наслѣдникомъ престола грузинскаго. Высочайшая грамота по обѣимъ просьбамъ послѣдовала 18-го апрѣля 1799 года; тогда же въ Грузіи былъ назначенъ русскій министръ резидентъ Коваленскій и 17-й Егер-

скій полкъ (нынѣ лейбъ-Эриванскій) съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ генерала Лазарева, 26 ноября торжественно вступилъ въ Тифлисъ для постояннаго пребыванія въ Грузіи. Эриванскій полкъ вмѣстѣ съ прибывшимъ съ Кавказской линіи полкомъ Гулякова (нынѣ Ширванскій) 7-го ноября 1800 года на рѣкѣ Іорѣ одерживаютъ первую блистательную побѣду надъ полчищами Омаръ-хана аварскаго.

Тяжелая болѣзнь царя Георгія внушала серьезныя опасенія, такъ какъ неизбѣжно должны были возникнуть осложненія по вопросу о престолонаслѣдіи на Грузинское царство. Георгій XII, желая предотвратить отъ всякихъ случайностей судьбу своего царства, поручилъ своимъ уполномоченнымъ искать болѣе тѣснаго соединенія съ Россіей—принятіемъ Грузіи въ подданство. Прошеніе грузинскихъ посланниковъ разсматривалось въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и манифестомъ 18-го января 1801 года Грузія была присоединена къ Россіи. Престолъ остался незамѣщеннымъ и Грузія вошла въ составъ владѣній Россійской Имперіи.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I состоялось фактическое перенесеніе административнаго центра Кавказскаго края съ линіи по ту сторону хребта—въ Тифлисъ. Въ апрѣлѣ 1801 года генералъ Кноррингъ былъ командированъ въ столицу Грузіи, чтобы на мѣстѣ лично удостовѣриться насколько добровольно было жела-

ніе грузинъ вступить въ русское подданство. Результатомъ донесеній его и былъ манифестъ 12 сентября 1801 года, окончательно рѣшившій о присоединеніи Грузинскаго царства и первымъ главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Кноррингъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему подчинялась и вся передовая Кавказская линія.

Управленіе Кнорринга и въ особенности правителя Грузіи Коваленскаго не оправдало возложенныхъ надеждъ; это вынудило императора Александра отозвать ихъ обоихъ и назначить туда г.-л. кн. Павла Дмитріевича Цицiанова, возложивъ на него „всѣ должности, соединенныя съ званіемъ инспектора Кавказской линіи, астраханскаго губернатора, управляющаго тамъ и гражданскою частью, и главноуправляющаго въ Грузіи“.

Кн. Цицiановъ пользовался репутаціей доблестнаго воина и выдающагося государственнаго человѣка. Поручая ему управленіе, императоръ приказывалъ: „привести въ ясность и систему запутанныя дѣла края и кроткимъ, справедливымъ, но при томъ твердымъ поведеніемъ стараться пріобрѣсть довѣренность къ правительству не только Грузіи, но и разныхъ сосѣдственныхъ съ нею владѣній“... Цицiанову было вмѣнено въ обязанность съ особеннымъ вниманіемъ изслѣдовать взаимныя отношенія правительства съ горскими племенами.

„Что касается,—говорилось въ рескриптѣ,—до горскихъ народовъ, то едва ли не лучшею или не коренною политикою нашею существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомысліе“...

Государств. публичная историческая библиотека

Въ концѣ декабря 1802 года Циціановъ прибылъ въ Георгіевскъ и здѣсь почти два мѣсяца посвятилъ устройству дѣлъ на Кавказской линіи. Удовлетворивъ справедливыя претензіи кочевниковъ, Циціановъ принялъ строгія мѣры къ обузданію сосѣднихъ горскихъ племенъ, особенно кабардинцевъ, не прекращавшихъ свои набѣги на Линію. Въ цѣляхъ лучшаго прикрытія границы онъ рѣшилъ построить укрѣпленіе близъ кислыхъ водъ, названное впослѣдствіи Кисловодскомъ.

Поручивъ управленіе линіей г.-л. Шепелеву, Циціановъ отправился въ Тифлисъ, гдѣ ему предстояла еще болѣе сложная задача—ввести порядокъ и спокойствіе въ Грузіи. Онъ дѣйствительно успокоилъ взволнованную Грузію; въ 1803 году покорилъ Джаробелоканскихъ лезгинъ и съ ними вмѣстѣ русское подданство приняло султанство Елисуйское; въ томъ же году принялъ въ вассальную зависимость отъ Россіи Мингрелію; въ 1804 году Циціановъ взялъ штурмомъ Ганжу и ханство, подъ названіемъ Елисаветпольскаго округа, присоединено къ Россіи, какъ древнее достояніе Грузіи; имеретинскій царь Соломонъ II также просилъ о подданствѣ; присоединены были ханства Карабахское и Шекинское; походъ, предпринятый имъ съ цѣлью утвердиться на Каспійскомъ морѣ, окончился сдачей Баку, но 8-го февраля 1806 года, когда Циціановъ приблизился къ крѣпости, чтобы принять отъ Гуссейнъ-Кули-хана городскіе ключи,

изъ ханской свиты раздался предательскій выстрѣлъ, и Циціановъ упалъ убитый наповалъ.

За время управленія Циціанова на Кавказской линіи были покорены генераломъ Глазенапомъ кабардинцы; а послѣ вѣроломнаго убійства Цицiанова Глазенапъ двинулся къ Баку и взялъ по пути отложившійся Дербентъ, а преемникъ Глазенапа Булгаковъ покорилъ Кубинское и Бакинское ханства, обращенныя въ русскія провинціи.

Въ теченіе 10-ти лѣтъ послѣ Цицiанова на Кавказѣ смѣнились четыре главнокомандующихъ— графъ Гудовичъ, генералъ Тормасовъ, маркизъ Паулуччи и генералъ Ртищевъ. При Паулуччи весь Кавказскій край, въ цѣляхъ облегченія управленія имъ, былъ раздѣленъ на двѣ совершенно самостоятельныя части: Закавказье и Сѣверный Кавказъ, а во время управленія Ртищева, послѣ блестящихъ побѣдъ Котляревскаго подъ Асландузомъ и Ленкоранью, 12-го октября 1813 года былъ заключенъ Гюлистанскій договоръ, по которому Персія отказалась въ пользу Россіи отъ всѣхъ прикаспійскихъ провинцій.

9-го апрѣля 1816 года на мѣсто Ртищева командиромъ отдѣльнаго грузинскаго корпуса, но уже съ титуломъ главнокомандующаго, былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, одинъ изъ выдающихся героевъ Отечественной войны.

Ермоловъ начерталъ себѣ ясную, опредѣленную программу дѣйствій и онъ поставилъ себѣ задачею не временное умиротвореніе, а полное завое-

ваніе Кавказскихъ горъ. „Кавказъ,—говорилъ онъ, —это огромная крѣпость, защищаемая полумилліоннымъ гарнизономъ. Надо штурмовать ее или овладѣть траншеями. Штурмъ будетъ стоить дорого, такъ поведемъ же осаду“.

Главное вниманіе Ермоловъ обратилъ на Кавказскую линію, станицы которой безпрестанно подвергались нападеніямъ чеченцевъ.

„Смирить чеченцевъ надобно необходимо,—всеподданнѣйше доносилъ Ермоловъ,—но мѣры на то должны быть взяты совсѣмъ другія, нежели до сего времени. Прежде войска наши ходили къ нимъ, въ землю неизвѣстную, по положенію почти неприступную, туда, гдѣ весь народъ соединялся для защиты женъ, дѣтей и собственности. Надобно оставить намѣреніе покорить ихъ оружіемъ, но отнять всѣ средства къ набѣгамъ и хищничествамъ. Надобно занять Сунжу и по теченію ея устроить крѣпости: тогда чеченцы, стѣсненные въ своихъ горахъ, лишатся земли, удобной для воздѣлыванія, и пастбищныхъ мѣстъ, на которыхъ въ зимнее время укрываютъ стада свои отъ жестокаго въ горахъ климата“.

Государь одобрилъ предположеніе Ермолова, и съ тѣхъ поръ начинается новый періодъ систематическихъ дѣйствій для покоренія горскихъ народовъ. Покореніе ихъ Ермоловъ начинаетъ съ Чечни.

Подъ именемъ Чечни считалось довольно обширное пространство, ограниченное на сѣверѣ р. Терекомъ до впаденія въ него Сунжи; на югѣ она примыкала къ Андійскому и Передовому хребтамъ,

гдѣ граничила съ Грузіей и Нагорнымъ Дагестаномъ; а на западѣ и востокѣ соприкасалась съ Кабардою и Кумыкскими владѣніями.

Главнѣйшее значеніе Чечни заключалось въ томъ, что она своими богатыми горными пастбищами, дремучими лѣсами, среди которыхъ раскинулись оазисы воздѣланныхъ полей, съ равнинами, орошенными множествомъ рѣкъ,—служила житницей безплоднаго и каменистаго сосѣдняго съ нею Дагестана.

Только полнымъ господствомъ надъ Чечней можно было принудить къ покорности воинственные народы Восточнаго Кавказа. Лѣсистый и пересѣченный характеръ театра войны выработалъ у чеченцевъ своеобразные тактическіе пріемы. Дерзкіе при наступленіи, они были еще отважнѣе при преслѣдованіи, но не имѣли стойкости, чтобы выдержать правильный бой. Въ своихъ дремучихъ лѣсахъ и горныхъ трущобахъ они являлись страшными противниками.

„Въ открытыхъ мѣстахъ,—говоритъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ героевъ Кавказской войны генералъ Пассекъ,—непріятель какъ будто не существуетъ; но только вступаемъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ арріергардѣ; чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе перестрѣлка. Загорается неумолкаемая канонада, а непріятеля почти нѣтъ; виденъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ—и все это исчезаетъ мгновенно. Но когда ослабнетъ ранеными

цѣпь или какая нибудь часть, когда разстроится арріергардъ или боковая колонна, вдругъ являются сотни шашекъ и кинжаловъ и съ гикомъ кидаются на разстроенныхъ солдатъ и тогда начинается ужасное бѣдствіе. Если встрѣтятъ въ нашихъ стойкость, все исчезаетъ между пнями и деревьями, и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не окончится лѣсъ, или сами чеченцы не понесутъ значительнаго урона, или наши уже не встрѣтятъ штыками. Чеченцы, какъ тигры, безпощадны и быстры, и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить истребленіе. Въ такихъ дѣлахъ, весьма естественно, потери чеченцевъ въ сравненіи съ нашими ничтожны, особенно принявъ во вниманіе ловкость ихъ и исскуство пользоваться каждымъ пнемъ. Въ Чечнѣ непріятель невидимъ; но вы можете встрѣтить его за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли нашъ, гдѣ стоитъ отрядъ; сзади, съ боковъ, вездѣ непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, все разрѣжетъ, куда не идетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣда, гдѣ прошелъ. Ни слѣдовъ отступленія, ни слѣдовъ покорности".

Таковъ былъ театръ войны, таково было воинственное племя, трудную задачу покоренія которыхъ поставилъ себѣ выполнить Ермоловъ.

Глава II.

Постройка Ермоловымъ крѣпости Грозной и перенесеніе передовой линіи на Сунжу. Заложеніе новыхъ укрѣпленій—Злобнаго окопа, Герзель-аула у Горячеводска. Дѣятельность Ермолова въ Дагестанѣ. Покореніе Мехтулы, Акуши, Табасарани, Кайтага и Казикумуха. Бей-Булатъ и чеченское возстаніе. Смерть генераловъ Лисаневича и Грекова. Нападеніе Бей-Булата на Грозную. Движеніе въ 1826 году Ермолова къ Ханкальскому ущелью и пораженіе скопищъ Бей-Булата.

Раннею весною 1818 года въ станицѣ Червленной на Терекѣ былъ собранъ отрядъ для военныхъ дѣйствій на Сѣверномъ Кавказѣ.

25-го мая войска переправились черезъ Терекъ, и, пройдя 25 верстъ, прибыли на Сунжу, противъ выхода въ Ханкальское ущелье. Здѣсь и было намѣчено Ермоловымъ построить крѣпость, которой суждено было сыграть видную роль во всѣхъ дальнѣйшихъ событіяхъ Кавказской войны. Чеченцы лѣваго берега Сунжи явились съ хлѣбомъ-солью. Ермоловъ просилъ передать жителямъ, чтобы они спокойно оставались въ своихъ домахъ. „Я пришелъ,—говорилъ онъ,—не наказывать васъ за прежнія злодѣянія; но требую, чтобы впредь оныхъ дѣлаемо не было; въ противномъ случаѣ вы сами будете виною всѣхъ бѣдствій, которыхъ не избѣгнете, какъ явные непріятели“. Здѣсь же были взяты аманаты со всѣхъ деревень.

Совсѣмъ не то происходило по ту сторону Сунжи. Сборъ отряда въ Червленной и движеніе его на Сунжу сильно встревожило немирныхъ че-

ченцевъ; они дѣятельно начали укрѣплять и безъ того трудно-доступное Ханкальское ущелье—эти ворота, ведущія въ Чечню со стороны Кавказской линіи. Помня вторженія генерала Булгакова, чеченцы ожидали того же самаго и теперь; они полагали, что русскіе, какъ прежде, пойдутъ на проломъ, будутъ гоняться за ними по лѣсамъ, штурмовать завалы и нести большія потери. Однако на этотъ разъ они ошиблись—войска разбили лагерь надъ самою Сунжею и не двигались дальше.

Здѣсь 10-го іюня въ русскомъ лагерѣ послѣ торжественнаго молебствія, при громѣ пушекъ, была заложена крѣпость о шести бастіонахъ, названная Ермоловымъ „Грозною". Теперь чеченцы поняли опасность угрожавшую имъ. Такъ заложена была первая параллель и началась осада громадной крѣпости, созданной самой природою. Чеченцы готовились къ отчаянной защитѣ; они не имѣли достаточныхъ силъ, чтобы напасть на русскій лагерь и потому повели противъ него партизанскую войну, болѣе опасную и изнурительную, нежели открытыя нападенія.

Постройка Грозной заставила задуматься не однихъ чеченцевъ, но и весь Дагестанъ. До Ермолова стали доходить слухи о тайныхъ сношеніяхъ, открытыхъ между нимъ и чеченцами. Послѣдніе дѣйствительно ѣздили къ разнымъ дагестанскимъ владѣльцамъ и старались убѣдить, что постройка крѣпости—плохое предзнаменованіе для всѣхъ горскихъ народовъ. Въ Дагестанѣ эта пропаганда стала замѣтно распространяться.

Въ началѣ октября постройка Грозной была окончена и занята гарнизономъ. Занятіе Сунженской линіи повлекло за собою утвержденіе на Кумыкской плоскости, такъ какъ послѣ постройки Грозной чеченцы направили свои удары черезъ плоскость на нижній Терекъ. Ермоловъ намѣтилъ для постройки крѣпости мѣсто, расположенное при выходѣ изъ Салатавскихъ горъ, въ верстѣ отъ аула Андреево, и въ 1819 году крѣпость эта съ блокгаузами въ два яруса была заложена и названа „Внезапной". Отсюда Ермоловъ предпринимаетъ цѣлый рядъ экспедицій въ чеченскіе аулы, расположенные по Качкалыковскому хребту, а для устрашенія жителей приказываетъ нѣкоторыя деревни уничтожить до основанія.

Съ перенесеніемъ передовой линіи на Сунжу и на Кумыкскую плоскость Ермоловъ принялъ кабардинскую равнину за центръ Кавказской линіи и отсюда отмежевалъ по Кубани Правый флангъ, а по Тереку и его притокамъ—Лѣвый флангъ линіи, начальникомъ котораго и назначилъ полковника Грекова, имѣвшаго постоянное пребываніе въ гор. Грозной.

Хотя съ устройствомъ Грозной мы стали твердою ногою на Сунжѣ, но надо было проложить свободный путь въ самыя нѣдра чеченскихъ земель черезъ дремучіе лѣса. Эти то лѣса, гдѣ каждый шагъ оплачивался кровавыми жертвами, стояли грозной стѣной, и чеченцы чувствовали себя за ихъ прикрытіемъ въ безопасности. Прорубить широкіе просѣки въ лѣсахъ, вотъ мѣра, которая,

по мнѣнію Ермолова и его талантливаго начальника штаба А. А. Вельяминова, должна была привести къ окончательному покоренію чеченцевъ. Исполненіе этой задачи возложено было на генерала Грекова, который въ 1820 году, проложивъ широкія просѣки къ богатому аулу Герменчуку, расположился въ долинѣ р. Джалки, окруженной вѣковыми лѣсами. Попутные аулы были занимаемы войсками и жители подъ страхомъ истребленія вынуждены были сами высылать рабочихъ для рубки лѣса, и вотъ въ чеченскихъ лѣсахъ зазвенѣли чеченскіе топоры и каждый ударъ ихъ по упругимъ стволамъ расчищалъ путь въ самыя нѣдра ихъ родной страны. Тогда же Грековъ основалъ новое укрѣпленіе „Злобный окопъ", при самомъ впаденіи въ Сунжу рѣки Мартаны. Одновременно съ этимъ велись работы на Кумыкской плоскости, гдѣ были построены два укрѣпленія— „Герзель-аулъ" и „Горячеводскъ". Такъ положено было начало покоренія Чечни.

Перейдемъ къ дѣятельности Ермолова въ Дагестанѣ.

Подъ именемъ Дагестана называется обширная горная страна въ восточной части Кавказа, заключающая въ пространствѣ между Главнымъ Кавказскимъ и Андійскимъ хребтами и Каспійскимъ моремъ.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ Дагестанъ дѣлается ровнѣе и доступнѣе: тамъ уже встрѣчаются обширныя, плодородныя равнины; чѣмъ дальше отъ моря, тѣмъ страна становится гористѣе и пе-

рессѣченнѣе; середина Дагестана, а равно и края его, примыкающіе непосредственно къ Андійскому и Главному хребтамъ, представляютъ голыя скалы, прорѣзанныя узкими и глубокими ущельями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и просто трещинами.

Топографія страны повліяла и на степень гражданственности различныхъ племенъ населяющихъ Дагестанъ; въ приморской части его, служившей ареной постоянныхъ столкновеній народовъ и главнымъ путемъ, по которому проникали изъ Азіи въ Европу воинственныя племена, издавна возникли уже пункты, важные своей торговлей, какъ напримѣръ Дербентъ; напротивъ того, горная полоса стояла закрытою, грозною и въ сторонѣ отъ вліянія вкякой культуры.

Съ давнихъ временъ Дагестанъ дробился на многія владѣнія и общества. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ утвердилась ханская власть, другія оставались вольными, управлявшимися выборными старшинами.

Въ приморской части Дагестана находились владѣнія: шамхальство Тарковское, ханства: Мехтулинское, Дербентское, Кюринское, Казикумухское, Кубинское; вольныя общества Кайтагъ и Табасарань, союзы Даргинскихъ обществъ и обществъ жившихъ по Самурскому ущелью и много другихъ; а въ самомъ центрѣ горъ—ханство Аварское.

Вся сѣверная часть Приморскаго Дагестана принадлежала шамхалу Тарковскому и хану Мехтулинскому. Оба эти ханства находились въ русскомъ подданствѣ. Ко времени прибытія Ермолова

шамхаломъ былъ г.-л. Мехти-шамхалъ; а Мехтулинскимъ ханствомъ владѣлъ—Гассанъ-ханъ, человѣкъ крайне безпокойный, не признавшій никакой власти. Личный и непримиримый врагъ Мехти-шамхала, Гассанъ-ханъ мехтулинскій выказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и непріязненныя дѣйствія противъ Россіи.

Аварія въ 1803 году присягнула Россіи съ условіемъ сохранить права своихъ хановъ на прежнемъ основаніи; хотя Аварія и считалась въ зависимости, но подданство это было болѣе фиктивное; ханомъ Аварскимъ былъ Султанъ-Ахметъ. Дербентское и Кубинское ханства считались русскими провинціями. Всѣ остальныя земли, примыкавшія ближе къ горамъ, пользовались относительною независимостью.

Такимъ образомъ Россія окружала Дагестанъ съ сѣвера и юга; со стороны Чечни, считавшейся житницей горъ, Дагестанъ оставался открытымъ. Уже первые слухи о заложеніи Сунженской линіи заставили дагестанскихъ владѣтелей встрепенуться; за исключеніемъ шамхала Тарковскаго и уцмія Каракайтагскаго, они собрались на общее совѣщаніе, гдѣ было постановлено образовать союзъ для борьбы съ Россіей. Во главѣ этого движенія сталъ Ахметъ-ханъ аварскій и старшій братъ его Гассанъ-ханъ мехтулинскій. Скоро они организовали вооруженныя партіи и подступили къ Дербенту и къ каракайтагскому селенію Башлы, гдѣ находился отрядъ генерала Пестеля.

Узнавъ о волненіяхъ въ Дагестанѣ, Ермоловъ, стоявшій тогда на Сунжѣ, выступилъ 25-го октября

1819 года съ 4-мя баталіонами при 15-ти орудіяхъ и 4-хъ сотняхъ казаковъ и 3-го ноября прибылъ въ Тарки, резиденцію шамхала Тарковскаго и оттуда къ селенію Большому Дженгутаю, гдѣ тогда находился аварскій ханъ съ 15-ти тысячнымъ скопищемъ.

Дженгутай, главная резиденція Мехтулинскаго ханства, былъ занятъ отборными ханскими войсками и защищенъ по всей окраинѣ земляными окопами; пологіе скаты горъ, обращенные къ сторонѣ движенія русскаго отряда, были преграждены засѣками. Рекогносцировка показала, что позиція противника была сильна, а между тѣмъ откладывать штурмъ было невозможно, такъ какъ въ шести верстахъ стоялъ акушинскій кадій съ 4-хъ тысячнымъ скопищемъ, которое могло подкрѣпить Гассанъ-хана, или зайти отряду въ тылъ.

Приказавъ двумъ ротамъ Кабардинскаго полка съ двумя орудіями слѣдить за акушинцами, Ермоловъ поручилъ начальнику корпуснаго штаба Вельяминову атаковать лѣвое крыло непріятеля, назначивъ для этого три роты Троицкаго полка и двѣ роты 8-го егерскаго съ 4-мя батарейными орудіями; противъ праваго крыла назначены баталіонъ Кабардинскаго полка съ двумя орудіями; а пять Кабардинскихъ же ротъ съ 4-мя орудіями оставлены въ резервѣ.

Штурмовыя колонны быстро овладѣли сначала передовыми окопами, а затѣмъ ворвались въ Дженгутай. Попытка акушинскаго кадія оказать поддержку защитникамъ селенія также не удалась. Ермоловъ

приказалъ зажечь Дженгутай со всѣхъ сторонъ, а ханскій дворецъ срыть до основанія; на слѣдующій день та же участь постигла и Малый Дженгутай. Аварскій и мехтулинскій ханы бѣжали въ горы. Явившимся съ покорностью депутатамъ Ермоловъ объявилъ, что Мехтулинская провинція вступаетъ въ составъ Россійской имперіи, что ханъ лишается наслѣдственныхъ правъ и что ему, какъ измѣннику, никто не долженъ повиноваться. Изъ мехтулинскихъ селеній образовано особое приставство, подъ управленіемъ русскаго офицера.

Погромъ Мехтулы и уничтоженіе ея самостоятельности усилили волненія въ Дагестанѣ. Въ началѣ 1819 года Гассанъ-ханъ вернулся въ Мехтулу и, собравъ до 6-ти тысячъ войскъ, бросился на Кумыкскую плоскость, гдѣ въ то время возводилась крѣпость Внезапная. Разбитый здѣсь Ермоловымъ у деревни Бултугая, близъ Чиръ-юрта, Гассанъ-ханъ опять бѣжалъ въ горы.

Слѣдствіемъ этой побѣды было водвореніе спокойствія въ кумыкскихъ владѣніяхъ. Такъ какъ аварскій ханъ, главный двигатель всѣхъ смутъ въ Дагестанѣ, имѣлъ въ Мехтулѣ громадный удѣлъ, то Ермоловъ не только лишилъ его богатыхъ помѣстій, но и низложилъ Ахметъ-хана съ его званія, а Аварію передалъ въ управленіе незаконному сыну его Сурхаю впредь до совершеннолѣтія юнаго наслѣдника Абу-Нуцалъ-хана.

Гассанъ-ханъ, между тѣмъ, вернулся въ Мехтулу и, собравъ новыя скопища, осадилъ шамхала въ Таркахъ. Шамхалъ защищался отчаянно, отра-

зилъ первый приступъ съ большимъ урономъ для противника, но все же положеніе его дѣлалось очень критическимъ, какъ вдругъ неожиданно онъ избавился отъ своего заклятаго врага—Гассанъ-хана нашли въ постели мертвымъ; говорили, что его отравила жена. Эта неожиданная смерть предводителя заставила мухтулинцевъ разойтись, но тогда выступили акушинцы и стали на самой границѣ шамхальства съ Кайтагомъ. Ермоловъ быстро двинулся изъ Внезапной къ границамъ Акушинскаго общества и при селеніи Лаваши 19-го декабря разбилъ на голову мятежниковъ. Акуша была имъ занята и жители вольныхъ обществъ Даргинскаго союза приведены къ присягѣ на подданство русскому императору.

Главнымъ кадіемъ въ Акушу Ермоловъ назначилъ стараго Зухума, извѣстнаго своимъ умомъ и спокойнымъ характеромъ. Усмиреніе Акуши заставило многія общества явиться съ покорностью. Еще ранѣе этого погрома въ томъ же году кн. Мадатовъ двумя послѣдовательными ударами покорилъ всю Табасарань и Кайтагъ, при чемъ званіе каракайтагскаго уцмія было упразднено. Съ паденіемъ Акуши во всемъ Приморскомъ Дагестанѣ водворилось спокойствіе.

Покидая Дагестанъ въ январѣ 1820 года, Ермоловъ оставилъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ особый отрядъ — два баталіона Кабардинскаго полка (только что переименованнаго изъ Ширванскаго), баталіонъ Куринцевъ и баталіонъ Апшеронцевъ съ 12-ю пѣшими и 1 коннымъ орудіями. Отрядъ этотъ порученъ былъ полковнику Верхов-

скому, на котораго возложено также и наблюденіе за Акушей. Для завѣдыванія Нижнимъ Кайтагомъ былъ назначенъ особый приставъ, а въ Верхнемъ управленіе оставлено выборнымъ старшинамъ подъ наблюденіемъ русской власти.

Изъ всѣхъ владѣній, считавшихся независимыми, оставались еще Аварія и Казикумухъ. Ахметъ-ханъ Аварскій уже не могъ играть въ судьбахъ народовъ Дагестана той политической роли, которая ему принадлежала раньше; но Кузикумухъ былъ еще силенъ и пока во главѣ его стоялъ старый Сурхай-ханъ, до тѣхъ поръ опасность не переставала угрожать не только Кюринскому ханству, но и Кубинской провинціи, составлявшей предметъ его честолюбивыхъ замысловъ. Чтобы обезпечить прочнымъ образомъ нижнюю часть Приморскаго Дагестана, Ермоловъ приказалъ князю Мадатову вторгнуться въ Казикумухское ханство. Въ іюнѣ 1820 года Мадатовъ разбилъ Сурхай-хана въ Хорзекѣ, который былъ взятъ послѣ кровопролитнаго штурма, и Сурхай, объявленный низложеннымъ съ ханскаго званія, бѣжалъ въ горы. Жители приведены къ присягѣ на подданство Россіи, а все Казикумухское ханство передано было въ управленіе Асланъ-хана кюринскаго.

Чтобы удержать въ повиновеніи и спокойствіи Дагестанъ, Ермоловъ въ 1821 году заложилъ возлѣ Тарковъ крѣпость „Бурную". Этимъ достигались двѣ цѣли: ею заканчивалась предположенная русская линія, начатая на берегахъ Сунжи, прорѣзавшая кумыкскую плоскость и теперь переброшен-

ная черезъ Сулакъ къ берегамъ Каспійскаго моря; во-вторыхъ завершалось окончательное утвержденіе въ шахмальствѣ.

Появленіе русскихъ въ шахмальствѣ и заложеніе крѣпости сильно встревожило горцевъ и Ахметъ-ханъ аварскій вторгнулся во владѣнія шамхала, къ Большимъ Казаницамъ, но въ Бурной уже находился гарнизонъ, и генералъ Вельяминовъ быстро явился подъ Казанища. Ахметъ-ханъ оставилъ свои намѣренія, но поднялъ новый мятежъ въ сосѣднемъ Мехтулинскомъ ханствѣ. Вельяминовъ, однако, шелъ по его слѣдамъ и взялъ штурмомъ Аймяки.

Весь 1822 годъ прошелъ въ Дагестанѣ спокойно и этому не мало способствовала смерть 2-хъ наиболѣе выдающихся дагестанскихъ предводителей возстанія—Шихъ-Али-хана дербентскаго и Ахметъ-хана аварскаго. Послѣдній уже задумалъ грандіозный планъ нападенія на всѣ разбросанныя укрѣпленія, предварительно уговоривъ Амалатъ-бека, претендента на шахмальство Тарковское, убить полковника Верховскаго и обѣщая провозгласить Амалата шамахаломъ. Амалатъ дѣйствительно убилъ Верховскаго, но остальной планъ не удался, такъ какъ Ахметъ-ханъ во время одной поѣздки въ горахъ сорвался съ кручи и убился на смерть. Съ гибелью предводителя само собою разбивались всѣ замыслы объ нападеніи на русскія войска и укрѣпленія.

Съ конца 1820 года въ Чечнѣ, какъ и на всемъ Кавказѣ, наступило относительное спокойствіе.

Самъ Ермоловъ, былъ вызванъ императоромъ Александромъ I въ Лайбахъ; поѣздка эта продолжалась цѣлый годъ, и войска Лѣваго фланга настойчиво продолжали начертанную Главнокомандующимъ программу дѣйствій. Система вырубки лѣсовъ все болѣе и болѣе убѣждала чеченцевъ о стремленіи правительства положить конецъ ихъ свободѣ; безсильные, они ничего не могли предпринять вслѣдствіе того, что не было у нихъ сплоченности: каждый аулъ, каждое племя дѣйствовало самостоятельно; между ними не было объединяющаго начала. Но вотъ два обстоятельства заставляютъ чеченцевъ объединиться.

Въ 1821 году Турція воспользовалась возстаніемъ грековъ, чтобы поднять на христіанъ всѣ мусульманскія племена; между прочимъ, зажигательныя прокламаціи были присланы закубанскимъ горцамъ, а оттуда черезъ Кабарду агитація перенеслась и къ чеченцамъ. Чечня заволновалась; она надѣялась, что съ помощью Турціи ей удастся свергнуть тяготѣвшій надъ нею гнетъ. Недоставало только предводителя, но и онъ явился, это былъ знаменитый Бей-Булатъ-Таймазовъ, житель селенія Маюртупа.

Бей-Булатъ былъ извѣстенъ среди чеченцевъ удалью, безстрашіемъ, и качествами, которыя уважались каждымъ чеченцемъ; онъ и до того времени уже имѣлъ нерѣдко рѣшающій голосъ на общественныхъ сходкахъ, и всѣ его считали поборникомъ народныхъ интересовъ. Это былъ всесторонній и законченный типъ искателя приключеній.

Начальство на Линіи знало о вліяніи Бей-Булата на чеченцевъ и видѣло въ немъ силу, съ которой надо было считаться. Однако, серьезныя недоразумѣнія между генераломъ Грековымъ и Бей-Булатомъ заставили этого послѣдняго окончательно прервать сношенія съ русскими. Бей-Булатъ началъ энергично работать въ Чечнѣ и тамъ рѣшилъ возжечь религіозную войну. Съ этою цѣлью онъ распустилъ слухъ, что въ Маюртупѣ долженъ появиться пророкъ и что онъ властью данной отъ Бога освободитъ страну отъ невѣрныхъ, а днемъ появленія пророка назначилъ 24 мая.

Къ назначенному сроку со всѣхъ ауловъ устремился народъ къ маюртупской мечети, волнуясь въ ожиданіи необычайнаго явленія. Вдругъ дверь мечети распахнулась и оттуда выступила процессія: во главѣ шествовалъ мула Махома, предназначенный Бей-Булатомъ играть роль пророка, за нимъ нѣсколько другихъ муллъ, затѣмъ Бей-Булатъ, осѣняемый тремя значками, и наконецъ партія его приверженцевъ. Мгновенно воцарилось мертвое молчаніе и толпа хлынула вслѣдъ за процессіей, направлявшейся къ заповѣдному дереву. Когда всѣ остановились, съ строгимъ и хмурымъ лицомъ выступилъ впередъ мичиковскій мулла и, обратясь къ Махомѣ, зычнымъ голосомъ спросилъ: „почему нѣтъ до сихъ поръ пророка, котораго обѣщали еще въ прошломъ году?" Затѣмъ, не ожидая отвѣта, онъ началъ упрекать Махому въ обманѣ, въ отвлеченіи людей отъ ра-

боты. Слова эти сильно подѣйствовали на народъ и поднялся глухой ропотъ.

Смиренно и спокойно выслушалъ Махома рядъ упрековъ; онъ далъ даже время развиться негодованію, потомъ онъ быстро выступилъ впередъ, поднялъ руки вверхъ и воскликнулъ: „Я вашъ пророкъ!“ Толпа замерла и начала съ благоговѣніемъ слушать подготовленную къ этому случаю рѣчь. Когда онъ кончилъ, выступилъ Бей-Булатъ, взялъ въ руки коранъ и присягнулъ, что онъ лично видѣлъ, какъ въ мечети, во время молитвы муллы, на него слетѣлъ ангелъ въ видѣ огня. Чеченцы окончательно увѣровали въ явленнаго пророка и легко увлеклись проповѣдями о необходимости свергнуть русскую власть. А на минаретѣ маюртупской мечети, какъ призывъ къ газавату, уже развивались значки Бей-Булата.

На воззваніе Махомы собрались къ Бей-Булату вооруженныя партіи, и мятежныя толпы численностью въ 6 тысячъ человѣкъ двинулись къ русскимъ укрѣпленіямъ, овладѣли Амиръ-аджиюртовскимъ редутомъ и обложили Герзель-аульское укрѣпленіе. Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ 380 человѣкъ 41-го и 42-го егерскихъ полковъ подъ начальствомъ маіора Пантелѣева. Защитники пять дней подрядъ должны были безсмѣнно стоять у валовъ. Къ довершенію всего въ укрѣпленіи не было воды и гарнизонъ поддерживалъ силы, глотая куски льда, заготовленнаго зимой. Положеніе дѣлъ становилось настолько серьезнымъ, что самъ областной начальникъ, генералъ-лейтенантъ Лисане-

вичъ, прибылъ въ Науръ и вызвалъ туда Грекова. На собраніи было рѣшено собрать все, что можно было на Линіи и итти на выручку Герзель-аула. Уже незначительный гарнизонъ укрѣпленія изнемогалъ отъ пятидневной осады, какъ 15-го іюля 1825 года появился отрядъ съ Лисаневичемъ и Грековымъ. Это неожиданное прибытіе подкрѣпленій совершенно смутило чеченцевъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ моментовъ боя подъ Герзель-ауломъ современникъ этихъ событій Э. Бриммеръ. „Впереди скакали гребенскія сотни, предводимыя войсковымъ старшиною Фроловымъ, рослымъ, плечистымъ мужчиной лѣтъ шестидесяти, сѣдымъ какъ лунь; въ правой рукѣ своей онъ имѣлъ длинное куртинское копье изъ багдадскаго тросника; подлѣ него ѣхалъ генералъ. Недоѣзжая съ версту до спустившихся съ горъ чеченцевъ, изъ-за правой сотни выскакиваютъ четыре конныя орудія и обдаютъ горцевъ картечью. Лисаневичъ вырываетъ копье у Фролова, съ крикомъ „за мною“. Всѣ сотни казаковъ, шашки наголо, понеслись на чеченцевъ--рубили ихъ, какъ капусту. Но вотъ артиллерія подъѣзжаетъ къ горѣ, бросаетъ въ толпы ядра и гранаты. Лисаневичъ съ пикой, Фроловъ безъ шапки несутся на отлогую гору, гдѣ были подѣланы въ разныхъ мѣстахъ изъ бревенъ завалы. Но что это за преграды — нѣсколько наброшенныхъ бревенъ? Кто черезъ, кто въ объѣздъ, но все скачетъ впередъ, все рубитъ. Кто ждалъ казака за заваломъ и выстрѣлилъ, тотъ тутъ и легъ, а кто бѣжалъ—того рубили“.

На слѣдующій день были собраны въ Герзель-аулѣ 318 кумыковъ и чеченцевъ участвовавшихъ въ нападеніи, но не было принято никакихъ мѣръ осторожности. Лисаневичъ и Грековъ приблизились къ толпѣ. Лисаневичъ, зная хорошо чеченскій языкъ, рѣзко сталъ упрекать ихъ въ измѣнѣ и вѣроломствѣ; затѣмъ онъ сталъ вызывать по списку виновныхъ; очередь дошла до муллы Учаръ-Хаджи; въ зеленомъ бешметѣ и бѣлой чалмѣ, съ голыми до колѣнъ ногами и съ большимъ кинжаломъ на поясѣ онъ стоялъ въ толпѣ съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ и не хотѣлъ выходить. Грековъ приказалъ его вывести и обезоружить. Въ одинъ моментъ мулла выхватилъ кинжалъ и Грековъ, пораженный въ животъ, упалъ бездыханный; тогда убійца въ одинъ прыжокъ очутился около Лисаневича и нанесъ ему смертельную рану въ грудь. Солдаты поспѣшно заперли ворота и истребили всѣхъ находившихся въ укрѣпленіи чеченцевъ и кумыковъ.

Герзель-аульская кровавая драма дала толчокъ къ усиленію возстанія: заволновалась вся Чечня. На Кумыкской плоскости вновь появляются Бей-Булатъ и Махома. Ермоловъ теперь обратилъ серьезное вниманіе на чеченскія событія; онъ не могъ не видѣть, что мятежъ въ краѣ дѣлается поголовнымъ; несмотря на то, что и дѣла съ Персіей принимали острый характеръ, онъ 24-го іюля выѣхалъ изъ Тифлиса и поспѣшилъ на Линію, поручивъ всѣ дѣла въ Закавказьѣ И. А. Вельяминову.

Появленіе Ермолова съ сильнымъ отрядомъ на Кумыкской плоскости произвело потрясающее впечатлѣніе; всѣ главари возстанія бѣжали, а жители просили о помилованіи. Ермоловъ приступилъ къ переустройству крѣпости Внезапной; по окончаніи этихъ работъ было приступлено къ постройкѣ двухъ другихъ большихъ укрѣпленій—у Ташъ-кичу и Амиръ-аджи-юрта. Новые опорные пункты и присутствіе большого числа войскъ совершенно обезпечивали кумыкскія владѣнія.

Между тѣмъ Бей-Булатъ задумалъ отважное предпріятіе— напасть на Грозную. Гарнизонъ крѣпости, подъ начальствомъ подполковника Сарочана, состоялъ изъ двухъ баталіоновъ 43-го егерскаго полка.

Пользуясь темнотою ночи, Бей-Булатъ 29-го августа подвелъ свое скопище къ крѣпости и выслалъ впередъ двѣ небольшія партіи, приказавъ имъ одновременно броситься на передовой люнетъ и на форштадтъ. Въ случаѣ успѣха онъ обѣщалъ поддержать ихъ главными силами. Трудная задача была исполнена чеченцами съ замѣчательною ловкостью: 60 абрековъ, прикрываясь берегомъ Сунжи, подползли къ самому рву и съ страшнымъ гикомъ вскочили на люнетъ; однако, тамъ никого не было, такъ какъ Сарочанъ, предувѣдомленный о нападеніи, всѣхъ людей разставилъ на фасахъ крѣпости. Лишь только чеченцы ворвалися въ люнетъ, солдаты устремились на нихъ съ валовъ; чеченцы, не теряя присутствія духа, ударили въ кинжалы и пробились къ выходнымъ

воротамъ. Другая партія такимъ же порядкомъ ворвалась въ форштадтъ, но, встрѣченная ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, обратилась въ бѣгство. Самъ Бей-Булатъ съ главными силами также не рѣшился итти на приступъ крѣпости и онъ возвратился къ Ханкальскому ущелью.

26-го января 1826 года Ермоловъ съ отрядомъ въ $4^1/_4$ баталіона, 600 линейныхъ казаковъ и 15-ти орудій выступилъ изъ Грозной въ Ханкальское ущелье; укрѣпленіе, которое здѣсь построилъ Бей-Булатъ, было покинуто и стояло въ полуразрушенномъ видѣ. Войска вошли въ ущелье безпрепятственно и заняли уже покинутый жителями аулъ Большія Атаги. Жители бѣжали къ Бей-Булату, который находился въ Чахъ-кери на лѣвомъ берегу Аргуна—тамъ, гдѣ впослѣдствіи было построено укрѣпленіе Воздвиженское. Чеченцы подходили къ Атагамъ такъ близко, что обстрѣливали даже домъ самого Ермолова. Такъ прошло два дня, а на третій за Аргуномъ замѣчены были большія огни, слышны были выстрѣлы и радостные крики—на помощь къ Бей-Булату подошли мичиковцы, ичкеринцы и даже лезгины. Пріѣхалъ и самъ пророкъ Махома.

Ермоловъ увидѣлъ, что наступило время дѣйствовать рѣшительно. 30-го января изъ лагеря, подъ начальствомъ подполковника Ковалева, выступилъ къ аулу Чахъ-кери колонна изъ двухъ баталіоновъ Ширванцевъ, роты егерей и 500 линейныхъ казаковъ. Сверхъ ожиданія Бей-Булатъ самъ очистилъ аулъ, который войска подожгли. Едва только от-

рядъ двинулся обратно, какъ изъ-за Аргуна появилась чеченская конница. Несмотря на густой туманъ она понеслась въ атаку. Линейцы съ своей стороны ринулись въ шашки. Схватка была отчаянная—обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростью; чеченская конница вслѣдъ за тѣмъ присоединилась къ остальнымъ своимъ партіямъ, обрушившися на Ширванскіе баталіоны. Самъ пророкъ Мохома находился среди атакующихъ; муллы пѣли священныя пѣсни корана. Чеченцы, два раза отбитые ширванскими штыками, бросились въ третій, но, увидѣвъ громадное превосходство силъ, бѣжали за Аргунъ.

Простоявъ нѣсколько дней и убѣдившись, что главная скопища мятежниковъ разошлись по домамъ, Ермоловъ 5-го февраля двинулся къ Аргуну и занялъ аулъ Белгатой. Два большихъ другихъ аула, Шали и Герменчукъ, просили пощады. Ермоловъ взялъ съ нихъ аманатовъ. На обратномъ пути были истреблены нѣсколько ауловъ, жители которыхъ дѣйствовали особенно непріязненно. 28-го февраля Ермоловъ возвратился на Терекъ и войска были расположены по казачьимъ станицамъ.

Раннею весною Ермоловъ вновь предпринимаетъ экспедицію въ Малую Чечню; преимущественное вниманіе онъ обратилъ на прорубку широкихъ просѣкъ. Нѣкоторое сопротивленіе оказали аулы Урусъ-Мартанъ, Шали, но вообще волненіе чеченцевъ стало утихать. Пророкъ Махома потерялъ довѣріе народа и куда то исчезъ, а Бей-Булатъ, покинутый своими приверженцами, ук-

рылся въ горы; впослѣдствіи, уже въ 1831 году, онъ былъ убитъ аксаевскимъ княземъ Салатъ-Гиреемъ.

Персидскія дѣла отозвали Ермолова въ Тифлисъ и, покидая Чечню, онъ обратился къ войскамъ съ слѣдующимъ приказомъ: „Труды ваши были постоянны, ибо надлежало ежедневно быть или съ топоромъ на работѣ, или съ ружьемъ для охраны рабочихъ. Къ подобнымъ усиліямъ, безъ ропота, можетъ возбуждать одна привязанность къ своимъ начальникамъ, и сія справедливость принадлежитъ г.г. офицерамъ“.

Глава III.

Мулла Магометъ ярагскій и проповѣдь мюридизма. Кази-Мулла, первый имамъ Чечни и Дагестана. Пораженіе скопищъ имама подъ Хунзахомъ. Осада Кази-Муллой крѣпости Бурной. Дѣйствія въ Чечнѣ, въ Дагестанѣ. Смерть Миклашевскаго. Экспедиція корпуснаго командира, барона Розена, въ 1832 году въ Гимры. Штурмъ аула и смерть Кази-Муллы. Гамзатъ-бекъ, второй имамъ. Походъ его въ 1834 году въ Хунзахъ. Вѣроломное истребленіе аварскихъ хановъ. Заговоръ хунзахцевъ противъ Гамзатъ-бака и убійство его въ хунзахской мечети.

Во время управленія Ермолова въ Дагестанѣ появилось новое религіозное ученіе, которое впослѣдствіи приняло чисто политическій характеръ и создало цѣлую эпоху, извѣстную подъ именемъ мюридизма.

Еще въ 1823 году жилъ въ Кюринскомъ ханствѣ, въ селеніи Ярагъ, мулла Магометъ; онъ считался въ числѣ дагестанскихъ алимовъ, т. е. людей, которые своею глубокою ученостью и знаніемъ корана заслуживали общее уваженіе среди народа; кромѣ того, по званію главнаго кадія онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти большое состояніе. У муллы Магомета въ продолженіе семи лѣтъ воспитывался бухарецъ Хасъ-Магометъ, который учился весьма прилежно и въ особенности въ совершенствѣ изучилъ арабскій языкъ.

Покинувъ домъ своего учителя, Хасъ-Магометъ черезъ годъ снова возвратился къ нему и объявилъ, что ѣздилъ къ себѣ на родину и у бухарскихъ алимовъ довершилъ начатое ученіе и достигъ до высшей степени знанія мусульманскихъ

наукъ. Тогда мулла Магометъ просилъ Хасъ-Магомета подѣлиться съ нимъ пріобрѣтенными знаніями, но тотъ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ благословенія кюрдамирскаго эфендія Хаджи-Измаила и предложилъ отправиться въ Кюрдамиръ. Пригласивъ многихъ кюринскихъ муллъ, кадій вмѣстѣ съ ними и Хасъ-Магометомъ отправились къ Хаджи-Измаилу.

Хаджи въ теченіе нѣсколькихъ дней поучалъ кюринцевъ въ догматахъ мусульманской вѣры, указывалъ на упадокъ религіи, на незнаніе правилъ шаріата, на необходимость духовно-нравственнаго обновленія мусульманъ, предавшихся пьянству, разврату и другимъ порокамъ; наконецъ онъ заявилъ, что, находясь подъ властью невѣрныхъ, мусульмане не могутъ возвыситься до постиженія великой науки тариката. Хаджи-Измаилъ, отпуская кюринскихъ гостей, благословилъ и провозгласилъ муллу Магомета старшимъ мюршидомъ во всемъ Дагестанѣ. Такимъ образомъ, Хасъ-Магометъ и Хаджи-Измаилъ первые положили начало продолжительныхъ смутъ въ Дагестанѣ, а муллу Магомета, извѣстнаго по своей честной жизни, уму, состоянію и всеобщему уваженію, избрали орудіемъ для исполненія ихъ фанатическихъ замысловъ.

Возвратясь въ свою деревню Ярагъ, мулла Магометъ предался посту и молитвѣ, охотно показывался народу, раздавалъ бѣднымъ щедрую милостыню, устраивалъ угощенія. Народъ толпился въ его домѣ и охотно слушалъ проповѣди любимаго своего мюршида. Пользуясь такимъ энтузіазмомъ,

мулла Магометъ наконецъ выразилъ свои сокровенныя мысли въ проповѣдяхъ, въ которыхъ мусульмане призывались на газаватъ—войну противъ невѣрныхъ.

Эти проповѣди муллы Магомета произвели громадное впечатлѣніе на народъ: мужчины, женщины, даже дѣти толпились у мечетей и проникались новымъ ученіемъ. Въ селеніи Ярагъ молодые люди подѣлали деревянныя шашки, начали ходить съ ними по улицамъ: приближались ли они къ углу дома, забору, дереву, къ надгробному камню, останавливались и, поворачиваясь къ сторонѣ Россіи, ударяли шашками о камни съ криками: „мусульмане, газаватъ, газаватъ!“

Вѣсть о новомъ ученіи, о краснорѣчивомъ ораторѣ и о праведномъ человѣкѣ быстро разнеслась по всему Дагестану и въ Чечнѣ. Въ Ярагъ стали стекаться жаждавшіе услышать благочестиваго мюршида; приходили и много муллъ съ исключительною цѣлью посвятить себя изученію новыхъ, невѣдомыхъ таинъ и требованій религіи, проживали тамъ цѣлыя недѣли, томились, постили, голодали, но не уходили до тѣхъ поръ, пока не получали одобренія алима въ томъ, что достойны быть его послѣдователями. Явились туда и будущіе столпы мюридизма: сеидъ Джемалэддинъ, котораго мулла Магометъ посвятилъ въ мюршиды, Кази-Мулла, Гамзатъ-бекъ и Шамиль. Всѣ они тутъ получили благословеніе на предстоящую серьезную борьбу съ русскою властью.

Успѣхъ новаго ученія пустилъ глубокіе корни въ народѣ тѣмъ болѣе, что возникшая въ 1826 году война съ Персіей не позволяла отдѣлить въ Дагестанъ достаточное число войскъ, а на политическую арену выдвинулся такой дѣятель какъ Кази-Мулла.

Планъ Кази-Муллы былъ простъ и основывался не на умозрительныхъ идеяхъ тариката, но на коренныхъ началахъ шаріата, который горцамъ вовсе не былъ извѣстенъ; жизнь ихъ не походила на жизнь настоящихъ мусульманъ, и, доказавши это, Кази-Мулла могъ разсчитывать на успѣхъ, потому что горцы религіозны, а слѣдовательно послушны всему, что говорится именемъ пророка. Собственно и арена дѣятельности для Кази-Муллы была также обширна, такъ какъ въ Дагестанѣ и въ Чечнѣ шаріата, за исключеніемъ брачныхъ и семейныхъ дѣлъ, совсѣмъ почти не придерживались; главное значеніе имѣли адаты, народные обычаи той или другой мѣстности. Внутреннія дѣла въ обществахъ разбирались кадіями и старшинами; хотя мечети и посѣщались, но въ богослуженіе вкралось много грубыхъ ошибокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ горцы пили вино, вели разгульную жизнь.

Объявивъ себя во главѣ новаго ученія, Кази-Мулла энергичными проповѣдями требовалъ отъ горцевъ оставить адатъ, принять правила шаріата. Онъ разсылалъ воззванія за воззваніями во всѣ концы Дагестана, изобличая народъ въ безвѣріи и явномъ уклоненіи отъ истиннаго ученія пророка. Такимъ образомъ, то краснорѣчивыми проповѣдя-

ми, которыя своею силою и убѣдительностью поражали легковѣрныхъ слушателей, то посредствомъ зажигательныхъ прокламацій, сулившимъ послѣдователямъ неземныя блага, рай и черноокихъ, прелестныхъ гурій, Кази-Мулла постепенно одерживалъ побѣду надъ умами народа. Достигнувъ такого вліянія, и зная, что одними убѣжденіями нельзя будетъ осуществить намѣченныхъ цѣлей, Кази-Мулла началъ уже разсылать и другого рода воззванія: въ однихъ онъ грозилъ разореніемъ и казнями непокорныхъ шаріату жителямъ, а въ другихъ выражалъ чувства любви и дружбы послѣдователямъ его.

Несмотря на успѣхъ ученія и на возраставшую славу Кази-Муллы, многіе горцы чувствовали насколько гибельны для народа его проповѣди. Въ селеніяхъ Эрпели и Каранай Шамхальскаго владѣнія жители начали протестовать противъ навязываемыхъ имъ идей разрушенія. Узнавъ объ этомъ, Кази-Мулла рѣшился выступить открыто и начать осуществлять свой планъ—подчинять шаріату всѣхъ горцевъ.

Уже къ концу 1829 года Кази-Муллѣ повиновались Койсубу, Гумбетъ, Андія, половина шамхальства и почти всѣ аварскія селенія, за исключеніемъ самаго Хунзаха. Кази-Мулла былъ въ это время въ апогеѣ своей славы и онъ мечталъ не только о сліяніи всѣхъ мусульманскихъ племенъ Кавказа воедино, но и объ изгнаніи русскихъ. Собравъ въ Гимрахъ представителей духовенства и народа, Кази-Мулла употребилъ все свое

краснорѣчіе, чтобы разъяснить имъ цѣль своего ученія.

„Народъ,—говорилъ онъ,—вы не истинные мусульмане. Вы не вѣрили въ святой шаріатъ и не хотѣли повиноваться заповѣдямъ пророка, осквернивъ себя сношеніями съ гяурами. Говорю вамъ: доколѣ Дагестанъ попирается ногами русскихъ, до тѣхъ поръ не будетъ вамъ счастья: солнце сожжетъ ваши поля, неорошенныя небесною влагой; сами вы будете умирать какъ мухи; и горе вамъ, когда предстанете на судъ Всевышняго; не блаженство, не райскія наслажденія васъ ожидаютъ, а вѣчныя, жестокія пытки ада.

Я посланъ отъ Бога, чтобы спасти васъ. И такъ, во имя Его и пророка, призываю васъ на брань съ невѣрными. Газаватъ русскимъ, газаватъ всѣмъ, кто забываетъ вѣру и шаріатъ“.

Собравшіеся провозгласили Кази-Муллу имамомъ и обѣщали исполнять всѣ его приказанія.

Хунзахъ, та древняя столица аварскихъ хановъ, гордые жители которой не желали признать власти честолюбиваго имама, раздражалъ его, и Кази-Мулла въ февралѣ 1830 года подступилъ къ селенію съ 8000 скопищемъ. Въ числѣ предводителей были Гамзатъ-бекъ и Шамиль.

Расположившись бивакомъ въ Аварской долинѣ, въ концѣ которой виднѣлся древній Хунзахъ, Кази-Мулла послалъ туда довѣренныхъ лицъ съ требованіемъ покорности, въ противномъ случаѣ грозилъ разорить селеніе и не оставить камня на камнѣ. Молодой правитель Аваріи, Абу-Нуцалъ-

ханъ, заблаговременно укрѣпилъ Хунзахъ и разсчитывалъ на храбрость и преданность своихъ подвластныхъ; но сами хунзахцы, устрашась громаднаго превосходства силъ противника, не полагаясь на опытность слишкомъ еще молодого своего хана, начали колебаться и упали духомъ.

Кази-Мулла, раздѣливъ свое скопище на двѣ части, предводительствуя лично койсубулинцами и андялялщами, и поручивъ гумбетовцевъ Шамилю, штурмовалъ Хунзахъ съ двухъ сторонъ. Грозныя толпы мюридовъ, оглашая воздухъ воинственными кликами: „Алла акберъ! Ля иль Аллагу, Алла акберъ"! (Богъ великъ, нѣтъ Бога кромѣ Бога, Богъ великъ) приближались къ селенію. Оробѣвшіе жители перестали уже стрѣлять, ожидая своей гибели, но въ эту рѣшительную минуту явилась передъ ними престарѣлая мать хана, Паху-Бике. „Аварцы,—воскликнула она,—если вы струсили, то недостойны уже носить оружія, отдайте его намъ—женщинамъ, а сами одѣньте наши чадры". Пристыженные этими словами хунзахцы ободрились, воодушевились, въ нихъ заговорило чувство гордости и они рѣшились или умереть на стѣнахъ родного мѣста, или отразить враговъ. Самъ юный ханъ руководилъ обороной и штурмовыя скопища мюридовъ, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, отступили. Хунзахцы отважно бросились въ шашки. Доведя преслѣдованіе до хребта горъ, замыкающихъ Аварскую долину, хунзахцы съ торжествомъ возвратились въ селеніе.

За выдающееся мужество при отраженіи ско-

пищъ Кази-Муллы, императоръ Николай I пожаловалъ аварцамъ знамя съ гербомъ Россійской Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ кавказское начальство обратило серьезное вниманіе на дагестанскія дѣла, начинавшія принимать такое опасное направленіе.

Въ іюлѣ 1830 года въ Гимры былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Розена, который потребовалъ отъ гимринцевъ главнаго виновника дагестанскихъ смутъ— Кази-Муллу. Имамъ, однако, успѣлъ скрыться въ Балаканы, а гимринцы немедленно выдали аманатовъ и поклялись на вѣрность русскому правительству. Баронъ Розенъ удовлетворился такою покорностью жителей и отошелъ обратно на линію.

Этими нерѣшительными дѣйствіями Кази-Мулла не замедлилъ воспользоваться. Представивъ отступленіе Розена какъ торжество мусульманъ, имамъ успѣлъ убѣдить койсубулинцевъ, что они будутъ главнымъ орудіемъ торжества исламизма, что имъ предстоитъ первымъ во имя пророка стать на защиту шаріата.

Въ головѣ Кази-Муллы созрѣлъ грандіозный планъ—поднять къ вооруженному возстанію чеченцевъ, захватить деревню Андрееву, крѣпость Внезапную; въ Дагестанѣ овладѣть Дербентомъ, соединиться съ Асланъ-ханомъ казикумухскимъ, изгнать русскія войска изъ мусульманскихъ провинцій, захватить бывшія ханства Ширванское, Кубинское и Талышинское и, создавъ одно обширное царство

ислама, возвратить устраненныхъ хановъ къ ихъ прежнему владычеству.

Поручивъ дѣйствія въ Чечнѣ Шихъ-Абдуллѣ ашильтинскому, въ концѣ мая Кази-Мулла съ 8-ю тысячнымъ скопищемъ направился къ Таркамъ и занялъ его, при чемъ самъ шамхалъ съ семействомъ своимъ принужденъ былъ искать спасенія въ крѣпости Бурной.

Комендантъ крѣпости, маіоръ Федосѣевъ, для рекогносцировки послалъ къ Таркамъ подъ командою поручика Гушбашу одну роту Куринскаго полка съ однимъ орудіемъ. Рекогносцировка дѣйствительно выяснила о громадномъ превосходствѣ силъ противника. Вооруживъ даже всѣхъ нестроевыхъ, Федосѣеву удалось поставить подъ ружье всего 516 солдатъ.

Кази-Мулла подошелъ къ Бурной и бросился на штурмъ. Внутри крѣпости закипѣлъ ожесточенный бой; но вдругъ раздался потрясающій гулъ и надъ пороховымъ погребомъ взлетѣло черное облако дыма; зданія крѣпости зашатались, и когда миновало первое впечатлѣніе взрыва, то маіоръ Федосѣевъ увидѣлъ, что въ главныхъ воротахъ образовалась удобопроходимая брешь. Горцы въ замѣшательствѣ остановились; пользуясь этимъ комендантъ двинулъ гарнизонъ въ штыки и выбилъ горцевъ изъ крѣпости. Опомнившіеся мюриды вновь пошли на приступъ, но были отбиты и заняли Тарки.

Между тѣмъ на помощь Бурной форсированнымъ маршемъ 28-го мая двинулся изъ Темиръ-

Ханъ-Шуры отрядъ *) генерала Коханова. Едва войска выступили изъ Муселимъ-аула, какъ многочисленныя конныя и пѣшія партіи, наступая на арьергардъ, заставляли отрядъ останавливаться и вступать въ перестрѣлку. Медленно и съ большими препятствіями отрядъ прибылъ къ Таркамъ къ 10-ти часамъ вечера. Ночью Кохановъ получилъ отъ лазутчиковъ свѣдѣнія, что крѣпость Бурная находится въ отчаянномъ положеніи, что гарнизонъ ея уже двое сутокъ лишенъ воды, что артиллерійскіе снаряды всѣ вышли.

Нужно было во чтобы то ни стало атаковать противника. Съ разсвѣтомъ 29-го мая Кохановъ выстроилъ войска въ боевой порядокъ. Колонны Куринцевъ подъ начальствомъ подполковника фонъ-Дистерло, маіоровъ Ивченко и Цыклаурова подвигались впередъ, овладѣвая устроенными завалами и садами. Послѣ кровопролитнаго боя большая часть города была занята, но въ одномъ домѣ укрѣпился самъ Кази-Мулла съ отборнѣйшими своими мюридами: увлеченные фанатизмомъ, они рѣшились лучше умереть, чѣмъ оставить своего имама. Храбрый командиръ Куринцевъ Дистерло увидѣвъ, что изъ этого дома выстрѣлы горцевъ причиняютъ значительный вредъ, и, желая примѣромъ своимъ ободрить солдатъ, самъ бросился съ ними въ штыки, но здѣсь роковая пуля поразила его въ грудь.

---

*) 7 ротъ Куринскаго полка, 6 орудій № 3-й роты 21-й артиллерійской бригады, сотня Донского казачьяго Шурупова полка и 700 мусульманскихъ всадниковъ.

Бой уже длился десять часовъ. Чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ потерь Кохановъ приказалъ прапорщику Евдокимову поджечь часть города, гдѣ еще защищался противникъ. Евдокимовъ исполнилъ возложенное на него порученіе и горцы въ безпорядкѣ отступили.

Кромѣ Дистерло потеря въ этомъ дѣлѣ состояла изъ 32 убитыхъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ 5 офицеровъ и 72 солдатъ. Кази-Мулла потерялъ убитыми главныхъ своихъ сотрудниковъ: Рази-бека казаницскаго и Али-султана унцукульскаго. Мы захватили два почетныхъ знамя Кази-Муллы и 14 значковъ.

Въ Чечнѣ, между тѣмъ Ших-Абдулла волновалъ населеніе и принуждалъ ихъ поголовно возстать противъ русской власти. 14-го іюня Абдулла съ 8-ю тысячами горцевъ обложилъ крѣпость Внезапную, въ которой было до 1500 человѣкъ гарнизона. Съ большимъ трудомъ полковникъ Шумскій съ баталіономъ пѣхоты и четырьмя орудіями пробился туда сквозь скопища непріятеля. Абдулла рѣшилъ штурмовать крѣпость и приказалъ отвести воду. Въ довершеніе всего 17-го іюня къ Внезапной явился Кази-Мулла съ остатками своихъ скопищъ; онъ принялъ главное начальство надъ соединенными силами.

Положеніе гарнизона было весьма критическое, но на помощь двигались отряды князя Бековича и Емануеля. 27-го іюня войска подошли къ Внезапной; тогда Кази-Мулла снялъ

блокаду и отступилъ къ Андреево. Отрядъ двинулся по слѣдамъ имама; лежащія на пути селенія были преданы пламени. Пока войска опустошали деревни, Кази-Мулла отступилъ въ дремучіе лѣса Ауховскаго общества и преградилъ отряду путь отступленія. Войска принуждены были отбивать атаки со всѣхъ сторонъ. Почти всѣ офицеры были переранены или убиты. Въ довершеніе всего горцы захватили одно орудіе съ однимъ заряднымъ и двумя патронными ящиками. Съ большими потерями Емануель вернулся въ Внезапную, лишившись 15-ти офицеровъ и 360-ти нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Торжествую успѣхъ, Кази-Мулла возвратился въ Шамхальскія владѣнія. Депутаты изъ Табасарани и Кайтага призывали имама для освобожденія ихъ отъ русскихъ. Результатомъ этихъ переговоровъ было новое, замѣчательное по своей дерзости, предпріятіе Кази-Муллы—движеніе къ Дербенту. Съ 12-го по 19-е августа Кази-Мулла держалъ крѣпость въ блокадѣ. Узнавъ, однако, о движеніи на помощь крѣпости отряда Коханова, Кази-Мулла отправился въ свой любимый Чиркей. Конечно, блокада Дербента не могла особенно угрожать городу, окруженному прочными, вѣковыми стѣнами, но тѣмъ не менѣе она доказывала, что съ поднятымъ мятежемъ необходимо серьезно считаться. Это побудило кавказское начальство приступить къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Предположено было открыть наступательныя дѣйствія въ Дагеста-

нѣ съ двухъ сторонъ: отъ Дербента и съ Кавказской линіи.

Сосредоточенный у Дербента отрядъ въ 3500 чел. пѣхоты, 3000 конницы при 20 орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Панкратьева, 2-го октября 1831 года двинулся тремя колоннами (*) въ Табасарань и Кайтагъ.

Дѣйствія всѣхъ трехъ колоннъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Миклашевскій взялъ штурмомъ мѣстечко Дювекъ, которое горцы считали совершенно неприступнымъ и куда было свезено все имущество табасаранскихъ селеній. Князь Дадіани, проходя по лѣсистымъ горамъ, достигъ селенія Хушни и разбилъ главнаго сподвижника имама, Авдурзахъ-кадія. Басовъ, дѣйствуя къ сторонѣ Маджалиса, воспрепятствовалъ каракайтагцамъ притти на помощь Вольной Табасарани.

Всѣ три колонны 11-го октября направились въ Нижній Кайтагъ, къ селенію Башлы. Устрашенные наказаніемъ Табасарани, жители высылали къ Панкратьеву депутатовъ съ просьбой пощадить ихъ. Желая ускорить успокоеніе страны и, опасаясь жестокостью раздражить еще болѣе населеніе, Панкратьевъ именемъ государя даровалъ прощеніе всѣмъ просящимъ пощады. Одновременно Пан-

---

(*) 1-я колонна флигель-адъютанта полковника князя Дадіани— шесть ротъ Эриванскаго полка, 3-й конно-мусульманскій полкъ, три сотни мусульманскихъ волонтеровъ: два 6-ти фунтовыхъ и два горныхъ единорога: 2-я колонна, подъ начальствомъ полковника Миклашевскаго -два баталіона 42-го егерскаго и одного баталіона Куринскаго полковъ; 1-й и 2-й конно-мусульманскіе полки, два орудія и два горныхъ единорога; 3-я колонна, подъ начальствомъ полковника Басова,—семь ротъ Апшеронскаго и Куринскаго полковъ, донской казачій Басова полкъ, Кубинская конница и 8 орудій.

кратьевъ вступилъ въ короткія, дружественныя сношенія съ Нуцалъ-ханомъ аварскимъ и матерью его Паху-Бике съ просьбой дѣйствовать совмѣстно съ съ русскими войсками противъ Кази-Муллы. Это имѣло хорошія послѣдствія, такъ какъ аварскій ханъ выставилъ войска свои на границахъ, чтобы не впускать Кази-Муллу въ Аварію.

Водворивъ такимъ образомъ спокойствіе въ Кайтагѣ и Табасарани, Панкратьевъ 16-го октября форсированнымъ маршемъ направился въ Шамхальскія владѣнія. Эрпели и Чиркей оказали упорное сопротивленіе, но принуждены были смириться, при чемъ чиркеевцы возвратили одно орудіе, отбитое Кази-Муллой у Емануеля.

Одновременно съ Панкратьевымъ со стороны Кавказской линіи вступилъ въ Сѣверный Дагестанъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова другой отрядъ: 2500 человѣкъ пѣхоты, 500 кавалеріи при 22 орудіяхъ. Вельяминовъ направился къ Чиръ-Юрту и послѣ кровопролитнаго штурма взялъ этотъ аулъ; но этимъ и ограничились его дѣйствія, такъ какъ послѣ чиръ-юртскаго дѣла Вельяминовъ возвратился на Терекъ.

Между тѣмъ, Кази-Мулла, пользуясь отвлеченіемъ силъ съ Линіи, предпринялъ смѣлый набѣгъ на Кумыкскую плоскость. Явившись въ Гудермесъ, имамъ призывалъ жителей къ всеобщему возстанію. Переѣзжая изъ аула въ аулъ, и, проповѣдуя газаватъ, онъ имѣлъ громадный успѣхъ. Кази-Мулла направился на совершенно беззащитный городъ Кизляръ. Оторопѣлое населеніе, не

зная что дѣлать, металось изъ стороны въ сторону; раздававшійся на колокольняхъ трезвонъ еще болѣе усиливалъ переполохъ и суматоху. Ворвавшіеся въ городъ горцы рубили кого попало, врывались въ дома, въ магазины. Захвативъ громадную и богатую добычу, Кази-Мулла направился обратно въ Дагестанъ.

Узнавъ объ этомъ дѣлѣ, императоръ Николай Павловичъ выразилъ крайнее неудовольствіе.

Встревоженный такой отважной предпріимчивостью имама, Вельяминовъ устремился по слѣдамъ его; но Кази-Мулла уже успѣлъ уйти въ горы и торжествующій прибылъ къ Чукмескентъ, гдѣ шамхальцы, койсубулинцы, даже аварцы, привлекаемые успѣхами и жаждой добычи, вновь стали стекаться на его призывъ.

Пользуясь произведеннымъ громаднымъ впечатлѣніемъ, Кази-Мулла сумѣлъ воодушевить ихъ къ непримиримой враждѣ къ русскимъ. У Чукмескента имамъ воздвигъ укрѣпленіе Агачъ-кáла и здѣсь рѣшилъ отчаянно защищаться. Командиру 42-го егерскаго полка полковнику Миклашевскому было поручено взять это укрѣпленіе. 30-го ноября Миклашевскій съ двумя баталіонами своего полка и шестью ротами Куринцевъ, съ шамхальской и мехтулинской милиціей, при 11-ти орудіяхъ выступилъ изъ Параула въ Казанище. Приблизившись къ Чукмескенту, Миклашевскій произвелъ рекогносцировку, которая выяснила, что черезъ оврагъ невозможно перевезти орудій, а посланный маіоръ

Нижегородскаго полка князь Бебутовъ донесъ, что дорога ведущая на гору вся завалена бревнами.

Не желая напрасно терять времени, Миклашевскій рѣшился атаковать противника одною пѣхотою, а восемь орудій поставилъ на высотахъ для дѣйствіи по заваламъ. Открывъ сильный орудійный огонь, Миклашевскій направилъ три баталіона, подъ командою подполковника Михайлова, для перехода черезъ ровъ. Апшеронцы, Куринцы и Егеря стремительно взяли первые завалы, но за ними наткнулись на самое укрѣпленіе Агачъ-кала, которое состояло изъ высокаго тройного сруба съ бойницами съ глубокимъ рвомъ. Здѣсь атакующіе встрѣтили отчаянное сопротивленіе; мѣткіе выстрѣлы горцевъ наносили сильнѣйшій вредъ, но все это не могло удержать храбрецовъ: офицеры и солдаты одинъ передъ другимъ соревновали въ мужествѣ; они бросались на шанцы и погибали тамъ. Миклашевскій былъ раненъ пулею въ руку, но, не обращалъ на это вниманія и, видя нѣкоторое замѣшательство по причинѣ большой потери, сошелъ съ лошади и самъ сталъ во главѣ штурмующихъ войскъ; горцы упорно защищались, но при всемъ томъ, воодушевленные примѣромъ своего начальника, солдаты храбро рванулись впередъ, окружили укрѣпленіе и стали разбирать его по бревнамъ. Самъ Миклашевскій рубилъ полисадъ, разбрасывалъ руками бревна, но дорого поплатился за свою запальчивость: пораженный пулею, онъ успѣлъ только произнести „возьмите“ и укрѣпленіе было взято. Побѣда была блистательная, но обошлась слиш-

комъ дорого—потеря такого выдающаго начальника какъ Миклашевскій помрачила горемъ восторгъ отряда. Лагерное мѣсто и раскинутая передъ нимъ поляна названа „Миклашевскаго поляна". Старые кавказцы съ гордостью указывали на это мѣсто, вспоминая подвигъ погибшаго героя.

Горцы, пользуясь наступившей темнотою, бѣжали и направились въ Гимры. Всѣ возведенныя въ Чукмескентѣ строенія и укрѣпленія были преданы пламени.

Въ этомъ дѣлѣ потери убитыми и ранеными отряда были значительны—3 штабъ-офицера, 5 оберъ-офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ и 370 рядовыхъ. Трофеями побѣды были—два почетныхъ знамя Кази-Муллы и одно Гамзатъ-бека; захвачена богатая добыча, деньги и много лошадей, въ числѣ коихъ были лошади съ богатымъ конскимъ уборомъ Кази-Муллы и Гамзатъ-бека. При поспѣшномъ бѣгствѣ въ одной пещерѣ Кази-Мулла оставилъ коранъ и другія шаріатскія книги.

Войска были распущены на зимнія квартиры.

Розославъ повсюду прокламаціи о пораженіи „богопротивнаго мошенника", генералъ Панкратьевъ былъ убѣжденъ, что Кази-Мулла потерялъ навсегда свою власть и значеніе и что спокойствіе въ Дагестанѣ водворено на долгое время. Эти предположенія, однако, были ошибочны въ чукмескентскомъ бою горцы видѣли необыкновенную храбрость сподвижниковъ имама и проникались глубокимъ уваженіемъ какъ къ самому Кази-Муллѣ, такъ и къ мюридамъ. Имамъ собиралъ новыя

силы и совмѣстно съ чеченцами обдумывалъ осуществленіе новыхъ предпріятій.

Въ августѣ 1832 г., подъ общимъ начальствомъ барона Розена, недалеко отъ Назрановскаго укрѣпленія, собрался отрядъ численностью до 10-ти тысячъ человѣкъ *). Въ то время Кази-Мулла истреблялъ мирныя качкалыковскія деревни на правомъ берегу Терека. Получивъ извѣстіе, что Кази-Мулла появился къ сторонѣ Андреевой, полковнику Волжинскому приказано было выступить къ Шавданъ-юрту съ 500 казаками Моздокскаго, Гребенского и Семейнаго полковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ.

Атаковавъ многочисленныя партіи Кази-Муллы, казаки начали ихъ преслѣдовать и до того увлеклись, что достигли лѣсистыхъ ущелій. Кази-Мулла скоро замѣтилъ, что имѣетъ дѣло съ малочисленнымъ коннымъ отрядомъ, потому онъ остановилъ свою пѣхоту и, скрывъ ее въ лѣсу, внезапно бросился на орудія; чеченцы одновременно атаковали и казаковъ.

Полковникъ Волжинскій, сойдя съ лошади и прислонясь къ орудію, наносилъ шашкою смертельные удары, но, получивъ нѣсколько ранъ, палъ мертвымъ на орудіе. Казаки дрались отчаянно, однако не могли спасти орудій и они достались противнику. Разоряя по пути всѣ аулы по Мартану,

---

*) По два баталіона Московскаго, Бутырскаго и Эриванскаго полковъ, три баталіона 40-го и по одному баталіону отъ 41-го и 43-го егерскихъ полковъ; Моздокскій казачій полкъ, Конно-Грузинскій полкъ, 1-й и 2-й Конно-Закавказскіе полки; Кавказской гренадерской артиллерійской бригады легкая № 2 рота, Конно-линейная казачья № 6 рота.

Гойтѣ и Аргуну, отрядъ черезъ Большую Чечню и Шали 23-го августа подошелъ къ Герменчуку, въ которомъ чеченцы ожидали прибытія Кази-Муллы съ 3-хъ тысячнымъ скопищемъ.

Герменчукъ, самый значительный и богатѣйшій аулъ, имѣлъ тогда болѣе 600 домовъ; аулъ расположенъ на берегу рѣки Джалки; всѣ удобнѣйшіе переходы были прикрыты окопами со рвами; густые сады и высокіе плетни были приспособлены къ оборонѣ.

Батарея изъ 20-ти орудій, устроенная генераломъ Вельяминовымъ, открыла огонь, подъ прикрытіемъ котораго Бутырскій и Московскій полки, поддерживаемые баталіономъ 41-го егерскаго полка, пошли въ атаку. Не отвѣчая на выстрѣлы противника, солдаты бросились въ штыки; чеченцы были выбиты изъ садовъ. Въ помощь пѣхотѣ двинулся полковникъ Зассъ съ двумя сотнями казаковъ и Грузинскій конный полкъ, которымъ командовалъ гвардіи штабсъ-ротмистръ князь Андрониковъ. Зассъ спѣшилъ казаковъ, повелъ ихъ на завалы и вытѣснилъ оттуда горцевъ; какъ Зассъ, такъ и Андрониковъ при этомъ были ранены. Между тѣмъ пѣхота очистила всю деревню, а чеченцы разсѣялись въ лѣсныхъ ущельяхъ.

Самъ Кази-Мулла во время боя находился въ ближайшихъ лѣсахъ, предполагая броситься на отрядъ съ тыла; видя, однако, что Герменчукъ взятъ, Кази-Мулла бѣжалъ къ Маюртупу. Неудача эта сильно поколебала престижъ имама и онъ возвратился къ себѣ въ Гимры. Пользуясь впечатлѣ-

ніемъ, произведеннымъ погромомъ Герменчука, баронъ Розенъ разослалъ повсюду извѣщенія съ требованіемъ покорности.

Экспедиція въ Чечню была окончена; до 80-ти селеній изъявили покорность, выдавъ аманатовъ.

Въ горахъ Дагестана вѣсть о разгромѣ Чечни разнеслась съ быстротою молніи. Умы горцевъ дрогнули; участь Чечни устрашила ихъ; они смутились и притихли; они сознавали, что безъ плодородной Чечни, кормившей ихъ хлѣбомъ, существовать не могутъ. Одинъ лишь Кази-Мулла не упалъ духомъ; онъ уговаривалъ Гамзатъ-бека оказать ему содѣйствіе въ неравной борьбѣ съ русскими; онъ разослалъ вѣрныхъ своихъ мюридовъ къ гумбетовцамъ, андійцамъ и койсубулинцамъ съ требованіемъ вооружаться противъ русскихъ, указывалъ на участь Чечни, грозилъ подобнымъ же бѣдствіемъ Дагестану, если населеніе его поголовно не возмется за оружіе. Однако этотъ призывъ и угрозы не вызвали особеннаго энтузіазма; въ Гимры явилось небольшое число фанатиковъ, ближайшихъ приверженцевъ имама.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ баронъ Розенъ рѣшилъ предпринять экспедицію въ Дагестанъ и главнымъ образомъ наказать Гимры, обѣщавшаго не принимать Кази-Муллы и нарушившаго эти обѣщанія.

Усиливъ отрядъ генерала Вельяминова до 8-ми тысячъ *) баронъ Розенъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры двинулся къ Гимрамъ.

*) 2-й баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, пять ротъ Эриванскаго карабинернаго, 1-й баталіонъ Тифлисскаго пѣхотнаго, 1-й баталіонъ 41-го егерскаго, 1-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго, два

Селеніе Гимры лежитъ на правой сторонѣ Сулака, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Прилегающія утесистыя горы образуютъ тѣснину, которая была преграждена въ трехъ мѣстахъ каменными стѣнами. Горцы были совершенно убѣждены въ неприступности своего убѣжища и между ними ходила пословица, что русскіе могутъ сойти въ Гимры только съ дождемъ.

14-го октября отрядъ весь подошелъ къ аулу; до 17-го числа шли подготовительныя работы,—расчистка дорогъ и снѣжныхъ заваловъ. На разсвѣтѣ этого дня баронъ Розенъ отдалъ приказаніе штурмовать аулъ. Генералъ Вельяминовъ назначилъ два баталіона Бутырцевъ, спѣшенную милицію грузинъ и татаръ и линейныхъ казаковъ (просившихъ позволенія загладить вину за несчастіе съ Волжинскимъ) и приказалъ имъ выбить непріятеля съ утесистой горы лѣвой стороны тѣснины, а баталіонамъ Херсонскаго и Тифлисскаго полковъ съ двумя единорогами и саперами—атаковать селеніе съ фронта.

Войска пошли на штурмъ, но потерпѣли неудачу. Вельяминовъ хотѣлъ съ резервомъ поддержать атаку, но въ это время на горѣ, со стороны Эрпели, показались скопища горцевъ, спускавшихся къ Гимрамъ. Полковнику кн. Дадіани съ Эриванскимъ баталіономъ приказано было отбросить ихъ. Эриванцы заняли гору и принудили партіи

баталіона Бутырскаго пѣхотнаго, сборная рота 43-го егерскаго, двѣ роты Кавказскаго сапернаго баталіона: сотня Конно-Грузинскаго полка, 1-й и 2-й Конно-Закавказскіе полки, казаки Терскаго и Моздокскаго полковъ; 6 горныхъ единороговъ и 8 кегорновыхъ мортирокъ.

отступить. Сосредоточивъ войска, Вельяминовъ предпринялъ вторую атаку. Бутырцы и съ ними грузины и татары, Эриванцы и Егеря начали выбивать непріятеля на гору, но горцы уклонились отъ штыковаго удара. Преодолѣвъ величайшія затрудненія, войска все подавались впередъ и ворвались въ селеніе. Въ это время баталіоны Херсонскаго и Тифлисскаго полковъ бросились на стѣну, погнались такъ быстро, что непріятель даже не остановился за второю стѣною. Мюриды дрались съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и большая часть ихъ предпочла погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ четырехчасовой свалки, наконецъ, Гимры, заваленное трупами, было взято. Самъ Кази-Мулла, Шамиль и нѣсколько отчаянныхъ мюридовъ въ послѣдній моментъ боя перешли въ башню, рѣшившись тамъ защищаться до смерти. Башня была окружена.

Кази-Мулла, видя неизбѣжную гибель, обратился къ сидѣвшему возлѣ него Шамилю съ словами: „ты неоднократно говорилъ мнѣ, что желалъ бы попасть въ рай, умирая на газаватѣ; вотъ прекрасный случай: иди и сразись съ русскими“. Шамиль въ грубыхъ выраженіяхъ отказался, упрекая имама въ несчастіи, постигшемъ ихъ и цѣлое селеніе. Не удостоивъ Шамиля ни малѣйшимъ на это возраженіемъ, Кази-Мулла обратился съ такимъ же предложеніемъ къ любимому своему мюриду Магома-султану; тотъ только этого и ждалъ: надвинувъ на глаза папаху, онъ съ крикомъ „Астафирулла! ля иль Алла“ ринулся изъ башни, пора-

жая кинжаломъ направо и налѣво, но тутъ же палъ подъ штыками солдатъ. Та же участь постигла и самого Кази-Муллу. Шамиль спасся благодаря своей необыкновенной ловкости: выпрыгнувъ изъ башни и получивъ сквозную штыковую рану въ грудь, онъ все же успѣлъ бѣжать.

При взятіи Гимръ отрядъ потерялъ убитыми одного офицера, 40 нижнихъ чиновъ; ранеными и контуженными—2 штабъ-офицеровъ, 34 оберъ-офицеровъ, 353 нижнихъ чина.

„Смерть Кази-Муллы,—говоритъ Невѣровскій,—произвела сильное впечатлѣніе на горцевъ. Причиною тому послужило одно обстоятельство, на первый взглядъ совершенно ничтожное: тѣло было найдено въ такомъ положеніи, что одною рукою онъ держался за бороду, а другою указывалъ на небо; по мнѣнію же мусульманъ это есть именно то самое положеніе, въ которомъ можетъ быть только праведникъ въ минуту самыхъ теплыхъ своихъ молитвъ, когда онъ возносится духомъ до постиженія могущества Всевышняго. А потому горцы, увидѣвъ трупъ Кази-Муллы, начали раскаиваться въ своемъ поведеніи и упреками себя за то, что не подали ему помощи.“

Такимъ образомъ, смерть Кази-Муллы вселила горцамъ энтузіазмъ настолько сильный, что они готовы были во имя завѣщанныхъ имамомъ идей продолжать начатое имъ дѣло. Недоставало лишь достойнаго предводителя, но онъ не замедлилъ появиться—это былъ Гамзатъ-бекъ.

Родъ Гамзата происходилъ отъ аварскихъ бековъ; отецъ его, Александеръ-бекъ, среди аварцевъ пользовался уваже ніемъ за личную храбрость и отвагу при не однократныхъ нашествіяхъ лезгинъ на Кахетію. Султанъ-Ахметъ-ханъ въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ обращался за совѣтами къ умному и вліятельному въ народѣ Александеръ-беку.

Способный отъ природы Гамзатъ выказывалъ быстрые успѣхи въ наукахъ, а на 24 году, когда умерли отецъ и учитель, онъ возвратился въ Гоцатль, но вскорѣ затѣмъ отправился въ Хунзахъ. Въ то время управлялъ Аваріей сынъ Султана-Ахметъ-хана, малолѣтній Абу-Нуцалъ-ханъ, подъ регенствомъ своей матери Паху-Бике. Ханша помнила заслуги Александеръ-бека и преданность его къ ханской фамиліи, потому помѣстила Гамзата въ своемъ дворцѣ, обходилась съ нимъ какъ съ ближайшимъ родственникомъ и была къ нему постоянно ласкова и внимательна.

Въ Хунзахѣ Гамзатъ усовершенствовался въ наукахъ и черезъ 4 года возвратился въ Гоцатль уже алимомъ, надѣлъ огромную чалму.

Въ то время Кази-Мулла уже привлекалъ вниманіе всего Дагестана и Гамзатъ-бекъ поѣхалъ къ нему въ Гимры. Имамъ принялъ Гамзата съ радостью и послѣ продолжительнаго совѣщанія предложилъ ему дѣйствовать совмѣстно и распространять шаріатъ. Гамзатъ охотно принялъ предложеніе и съ тѣхъ поръ сдѣлался ревностнымъ сподвижникомъ и помощникомъ Кази-Мулы.

Способности Гамзата сразу были оцѣнены Кази-Муллою и вскорѣ послѣ хунзахскаго пораженія предложилъ ему волновать общества лежащія къ югу отъ Аваріи. Гамзатъ охотно согласился на это и отправился къ себѣ на родину. Здѣсь ему явились депутаты отъ джарцевъ, которые отъ имени Шихъ-Шабана, руководителя мятежа заалазанскихъ лезгинъ, убѣждали Гамзата притти на помощь для утвержденія шаріата и ниспроверженія русской власти въ Джаро-Белоканахъ. Гамзатъ обратился съ воззваніемъ, въ которомъ обѣщалъ богатую добычу и славу будущимъ участникамъ похода, и скоро къ нему начали стекаться горская голытьба—вольница. Собравъ такимъ образомъ до 5-ти тысячъ человѣкъ, Гамзатъ выступилъ черезъ Цульду и Ирибъ въ Джаро-Белоканы. Счастіе необыкновенно благопріятствовало Гамзату: въ удачныхъ стычкахъ съ небольшими русскими колоннами, производившими вылазки изъ крѣпости Закаталы, онъ даже отбилъ орудія.

Наступила зима, въ горахъ выпалъ глубокій снѣгъ, который не только мѣшалъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ нестройныхъ скопищъ, но вызывалъ тревожныя опасенія за благополучное возвращеніе ихъ на родину. Гамзатъ-бекъ рѣшился вступить въ переговоры съ генераломъ Стрекаловымъ, заявляя готовность распустить ополченіе при условіи полнаго прощенія джарцамъ, и выговаривалъ себѣ отъ правительства пенсіонъ. Стрекаловъ просилъ Гамзата прибыть въ Закаталы. Безъ всякаго требованія обезпечить жизнь и свободу, руководимый

довѣріемъ, Гамзатъ явился туда въ сопровожденіи самого Шихъ-Шабана. Стрекаловъ, имѣя у себя такихъ выдающихся руководителей горцевъ и, отговариваясь, что не уполномоченъ вести переговоры, арестовалъ ихъ обоихъ и отправилъ въ Тифлисъ къ графу Паскевичу. Этотъ поступокъ Стрекалова, какъ впослѣдствіи говорилъ Шамиль, былъ основаніемъ того недовѣрія, которое всегда высказывалъ имамъ по отношенію къ мѣстнымъ начальникамъ.

Въ Тифлисѣ Гамзатъ-бека заключили въ тюрьму, и здѣсь онъ, обманутый въ ожиданіяхъ блестящей славы, и тоскуя по роднымъ горамъ, уже потерялъ всякую надежду быть когда либо свободнымъ, какъ совершенно неожиданно правитель Казикумухскаго ханства, генералъ-маіоръ Асланъ-ханъ, обратился къ графу Паскевичу съ просьбой отпустить Гамзата на родину и принять въ аманаты сына его Кайхосро. Не желая огорчить отказомъ Асланъ-хана, человѣка вліятельнаго въ краѣ, Паскевичъ отпустилъ Гамзата; при чемъ вслѣдъ за нимъ сынъ его Кайхосро убѣжалъ изъ Тифлиса и, пробираясь въ Аварію, замерзъ на вершинахъ Кавказскаго хребта.

По возвращеніи въ Гоцатль Гамзатъ получилъ извѣстіе о смерти сына и, считая русскихъ виновниками постигшаго его несчастія, поклялся мстить имъ во всю свою жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признательный Асланъ-хану за хлопоты по освобожденію, сталъ онъ часто посѣщать его и бесѣды ихъ вращались преимущественно объ Аварскомъ ханствѣ и

ханахъ. Асланъ казикумухскій питалъ непримиримую вражду къ этимъ ханамъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что ханша Паху-Бике нарушила свое обѣщаніе выдать дочь свою, прекрасную Солтанеть, за сына Аслана.

Освободивъ Гамзата изъ тюрьмы Асланъ-ханъ выбралъ его орудіемъ мести противъ аварскаго ханскаго дома; онъ систематически вливалъ въ душу Гамзата жажду мщенія, честолюбія, надежду на обладаніе ханской властью въ Аваріи.

Условившись во взаимномъ содѣйствіи Гамзатъ-бекъ и Асланъ-ханъ разстались, волнуемые оба противоположными надеждами, оба съ нетерпѣніемъ ожидая случая, который далъ бы имъ возможность выполнить ихъ планъ истребленія династіи аварскихъ хановъ.

Гамзатъ все же предварительно предпринялъ вторичное нашествіе на Джаро-Белоканы; потерпѣвъ тамъ неудачу, онъ вернулся къ Кази-Муллѣ, участвовалъ въ дѣйствіяхъ его на плоскости, дрался въ Чукмескентѣ противъ Миклашевскаго и, едва избѣгнувъ смерти, вернулся въ Гоцатль, гдѣ оставался въ бездѣйствіи до взятія Гимръ.

Когда Гамзату дали знать о смерти имама, онъ сначала не повѣрилъ этому, но лишь только взошло солнце и лучи его отразились на штыкахъ русскихъ солдатъ, занявшихъ Гимры, онъ убѣдился въ справедливости извѣстія; на нѣсколько минутъ притворясь спящимъ и потомъ будто бы приходя въ сознаніе, Гамзатъ медленно привсталъ на колѣни, погладилъ бороду и, обращаясь къ окру-

жавшимъ его мюридамъ, горячо убѣждалъ ихъ не забывать завѣтовъ Кази-Муллы.

Возвратясь въ Гоцатль Гамзатъ не долго оставался въ бездѣйствіи—онъ совершаетъ поломничество къ знаменитому шейху Магомету яраглинскому, который разослалъ воззванія ко всѣмъ кадіямъ дагестанскихъ обществъ, приглашая ихъ собраться въ сел. Кораду для выслушанія важныхъ извѣстій. Въ полдень назначеннаго дня, когда толпа собравшихся кадіевъ, старшинъ и почетныхъ лицъ тѣснились у дверей мечети, въ селеніе въѣхалъ Гамзатъ-бекъ окруженный мюридами: гордо войдя въ мечеть, онъ совершилъ намазъ и затѣмъ, повернувшись лицомъ къ народу, произнесъ зажигательную рѣчь, въ которой требовалъ продолжать борьбу съ русскими. Въ заключеніе Гамзатъ объявилъ: „Кази-Мулла избралъ меня своимъ помощникомъ; нынѣ, по совѣту мудраго шейха Магомета, я долженъ быть преемникомъ. И такъ, правовѣрные, я объявляю, что начальникъ вашъ, имамъ,—я!"

Послѣ этой рѣчи раздались было нѣсколько протестующихъ возгласовъ, но Гамзатъ приказалъ всѣмъ замолчать и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Мусульмане! Съ прискорбіемъ вижу, что вы стали равнодушны къ своей вѣрѣ! мой долгъ—долгъ имама, велитъ мнѣ навести васъ на путь, съ котораго вы совратились! Я требую отъ васъ слѣпого повиновенія и повѣрьте, что силою оружія сумѣю заставить непослушныхъ подчиниться моей власти.

Грозная поза Гамзата, сжимавшаго рукоятку шашки, и приближеніе къ нему отважныхъ его мюридовъ до того смутили собравшихся, что ни одинъ голосъ не возвысился, чтобы высказать свое мнѣніе. Не давая времени опомниться, Гамзатъ вышелъ изъ мечети, вскочилъ на коня и помчался въ Гоцатль. Мюриды, джигитуя, подняли пальбу изъ ружей и пистолетовъ въ честь новаго имама и въ ознаменованіе совершившагося событія. Въ Гоцатлѣ Гамзатъ принималъ поздравленія. Поздравляя съ новымъ саномъ мать Кази-Муллы прислала письмо, въ которомъ сообщила, что по завѣщанію сына имѣвшееся у нее на рукахъ все достояніе имама должно быть передано преемнику имамской власти на военные расходы для возстановленіи шаріата. Получивъ неожиданно всю казну имамата, Гамзатъ-бекъ имѣлъ уже средства начать свои дѣйствія.

Присвоивъ себѣ имамскій санъ, Гамзатъ началъ разъѣзжать по селеніямъ и постепенно то увѣщаніями, то угрозами и насиліемъ заставилъ населеніе примкнуть къ его призыву. Достигнувъ власти Гамзатъ рѣшается приступить къ осуществленію давно задуманнаго плана—овладѣнію Аваріей.

Прибывшаго къ нему Шамиля, достойнаго ему соперника, онъ сначала встрѣтилъ недружелюбно, но Шамиль предложилъ свои услуги быть вѣрнымъ помощникомъ и ему было поручено содѣйствовать успѣху предпріятія.

Въ августѣ 1834 года Гамзатъ-бекъ съ 10-ти

тысячнымъ скопищемъ подступилъ къ Хунзаху. Вся Аварія, за исключеніемъ столицы, была на его сторонѣ. Гамзатъ предложилъ ханшѣ Паху-Бике, чтобы она съ аварцами приняла бы шаріатъ, прервала бы сношенія съ русскими и заставила бы своихъ сыновей сдѣлаться ихъ открытыми врагами, а въ случаѣ отказа грозилъ штурмовать Хунзахъ. Ханша, испуганная его угрозами, опасаясь мести, сама не знала на что рѣшиться; наконецъ, послѣ долгаго колебанія и по совѣту почетныхъ старшинъ, отправила къ Гамзату его прежняго учителя, кадія Нуръ-Магомета, съ 15-ю аварцами. Депутація заявила, что ханша со всѣми подвластными принимаетъ шаріатъ съ тѣмъ, чтобы имамъ прислалъ въ Хунзахъ алима, что газаватъ противъ русскихъ отвергаетъ, прося въ этомъ отношеніи оставить ей свободу дѣйствій.

Гамзатъ, выслушавъ отвѣтъ ханши, приказалъ передать ей, что онъ пришлетъ въ Хунзахъ алима, что онъ требуетъ въ аманаты младшаго сына ее Булачъ-хана. Паху-Бике, вынужденная подчиниться волѣ сильнаго противника, на другой день отправила Булачъ-хана; принявъ его съ обычными почестями, Гамзатъ отправилъ его въ Гоцатль; но вмѣсто посылки алима онъ отправилъ въ Хунзахъ нарочнаго съ просьбой, чтобы ханша отпустила бы къ нему Нуцалъ-хана и Умма-хана для весьма важныхъ переговоровъ, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе ханства и выгоды ханскаго дома. Позвавъ сыновей, ханша объявила имъ требованіе Гамзата. Нуцалъ-ханъ отвѣтилъ на это, что хит-

рый Гамзатъ вѣроломно задержитъ ихъ и лишитъ Хунзахъ защитниковъ, а потому полагалъ лучше отправить сначала Умма-хана съ почетными старшинами. Ханша согласилась. Гамзатъ-бекъ подъ разными предлогами задержалъ прибывшаго хана.

Между тѣмъ въ Хунзахѣ долгое отсутствіе Умма-хана вызвало тревогу. Паху-Бике предложила Нуцалъ-хану лично отправиться къ Гамзату, но сынъ отвѣчалъ, что будетъ ждать возвращенія брата. Прошло еще нѣкоторое время и ханша стала болѣе настойчиво требовать отъѣзда Нуцалъ-хана, указывая, что младшій братъ слишкомъ молодъ и не сумѣетъ разговаривать съ Гамзатомъ. Нуцалъ все не соглашался, тогда мать сказала:

— Очень понятно, что ты гордъ и считаешь унизительнымъ первому ѣхать для переговоровъ съ какимъ нибудь разбойникомъ—джанкою, но когда угрожаетъ явная опасность не только твоему дому, но и всему ханству, подобная гордость неумѣстна. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что ты отказываешь въ просьбѣ матери изъ трусости...

— А! закричалъ оскорбленный обиднымъ замѣчаніемъ матери Нуцалъ-ханъ,—ты хочешь лишиться и послѣдняго твоего сына! Изволь, я ѣду!.. Скорѣе лошадей и нукеровъ! И Нуцалъ съ 20-ю преданными нукерами поскакалъ въ лагерь Гамзата.

Лишь только аварскій ханъ показался въ лагерѣ, Гамзатъ-бекъ побѣжалъ къ нему навстрѣчу и принялъ гостя, какъ своего повелителя. Нуцалъ-ханъ дружески его привѣтствовалъ и вслѣдъ за приглашеніемъ вошелъ въ его палатку вмѣстѣ съ

братомъ; за ними послѣдовали нѣсколько почетныхъ хунзахцевъ и два мюрида.

Гамзатъ, любезно угощая гостей, сказалъ Нуцалу:

— Ханъ! все войско мое находится отнынѣ въ твоемъ распоряженіи, повелѣвай имъ какъ хочешь. Съ этой же минуты, если только ты позволишь мнѣ поселиться въ твоемъ дворцѣ, я исключительно займусь благороднымъ, священнымъ дѣломъ распространенія шаріата, а ты будешь имамомъ.

Обманутый льстивыми словами, Нуцалъ-ханъ благодарилъ Гамзата въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, обѣщая сохранить къ нему неизмѣнную дружбу. Предложеніе принять имамскую власть молодой, честолюбивый ханъ принялъ за чистую монету, забывая о томъ, что въ имамы поступаютъ люди извѣстные своею книжною ученостью и преданные религіи до фанатизма.

Расположивъ такимъ образомъ къ себѣ недовѣрчиваго хана, Гамзатъ оставилъ гостей въ палаткѣ, а самъ съ двумя мюридами отправился къ рѣкѣ для совершенія намаза.

Когда происходила бесѣда имама съ ханомъ, Шамиль и другіе мюриды затѣяли съ пришедшими хунзахцами ссору, явно вызывая ихъ на столкновеніе. Шамиль, раздражая еще болѣе ханскую свиту, упрекалъ хунзахцевъ, что они преданы русскому правительству и что до тѣхъ поръ пока не будутъ снесены всѣ башни и стѣны ихъ крѣпости, оба хана будутъ задержаны. Опасаясь за жизнь своихъ хановъ и видя, что мюриды начали связы-

вать руки нукеру Бугу, вѣрный слуга хановъ, выхвативъ изъ ноженъ шашку, закричалъ: „Если уже дошло до насилія, то и вы, храбрые товарищи-хунзахцы, употребите въ дѣло оружіе“. Между мюридами и хунзахцами завязалась схватка на жизнь и смерть.

Одинъ изъ мюридовъ, Гаджіевъ-Султанъ-Магометъ, подбѣжавъ къ палаткѣ имама и выстрѣливъ изъ ружья, убилъ Умма-хана. Нуцалъ-ханъ съ шашкой и кинжаломъ въ рукѣ выскочилъ изъ палатки и разсѣкъ голову на двое двоюродному брату имама Мурадъ-беку; но въ это время мюридъ Рамазанъ выстрѣлилъ изъ пистолета и пуля пробила хану лѣвое плечо. Съ налитыми кровью глазами раненый Нуцалъ-ханъ бросился на Рамазана и однимъ ударомъ убилъ его; такая же участь постигла и шурина имама Дебирсуль-Магомета. Тогда нѣсколько мюридовъ напали на хана и одинъ изъ нихъ отрубилъ ему лѣвую сторону лица. Придерживая одной рукой лицо, Нуцалъ, отражая нападенія, пробивался среди мюридовъ и нанесъ многимъ изъ нихъ смертельныя раны. Отчаянная храбрость молодого хана навела паническій ужасъ среди мюридовъ, но онъ, обезсиливъ отъ полученныхъ ранъ, обливаясь кровью, упалъ мертвымъ.

Старшины и нукеры хунзахскіе въ свою очередь отчаянно дрались съ мюридами и весьма немногіе изъ нихъ вернулись въ Хунзахъ и сообщили горестную вѣсть о постигшей аварскихъ хановъ участи.

Тѣла убитыхъ хановъ, по приказанію имама,

были обнажены; оружіе ихъ, даже платье приказалъ онъ снять съ нихъ.

Обагренный кровью законныхъ владѣтелей Аваріи, Гамзатъ-бекъ на другой день послѣ кровавой драмы вошелъ въ Хунзахъ и поселился въ ханскомъ дворцѣ. Шамилю было поручено забрать всѣ ханскія сокровища.

14-го августа Гамзатъ-бекъ приказалъ ввести ханшу въ пріемный залъ. Убитая горемъ Бике сохранила видъ гордый и спокойный: твердою поступью вступивъ на дворъ дома, бывшаго столько лѣтъ достояніемъ аварскихъ хановъ, она, не смутившись, предстала передъ суровымъ имамомъ и, соблюдая обычный этикетъ, поздравила съ пріобрѣтеніемъ новаго сана. Гамзатъ, не вступая въ объясненія, язвительно улыбнулся, кивнувъ головою своявшему позади палачу, гимринскому мюриду Салихилову, который нанесъ несчастной ханшѣ такой сильный ударъ кинжаломъ, что голова ея, отдѣлившись отъ туловища, покатилась къ ногамъ имама. Этотъ поступокъ Гамзата былъ до того гнуснымъ, что не понравился даже его мюридамъ, а среди аварцевъ вызвалъ еще большую къ нему ненависть. Горцы всегда щадятъ женщинъ.

Та же участь постигла и родственника хановъ полковника Сурхай-бека, который, какъ джанка, могъ наслѣдовать за неимѣніемъ въ Аваріи законныхъ наслѣдниковъ.

Такими преступленіями Гамзатъ-бекъ достигъ завѣтной мечты и провозгласилъ себя ханомъ Аваріи.

Спустя нѣсколько дней послѣ хунзахскихъ событій Шамиль говоритъ Гамзату: „По моему мнѣнію, тебѣ нужно отправиться въ Гоцатль, провести тамъ время въ постѣ и молитвѣ и дать отдохнуть хунзахцамъ; а между тѣмъ мы, т. е. я, Саитъ-Шалинскій, Газіовъ каратенскій, Кибитъ-Магома тилитлинскій и Абдурахманъ карахскій, будемъ развивать твое дѣло каждый въ своемъ обществѣ. Гамзатъ, признавая этотъ совѣтъ полезнымъ, поручилъ Шамилю отправить арбы съ имуществомъ хановъ въ Гоцатль, куда и самъ выѣхалъ. Но каково было удивленіе Шамиля, когда на третій день ханское имущество было возвращено обратно. Явился самъ Гамзатъ, заявивъ, что рѣшилъ основать свою резиденцію въ Хунзахѣ, такъ какъ селеніе это находится въ центрѣ Дагестана, откуда лучше управлять дѣлами края. Тщетно Шамиль указывалъ имаму на крайнюю опасность пребыванія въ мѣстѣ, гдѣ населеніе такъ озлоблено кровавыми событіями, но Гамзатъ не послушалъ его совѣтовъ.

Извѣстіе объ истребленіи аварской династіи съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія было получено Асланъ-ханомъ казикумухскимъ. Наконецъ онъ отомщенъ за нанесенную ему кровную обиду. Желая выразить свою радость и благодарность Гамзату, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь чтобы русское начальство не узнало кто былъ главнымъ вдохновителемъ хунзахской драмы, Асланъ-ханъ прислалъ имаму два письма и при нихъ въ подарокъ золотые часы. Въ одномъ письмѣ, прочитанномъ въ присутствіи всѣхъ, Асланъ-ханъ писалъ:

„Къ прискорбію я узналъ, что ты убилъ моихъ родственниковъ, а своихъ повелителей, Нуцалъ-хана и Умма-хана аварскихъ. Убійство ихъ ляжетъ на тебя справедливымъ гнѣвомъ Аллаха; но убійство ханши Паху-Бике кромѣ того обрушится на тебя и всею тяжестью моего личнаго мщенія, и на землѣ ты не найдешь мѣста, гдѣ бы могъ отъ него скрыться“.

Другое письмо было совершенно противоположнаго содержанія.

„Спасибо тебѣ, Гамзатъ-бекъ! ты выполнилъ свои обѣщанія какъ нельзя лучше. Дай Богъ, чтобы въ нашъ вѣкъ было бы болѣе такихъ молодцовъ, какъ ты; за такую ловкость вести дѣла я признаю тебя своимъ сыномъ. Полагаю, что теперь тебѣ остается принять въ свои руки Цудахарское общество; въ случаѣ нужды разсчитывай на мою помощь“.

Коварный ханъ и тутъ преслѣдовалъ личныя цѣли, такъ какъ Цудахаръ и Акуша, занимая середину Прикаспійскаго края, не только сохранили свою независимость, но постоянно вмѣшивались какъ въ дѣла Кизикухумскаго ханства, такъ и другихъ обществъ.

Гамзатъ принялъ совѣтъ Асланъ-хана и, выступивъ съ 4-хъ тысячнымъ скопищемъ, занялъ нѣсколько цудахарскихъ ауловъ. Отправивъ нарочныхъ къ цудахарскому кадію, Гамзатъ просилъ свободнаго пропуска черезъ владѣнія для предположеннаго будто бы движенія къ Дербенту.

Главный кадій цудахарскій собралъ всѣхъ стар-

шинъ на совѣщаніе, которое вынесло слѣдующее рѣшеніе: не довѣряя Гамзатъ-беку, предательски истребившему династію аварскихъ хановъ и самовольно занявшему цудахарскія селенія, собрать поголовное ополченіе, пригласивъ акушинцевъ, чтобы общими силами отразить мюридовъ. Дѣйствительно, цудахарцы и акушинцы вооружились и нанесли противнику такое сильное пораженіе, что самъ Гамзатъ едва избавился отъ плѣна. Пораженіе это произвело въ горахъ весьма невыгодное впечатлѣніе и многія общества отложились отъ Гамзата. Самъ онъ возвратился въ Хунзахъ, гдѣ началъ разыгрывать роль аварскаго хана. Проникнутый жаждою мести и желая поправить пошатнувшуюся репутацію Гамзатъ-бекъ приступилъ къ большимъ боевымъ приготовленіямъ.

Въ то время, когда Гамзатъ-бекъ льстилъ себя надеждами завоевать весь Дагестанъ, въ Хунзахѣ составлялся противъ него заговоръ.

Хунзахскіе жители, два родные братья, Османъ и Хаджи-Муратъ, извѣстны были своимъ удальствомъ во многихъ предпріятіяхъ. Какъ то разъ, вспоминая о своихъ подвигахъ, они начали хвалиться передъ престарѣлымъ отцомъ.

„Дѣти мои,—отвѣтилъ имъ отецъ,—стыдитесь хвалиться передо мною вашею храбростью, когда я считаю васъ самыми ничтожными людьми, даже не хочу признавать за своихъ дѣтей—полагаю, что вы большіе трусы и имѣете низкую душу“.

Сыновья никакъ не могли понять причины та-

кого оскорбленія и просили отца сказать въ чемъ состоитъ ихъ вина?

„Выслушайте меня, дѣти! Султанъ Ахметъ былъ великій ханъ; онъ своего сына намъ отдалъ на воспитаніе, я сдѣлался отцомъ Умма-хана, а вы— братья его. Онъ сравнилъ насъ съ своимъ родомъ; между тѣмъ Умма-ханъ убитъ Гамзатомъ, которому вы служите, и послѣ этого какими глазами можете смотрѣть на вашихъ товарищей, и еще имѣете дерзость хвалиться предъ вашимъ отцомъ своимъ удальствомъ. Я старъ и слабъ, но несмотря на это пойду завтра и убью Гамзата: пусть тогда и меня убьютъ; а вы, храбрецы, похожіе на женщинъ, живите спокойно съ нимъ". Слова отца произвели сильное впечатлѣніе на дѣтей; они заплакали и потомъ заявили: „Хорошо, мы пойдемъ и во чтобы то ни стало убьемъ Гамзата и если останемся въ живыхъ, явимся къ тебѣ съ бѣлымъ лицомъ".

Отецъ похвалилъ ихъ рѣшительность, сказавъ: „Благословляю васъ, дѣти, на доброе дѣло; самъ Аллахъ будетъ вашимъ помощникомъ."

Оба брата тотчасъ отправились въ селеніе и сзывали въ свой домъ всѣхъ родныхъ и кунаковъ.

Въ глубокія сумерки, по одиночкѣ, сохраняя осторожность, явились заговорщики въ числѣ 40 человѣкъ къ Хаджи-Мурату. Было постановлено совершить убійство на другой день, въ пятницу, 19-го сентября въ мечети.

Въ числѣ присутствовавшихъ на тайномъ совѣщаніи находился мюридъ Магометъ-Гаджи-явъ,

двоюродный братъ Османа и Хаджи-Мурата. Въ ту же ночь онъ прибѣжалъ во дворецъ и настоятельно требовалъ позволенія имама лично сообщить ему „улу-хальпетъ“ (большой секретъ). Когда желаніе его было исполнено, онъ шопотомъ объявилъ Гамзатъ-беку о существованіи заговора и, подтвердивъ справедливость своихъ словъ клятвою, сказалъ: „Имамъ, прими мѣры, а иначе эти злодѣи-мунафики и тебя и всѣхъ убьютъ.“

Очень хладнокровно выслушавъ доносъ своего приверженца, Гамзатъ спросилъ его:

— Можешь ли ты остановить ангеловъ смерти, если они придутъ за твоею душою?

— Не могу! отвѣчалъ мюридъ.

— Такъ, иди же домой и ложись спать: что опредѣлено намъ Аллахомъ, того не избѣжать, и если завтра назначено мнѣ умереть, то завтрашній день и будетъ днемъ моей смерти.

Въ пятницу утромъ Магометъ-Гаджи-явъ вторично предостергалъ имама.

— Кто у нихъ зачинщики? спросилъ Гамзатъ.

— Братья Османъ и Хаджи-Муратъ, отвѣчалъ мюридъ.

Сама судьба какъ будто опредѣляла смерть Гамзата, такъ какъ онъ и послѣ этого новаго доказательства все же рѣшилъ лично присутствовать въ мечети; онъ заявилъ, что ему, какъ имаму, нельзя не быть тамъ въ такой большой праздникъ; онъ отдалъ только распоряженіе, чтобы ни одинъ изъ жителей не смѣлъ бы входить въ мечеть съ оружіемъ.

Въ полденъ по призызу муллы въ мечеть начали собираться жители; среди нихъ успѣли пройти заговорщики съ спрятаннымъ подъ бурками оружіемъ. Они помѣстились въ сторонѣ, близъ боковыхъ дверей.

Вооруженный тремя пистолетами и предшествуемый 12-ю мюридами съ обнаженными шашками, вошелъ Гамзатъ-бекъ въ мечеть и, только дойдя до середины ея, замѣтилъ людей въ буркахъ; остановясь, онъ обратился къ нимъ лицомъ; въ это время, приготовляясь къ молитвѣ, всѣ присутствующіе стояли на колѣняхъ; Османъ, замѣтивъ свирѣпый взглядъ Гамзата, всталъ и громко закричалъ:

„Эй, братья! почему вы не встаете, когда великій имамъ пришелъ въ мечеть вашу"!

Призывъ этотъ былъ условнымъ сигналомъ. Понявъ въ чемъ дѣло, Гамзатъ уже направился къ выходу, но въ это время Османъ выстрѣломъ изъ пистолета нанесъ ему рану. Вслѣдъ за этимъ раздался залпъ, потрясшій все зданіе мечети, и убійца аварскихъ хановъ палъ мертвымъ, простреленный нѣсколькими пулями.

Со смертью Гамзатъ-бека окончился второй періодъ религіозной войны въ Дагестанѣ и на политическое поприще выступаетъ знаменитый и геніальный горецъ—Шамиль.

Глава IV.

Шамиль, третій имамъ Чечни и Дагестана. Занятіе Аваріи русскими войсками. Свиданіе генерала Клюки-фонъ-Клюгенау съ Шамилемъ въ 1837 году. Экспедиція генерала Граббе къ Аргуани. Блокада и штурмъ Ахульго въ 1839 году. Переговоры генерала Пулло съ Шамилемъ. Чеченское возстаніе и прибытіе Шамиля въ Чечню. Бой при р. Валерикѣ. Участіе въ немъ М. Ю. Лермонтова. Переходъ на сторону Шамиля Хаджи-Мурата. Бой при Цельмесѣ въ 1841 году.

Шамиль родился въ 1798 году въ аварскомъ селеніи Гимры; въ молодости наставниками его были природа и Кази-Мулла, тогда еще мальчикъ, только четырьмя годами старше своего ученика, но уже серьезный и ученый „какъ самъ акушинскій кадій“. Они жили какъ родные братья и все что не встрѣчалось имъ въ жизни—и радость и горе, они дѣлили вмѣстѣ.

Другой учитель Шамиля—природа дѣлала своего дѣло не менѣе добросовѣстно. Какъ бы желая вознаградить его за болѣзни и страданія дѣтства она внушила ему необыкновенное пристрастіе ко всякаго рода гимнастическимъ упражненіямъ. Въ этомъ искусствѣ онъ достигъ удивительныхъ результатовъ: будучи уже двадцати лѣтъ Шамиль легко перепрыгивалъ черезъ овраги большой ширины.

Серьезное ученіе Шамиль началъ у алима въ Унцукулѣ и продолжалъ его затѣмъ у другихъ извѣстныхъ алимовъ. Страсть къ наукамъ въ Шамилѣ была такъ велика, что, женившись во второй разъ на

30-мъ году жизни, онъ продолжалъ учиться еще три года. Только поднятая Кази-Муллою священная война оторвала его отъ книгъ и поставила въ ряды ревностныхъ помощниковъ прежняго его наставника и друга. Шамиль сразу занялъ самое видное мѣсто возлѣ человѣка, поднявшаго знамя газавата. Въ отсутствіи Кази-Муллы Шамиль оставался за него и съ твердостью поддерживалъ между горцами порядокъ и повиновеніе. Во время походовъ Кази-Муллы Шамиль былъ главнымъ его помощникомъ. При взятіи Гимръ и смерти перваго имама Шамиль былъ въ числѣ немногихъ избавившихся отъ гибели. 25 дней онъ находился между жизнью и смертью отъ полученной штыковой раны; окончательно же выздоровѣлъ на третій мѣсяцъ. Продолжительная болѣзнь была причиной, что онъ не сдѣлался имамомъ послѣ Кази-Муллы. Гамзатъ-бекъ всегда считалъ Шамиля своимъ соперникомъ; прибытіе его съ предложеніемъ оказывать имаму полное содѣйствіе въ распространеніи шаріата и поддержаніи газавата разсѣяли сомнѣнія Гамзата, и онъ съ большой радостью принялъ Шамиля и объявилъ его также своимъ помощникомъ.

Обязанности Шамиля при Гамзатѣ имѣли болѣе опредѣленный кругъ дѣйствій чѣмъ при Кази-Муллѣ; такъ на его попеченіе были возложены: сборы войскъ, заготовленіе матеріальныхъ средствъ и начальствованіе экспедиціями въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Не столь религіозный какъ Кази-Мулла, не столь опрометчивый какъ Гамзатъ-бекъ, Шамиль

превосходилъ обоихъ умомъ, настойчивостью. Тому и другому имаму Шамиль основательно доказывалъ необходимость прежде всего упрочить за собою горы, т. е. овладѣть Аваріей. Въ хунзахской катастрофѣ Шамиль былъ главнымъ вдохновителемъ вѣроломнаго убійства аварскихъ хановъ, и когда Гамзатъ началъ колебаться поднять руку на высокихъ гостей, столь довѣрчиво пришедшихъ къ нему, Шамиль, приблизившись къ нему, сказалъ шопотомъ: „Гамзатъ, куй желѣзо пока горячо, иначе будешь раскаиваться въ своей слабости". Слова эти заглушили минутное колебаніе Гамзата и онъ отдалъ приказаніе начать истребленіе хановъ.

Во время убійства Гамзата его главный помощникъ, Шамиль, находился въ Гимрахъ. За день до смерти имама Шамиль отправилъ къ нему съ письмомъ гимринца Гуссейна; по расчету посланный долженъ былъ возвратиться на четвертый день, но ночью второго дня Гуссейнъ явился въ Гимры и сообщилъ о хунзахскихъ событіяхъ.

Шамиль немедленно разослалъ во всѣ общества гонцовъ съ извѣстіемъ о смерти имама и съ приглашеніемъ, чтобы всѣ народные кадіи, старшины и болѣе вліятельные люди явились бы на гору Аракъ-тау. Черезъ два дня всѣ приглашенные въ сопровожденіи многочисленной толпы народа собрались на сборный пунктъ.

Засѣданіе народнаго совѣта открылъ Шамиль рѣчью, въ которой, объявивъ еще разъ о смерти Гамзата, предложилъ избрать въ преемники имам-

ской власти достойнѣйшаго преемника. На это воззваніе избирательное собраніе единогласно провозгласило имамомъ самого Шамиля, но онъ, разыгрывая роль халифа Али, отъ предлагаемаго сана рѣшительно отказался; но въ концѣ концовъ согласился, когда избиратели отъ имени народа обѣщали содѣйствовать всѣмъ его предпріятіямъ.

Ставъ во главѣ народа, Шамиль, окруженный приверженцами, прямо изъ Аракъ-тау отправился въ с. Унцукуль съ цѣлью усилить свои скопища и двинуться для наказанія хунзахцевъ. Унцукульцы, притворно заявивъ полную готовность подчиниться волѣ имама, отправились съ нимъ въ походъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ послали гонцовъ къ командовавшему отрядомъ въ Нагорномъ Дагестанѣ съ предложеніемъ воспользоваться отсутствіемъ Шамиля и занять Гимры. И дѣйствительно, еще Шамиль не дошелъ до Хунзаха, какъ прискакавшій гонецъ объявилъ ему, что русскій отрядъ безпрепятственно занялъ Гимры и сжегъ всѣ дома главныхъ дѣятелей мюридизма. и что Уллу-бей каранайскій, давно питавшій вражду къ имаму, собственноручно предалъ огню его домъ. Это разстраивало планы Шамиля; отпустивъ домой унцукульцевъ, заявившихъ опасеніе за свое селеніе, имамъ съ отборными мюридами прискакалъ въ Гимры, но было уже поздно—русскій отрядъ, разоривъ селеніе, ушелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Прибывъ въ Гимры, первымъ дѣломъ Шамиля было наказаніе Уллу-бея, которому онъ въ присутствіи всѣхъ гимринцевъ собственноручно снесъ голову шашкой, сказавъ во всеуслышаніе, что „съ

этихъ поръ всякаго измѣнника ожидаетъ точно такая же участь“.

Пребываніе Шамиля въ Гимрахъ, по близкому сосѣдству его съ Темиръ-Ханъ-Шурой, вызывало среди гимринцевъ тревожное опасеніе и они просили имама выбрать болѣе отдаленный пунктъ. Шамиль согласился и выбралъ себѣ резиденціей Ашильту.

Прибывъ туда Шамиль принялся прежде всего искоренять адатъ. Настойчивостью, твердостью и безпощадными наказаніями Шамилю удалось подчинить ашильтинцевъ своей власти. Изъ Ашильтовъ имамъ требовалъ, чтобы всѣ окрестныя селенія также примкнули бы къ шаріату; горцы были безсильны оказывать сопротивленіе и постепенно подчинялись мюридамъ; только унцукульцы, преданные русскому правительству, а главное не желавшіе оставлять свои адаты, упорствовали и даже дѣлали неоднократныя нападенія на новую резиденцію Шамиля. Подступивъ къ Ашильты унцукульцы предложили ашильтинцамъ или выдать имъ Шамиля, или прогнать его изъ ихъ селенія; ашильтинцы, не желая заслужить имя предателей, послали къ Шамилю депутата, который отъ имени общества сказалъ ему слѣдующее:

— Кадій нашъ на общественной сходкѣ совѣтовалъ удалить тебя изъ Ашильты потому, что вслѣдствіе твоего присутствія бѣдствію и разоренію нашему не будетъ конца.

Выслушавъ депутата Шамиль потребовалъ кадія и старшинъ.

— Правда ли, что ты подалъ совѣтъ удалить меня изъ Ашильты? спросилъ онъ строго.

— Да,—отвѣчалъ кадій,—дѣйствительно я подалъ этотъ совѣтъ потому, что изъ-за тебя собственно справа нападаютъ на насъ хунзахцы, слѣва унцукульцы и койсубулинцы; однимъ словомъ, съ появленіемъ твоимъ въ нашу среду со всѣхъ сторонъ сыпятся несчастія, и разореніе наше неизбѣжно.

— Послушай, кадій,—прервалъ его Шамиль, дрожа какъ въ лихорадкѣ,—если бы невѣрные напали на Константинополь и потребовали отъ жителей выдать имъ султана, или выгнать его изъ столицы, разрѣшилъ бы ты выдать въ руки враговъ или выгнать султана для того, чтобы устранить кровопролитіе и водворить спокойствіе въ городѣ?

— Нѣтъ, я бы не далъ такого разрѣшенія! отвѣчалъ кадій.

— Такъ знай же, собака, закричалъ Шамиль, что я такой же имамъ, какъ султанъ.

Шамиль, между тѣмъ наружно выказвыалъ покорность, засѣлъ въ Ашильты, не предпринимая пока никакихъ явныхъ враждебныхъ дѣйствій. Онъ старался выставить себя только религіознымъ главою исламизма на Кавказѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ генералу Реуту.

Въ дѣйствительности же Шамиль не отказался отъ своихъ плановъ и преданные ему мюриды

разъѣзжали по общинамъ, развозя повсюду зажигательныя воззванія, волнуя умы и подготовляя ихъ къ войнѣ съ русскими.

„Не думайте,—писалъ Шамиль въ апрѣлѣ 1835 года,—что лучи шаріата погасли. Нѣтъ! они неугасимы и скоро распространятся по всѣмъ деревнямъ и племенамъ. Разумѣйте же это“.

Такія проповѣди не остались безъ воздѣйствія и къ Шамилю стали собираться разсѣявшіеся мюриды. Такъ въ половинѣ 1835 года къ нему присоединился Кибитъ-Магома съ Тилитлинскимъ обществомъ; вслѣдъ за этимъ гумбетовцы и андійцы. Шамиль вошелъ въ сношенія съ Чечней.

Въ 1836 году Шамиль уже сталъ дѣйствовать. Число его сторонниковъ сильно возросло и въ Дагестанѣ и въ Чечнѣ, гдѣ извѣстный Ташовъ-хаджи, отказавшись отъ соперничества Шамилю въ званіи имама, подчинился ему и отъ его имени проповѣдовалъ шаріатъ.

Самъ Шамиль наружно все еще прикидывался другомъ Россіи и велъ почтительную переписку съ русскимъ начальствомъ. Всѣ же свои сборы, проповѣди и даже набѣги на сосѣднія земли онъ объяснялъ стремленіемъ къ возстановленію чистоты магометанскаго закона.

Хотя изъ этой переписки было видно, что Шамиль считалъ уже себя владѣтелемъ всѣхъ земель къ западу отъ Аварскаго Койсу, но мѣстныя власти вдались въ обманъ и не только ничего не предпринимали противъ дѣйствій Шамиля, но находили возможнымъ даже разрѣшить Шамилю и

его агентамъ свободную проповѣдь шаріата, считая таковую лишь религіознымъ ученіемъ, а свободу проповѣди—религіозной вѣротерпимостью. И это послѣ опыта религіозной войны Кази-муллы и Гамзатъ-бека! Еще хорошо, что въ Тифлисѣ взглянули на это дѣло совершенно иначе и запретили Клюки-фонъ-Клюгенау входить въ какія бы то ни было сношенія съ Шамилемъ, какъ лично, такъ и чрезъ посредниковъ.

Шамиль рѣшилъ воспользоваться неурядицами въ Аваріи и въ концѣ сентября 1836 года съ значительными скопищами занялъ Гоцатль, въ то время какъ Али-бекъ съ гумбетовцами вторгся въ Аварію съ запада. Соединенныя силы Шамиля и Али-бека нанесли чувствительное пораженіе аварцамъ у селенія Буцра, но, узнавъ о движеніи отряда генерала Реута, Шамиль уже распустилъ свои скопища и очистилъ Аварію.

Для пріобрѣтенія большаго вліянія на населеніе Шамиль женился въ Гоцатлѣ на вдовѣ бывшаго имама Гамзатъ-бека и къ концу года всѣ вольныя дагестанскія общества отъ Чечни до Аваріи и даже нѣкоторая часть аварцевъ признала власть Шамиля.

Аваріи угрожала большая опасность, такъ какъ Шамиль поклялся отомстить хунзахцамъ за убійство имама. При такихъ условіяхъ Ахметъ-ханъ предложилъ занять Хунзахъ русскими войсками, опираясь на которыя жители могли бы отбивать всякія предпріятія Шамиля; вмѣстѣ съ тѣмъ Ахметъ-ханъ писалъ генералу Фези, командовавшему

тогда войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, что занятіе столицы, во избѣжаніе волненій и вооруженнаго столкновенія, возможно только съ согласія народа и просилъ прислать довѣренныхъ лицъ для переговоровъ съ жителями.

Генералъ Фези отправилъ въ Аварію прокламаціи съ дружественными предложеніями помощи; по полученіи въ Хунзахѣ письма, оно было передано собраннымъ отъ всѣхъ деревень старшинамъ и почетнымъ жителямъ. Народное собраніе постановило просить Фези прислать войска.

Такимъ образомъ было рѣшено занятіе Аваріи. Назначенному экспедиціонному отряду генерала Фези поставлена цѣль: уничтожить Шамиля и занять Хунзахъ постоянно русскими войсками.

7-го мая 1837 года генералъ Фези съ отрядомъ изъ 8-ми баталіоновъ, 3-хъ сотень казаковъ при 18-ти орудіяхъ и 4-хъ полупудовыхъ мортирахъ выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры и прибылъ въ Хунзахъ лишь 27-го мая.

Сюда же прибыла и милиція Ахметъ-хана мехтулинскаго и Магометъ-Мирзы-хана казикумухскаго.

Оставивъ здѣсь двѣ роты, Фези предпринялъ движеніе къ резиденціи Шамиля и его семейства, въ Ашильты и Ахульго, защита которыхъ была поручена Али-беку и Удѣ-муллѣ. Съ большими потерями овладѣвъ и той и другой деревней Фези направился къ Тилитлю, гдѣ укрѣпился самъ Шамиль. 4-го и 5-го іюля были произведены штурмы, послѣ которыхъ удалось завладѣть окраиной селенія; войска уже готовились окончательно овладѣть

деревней, но въ лагерь явился посланный Шамиля съ предложеніемъ вступить въ переговоры. Фези согласился и 7-го іюля Шамиль явился въ станъ Магометъ-Мирзы-хана и поклялся на коранѣ не тревожить болѣе горцевъ, а въ залогъ вѣрности выдалъ аманатовъ.

Эта была большая ошибка со стороны генерала Фези—онъ лишилъ себя возможности захватить имама, а заключеніемъ съ нимъ мирныхъ условій призналъ въ немъ свѣтскаго и духовнаго владыку горъ. „Сіе письмо,—писалъ Шамиль Фези,—объявляетъ заключеніе мира между Россійскимъ государствомъ и мною... съ тѣмъ, чтобы ни съ какой стороны не было никакой обиды и измѣны противъ другой, ибо измѣнникъ считается проклятымъ передъ Богомъ и народомъ“. Принявъ это письмо, Фези уничтожилъ плоды своихъ побѣдъ, стоившихъ громадныхъ жертвъ.

Въ Петербургѣ придавали настолько большое значеніе успѣхамъ Фези, что надѣялись къ предстоявшему путешествію императора Николая I на Кавказъ убѣдить Шамиля лично явиться съ покорностью.

Для переговоровъ былъ назначенъ Клюки-фонъ-Клюгенау. По предварительному соглашенію Клюгенау и Шамиль съ небольшимъ конвоемъ одновременно прибыли къ с. Гимрамъ. Когда Клюгенау приблизился къ Шамилю, то для привѣтствія протянулъ руку, но тотъ не принялъ ее. Помѣстившись рядомъ съ имамомъ на разостланной буркѣ, Клюгенау убѣждалъ его выѣхать на встрѣчу госу-

дарю, который окажетъ ему полное вниманіе и милости; но имамъ упорно отказывался, высказавъ что во всѣхъ этихъ предложеніяхъ видитъ коварство и посягательство на его особу. „Я рѣшилъ,—сказалъ имамъ,—не отправляться на свиданіе, потому что я многократно видѣлъ отъ васъ измѣну, которая всѣмъ извѣстна". Убѣдившись въ безполезности дальнѣйшей бесѣды Клюгенау всталъ какъ разъ въ то время, когда Ахверды-Магома, окруженный мюридами, пѣвшими пѣснь газавата, остановился вблизи и подходилъ къ Шамилю. Обстоятельство это удивило, но не испугало генерала и онъ, обращаясь къ дядѣ Шамиля Барти-хану, сказалъ:

— Что, любезный другъ,—кажется я попался вамъ въ руки?

— А какъ вы думаете? отвѣтилъ, улыбаясь, Барти-ханъ.

— Неужели вы намѣрены поступить предательски?

— Нѣтъ! лаконически отвѣтилъ Барти-ханъ.

— Если это дѣйствительно правда,—отвѣтилъ Клюгенау,—если вы, люди дикіе, хотите поступить честно, то какъ же Шамиль смѣетъ полагать, чтобы мы, русскіе, люди цивилизованные, поступили съ нимъ безчестно.

При прощаніи Клюгенау вторично протянулъ Шамилю руку и онъ, по совѣту Барти-хана, готовъ былъ принять ее, какъ Ахверды-Магома, ставъ дерзко между ними, замѣтилъ, что имаму неприлично и грѣшно прикасаться къ рукѣ невѣрнаго.

Понявъ эти слова Клюгенау вспылилъ и, обращаясь къ Ахверды-Магомѣ, закричалъ, топая ногами: „Дуракъ! этихъ... этихъ... собака... этихъ!“ Въ свою очередь, понявъ эпитеты, которыми генералъ осыпалъ его любимца, Шамиль покраснѣлъ и, обращаясь къ своимъ мюридамъ сказалъ: „Удалите отъ меня скорѣе эту донгузъ, или дѣло окончится худо“. Съ этими словами онъ оставилъ генерала.

Впослѣдствіи, въ Калугѣ, Шамиль разсказывалъ, что когда Ахверды-Магома всталъ между нимъ и Клюгенау, то адъютантъ послѣдняго Евдокимовъ, извѣстный всей Чечнѣ и Дагестану подъ названіемъ „учъ-гезъ“,*) очень хладнокровно вынулъ изъ кобура пистолетъ и, повѣривъ есть ли на полкѣ порохъ, также хладнокровно опустилъ его въ кобуръ. Взглянувъ на него Шамиль подумалъ: „это храбрый человѣкъ, онъ прославитъ свое имя“, и дѣйствительно кто изъ горцевъ не зналъ знаменитаго „учъ-геза“.

Единственнымъ положительнымъ результатомъ экспедиціи Фези было открытіе прямого сообщенія Хунзаха съ Темиръ-Ханъ-Шурой.

Въ концѣ 1837 года командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса былъ назначенъ генералъ Головинъ. Прибывъ въ Тифлисъ въ половинѣ марта 1838 года, Головинъ засталъ край въ полномъ возстаніи—за исключеніемъ провинцій съ христіанскимъ населеніемъ весь Кавказъ требовалъ воору-

---

*) Графа Евдокимова горцы называли „учъ-гезъ“, т. е. трехъглазый, считая за одинъ глазъ черную круглую мушку величиною въ гривенникъ, налѣпляемую на рану подъ глазомъ.

женныхъ дѣйствій для его успокоенія. Но въ 1838 году главное вниманіе кавказскаго начальства было обращено на утвержденіе власти по восточному берегу Чернаго моря; самъ корпусный командиръ направился лично руководить военными дѣйствіями. Отряды генераловъ Симборскаго, Раевскаго, Вельяминова, Засса постепенно занимали прибрежные пункты, укрѣпляли ихъ и даже проникали въ глубь горъ.

Что касается Восточнаго Кавказа, то всѣ дѣйствія имѣли частный характеръ и главнымъ образомъ усилія были направлены къ окончательному усмиренію Кубинской провинціи, въ которой еще съ сентября 1837 года вспыхнулъ мятежъ, подавленный отрядомъ генерала Фези.

Шамиль очень искусно воспользовался отвлеченіемъ вниманія кавказскихъ властей на Западный Кавказъ. Онъ созвалъ на совѣтъ всѣхъ своихъ предводителей и было рѣшено немедленно приступить къ возведенію укрѣпленій вокругъ Ахульго, въ которомъ защищаться до послѣдней возможности. Въ скоромъ времени дѣйствительно были построены гигантскія сооруженія—съ помощью пороха и самыхъ простыхъ инструментовъ Шамиль устроилъ въ скалистыхъ горахъ обширныя пещеры, соединилъ ихъ крытыми ходами сообщеній, преградилъ всѣ ущелья завалами и другими искусственными препятствіями.

Не ограничиваясь работами по укрѣпленію своей резиденціи Шамиль въ началѣ 1839 года съ пятитысячнымъ скопищемъ разорилъ нѣсколько авар-

скихъ селеній, произвелъ нападеніе на Ун цукуль и возвратившись въ Ахульго, отправилъ нѣсколько сотъ мюридовъ въ Чечню для поддержанія Ташовъ-хаджи. Желая преградить доступъ къ своей резиденціи, имамъ сильно укрѣпилъ гумбетовское селеніе Ирганай и переселилъ его жителей въ горы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шамиль разсылалъ энергичныя воззванія и угрозами предупреждалъ жителей о безпощадномъ истребленіи въ случаѣ отказа примкнуть къ газавату.

Вліяніе Шамиля усиливалось. Нѣсколько разъ пораженный нашими отрядами, онъ умѣлъ возрождаться сильнѣе прежняго. Ученіе мюридизма распространялось все болѣе и болѣе, находило вездѣ ревностныхъ поборниковъ и приготовляло умы къ общему возстанію. Прикрывая сначала свои замыслы преданностью къ исламизму, Шамиль ограничивался толкованіемъ корана въ религіозномъ отношеніи; но съ 1836 года, провозгласивъ себя „имамъ-азамомъ“ (великимъ имамомъ), онъ началъ проповѣдывать: всеобщее равенство, истребленіе хановъ и всякой наслѣдственной власти, необходимость поголовнаго ополченія противъ невѣрныхъ для удержанія свободы горцевъ и сохраненія чистоты магометанской вѣры. Это опасное ученіе было такъ хорошо приспособлено Шамилемъ къ мѣстнымъ условіямъ, къ направленію умовъ горцевъ, что оно получило необыкновенно широкое развитіе. Шаріату его подчинялись: весь Нагорный Дагестанъ, всѣ гумбетовцы и андійцы, салатавцы и почти всѣ чеченскія племена. Шамиль кромѣ возбужденія ре-

лигіознаго фанатизма весьма искусно пользовался и другими средствами: онъ легко увлекалъ на свою сторону не только народы, но и многихъ честолюбцевъ, имѣвшихъ большое вліяніе въ своихъ обществахъ и примыкавшихся къ нему, чтобы самимъ возвыситься; изъ такихъ ревностныхъ приверженцевъ особенно замѣчательны: Сурхай, Алибекъ, Ахверды-Магома, Кибитъ-Магома и другіе.

Къ 1839 году Шамиль пріобрѣлъ такой вѣсъ въ обществахъ прилегающихъ къ Андійскому Койсу, что его воля тамъ безпрекословно исполнялась. Чтобы предупредить общее возстаніе въ горахъ необходимо было нанести Шамилю рѣшительный ударъ. Съ этой цѣлью весною этого года были предприняты двѣ большія экспедиціи, въ Нагорный Дагестанъ и Чечню; для наступательныхъ дѣйствій сформированы два отряда: Самурскій, подъ личномъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала Головина, предназначался для усмиренія лезгинскаго населенія по Самуру и Чеченскій—генерала Граббе собственно для дѣйствій противъ Шамиля.

Походъ корпуснаго командира былъ чрезвычайно успѣшенъ. Разбивъ горцевъ на урочищѣ Аджіахурѣ, запиравшемъ входъ въ ущельѣ Самура, генералъ Головинъ поспѣшилъ занять селеніе Ахты и уже готовился къ дальнѣйшему движенію, какъ испуганные жители покорились и присягнули на вѣрноподданство. Затѣмъ Головинъ поднялся вверхъ по Самуру въ Гельмецъ и, перейдя Кавказскій хребетъ, спустился въ Джаро-Белоканскій округъ.

Всѣ главные предводители мюридовъ энергично работали для привлеченія на свою сторону возможно большаго числа приверженцевъ; самъ имамъ поставилъ главной задачей заготовить громадные запасы провіанта; онъ обратилъ преимущественное вниманіе на гумбетовцевъ и даже самъ двинулся къ деревнѣ Аргуани, чтобы личнымъ присутствіемъ своимъ склонить жителей самоотверженно защищать свободу и религію.

Удалось также точно узнать о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Шамиля; одна изъ женщинъ, выбѣжавшая изъ Ахульго, сообщила объ этомъ и о большихъ заготовленіяхъ въ Ахульго унцукульскому старшинѣ Алило, который заявилъ это важное свѣдѣніе начальству.

Главная мысль плана заключалась въ томъ, что Шамиль рѣшилъ собирать всевозможныя средства къ упорной оборонѣ убѣжища своего, замка Ахульго, а насильственнымъ взятіемъ аманатовъ отъ обществъ обитавшимъ по обоимъ берегамъ Андійскаго Койсу хотѣлъ довести число враждебныхъ горцевъ до высшаго предѣла; между тѣмъ какъ Ташовъ-Хаджи долженъ былъ отвлекать наши силы отъ Чирката посредствомъ диверсій и набѣговъ на Кавказскую линію.

Дѣйствительно, Ташовъ-Хаджи въ продолженіе всей весны велъ переговоры съ чеченцами, привлекъ къ возстанію значительное число ихъ, заключилъ даже тайный союзъ съ многими аульными старшинами и волновалъ горскія общества и преимущественно ичкеринцевъ, самое сильное и воин-

ственное чеченское племя. Онъ построилъ укрѣпленіе при урочищѣ Ахметъ-Тала на рѣкѣ Аксаѣ близъ Мискита.

При такихъ условіяхъ генералъ Граббе не рискнулъ предпринять движеніе противъ Шамиля и онъ рѣшилъ сначала обезпечить вполнѣ кордонную линію, чтобы имѣть возможность безопасно углубиться въ горы и потомъ нанести вѣрный ударъ.

9-го мая отрядъ Граббе выступилъ изъ кр. Внезапной къ Мискиту. Авангардъ, подъ начальствомъ полковника Лабынцова, блестяще исполнилъ возложенное на него порученіе—взять укрѣпленіе Ахматъ-Тала: послѣ нѣсколькихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ пѣхота бросилась въ штыки и мгновенно опрокинула скопища горцевъ, а самое укрѣпленіе было предано пламени.

Главныя силы Граббе послѣ того начали истреблять ичкеринскіе аулы по долинамъ Аксая и Яменсу; самъ Ташовъ-Хаджи бѣжалъ въ лѣса за селеніемъ Беноемъ. Аулы лѣваго берега Аксая покорились и начали выдавать аманатовъ; въ остальныхъ деревняхъ замѣчался сильный раздоръ и негодованіе противъ Ташовъ-Хаджи.

Эта предварительная рекогносцировка достигла своей цѣли—она разстроила тайный союзъ ауховцевъ, мичиковцевъ и качкалыковцевъ съ Ташовъ-Хаджи: 15-го мая отрядъ возвратился въ Внезапную и сталъ приготовляться къ новому походу противъ Чирката, гдѣ укрѣпился самъ Шамиль.

Весь Чеченскій отрядъ Граббе 21-го мая вы-

ступилъ изъ Внезапной; послѣ перехода черезъ хребетъ Суукъ-Булакъ, въ продолженіе котораго горцы, задерживая наступленіе, вынуждали войска вступать въ бой на избранныхъ позиціяхъ, Граббе 29-го мая двинулся къ аулу Аргуани. Здѣсь Шамиль занялъ укрѣпленную позицію съ 10-ти тысячнымъ скопищемъ горцевъ изъ всѣхъ племенъ обитавшихъ между р.р. Аварскимъ Койсу, Суламомъ и Аргуномъ; они собрались по призыву имама въ полной увѣренности, что русскій отрядъ не посмѣетъ ихъ атаковать въ такомъ неприступномъ мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ Аргуанская позиція была настолько сильна по своимъ естественнымъ преградамъ и возведеннымъ искуственнымъ преградамъ, что горцы не безъ основанія имѣли эту надежду.

Аргуани лежитъ на вершинѣ и скатѣ отдѣльнаго возвышенія, окруженнаго со всѣхъ сторонъ утесистыми балками, столь крутыми, что сами горцы переходили ихъ по двумъ только тропинкамъ: малѣйшая неосторожность стоила жизни. Аулъ состоялъ изъ 500 каменныхъ сакель, построенныхъ въ 5—6 ярусовъ, на террасахъ, съ бойницами, такъ что каждый домъ представлялъ какъ бы укрѣпленіе. Аулъ пересѣкался нѣсколькими ущельями, извилистыми улицами, перерѣзанными прочно устроенными завалами въ 4—5 саженъ высоты.

На этой то позиціи Шамиль расположилъ свои главныя силы, оставивъ гумбетовцевъ и андіійцевъ

на заднихъ высотахъ, чтобы остановить отрядъ съ тыла.

Несмотря на громадныя затрудненія Граббе поставилъ себѣ задачей во чтобы то ни стало разсѣять увѣренность горцевъ и доказать, что недоступность дикихъ ущелій Кавказа не могутъ остановить испытанныхъ Кавказскихъ войскъ. Примирившись съ неизбѣжными большими потерями, Граббе рѣшилъ штурмовать Аргуани.

31-го мая съ разсвѣтомъ колонны Кабардинцевъ, Куринцевъ и Апшеронцевъ двинулись для занятія назначенныхъ по диспозиціи мѣстъ. Въ 8 часовъ утра Граббе подалъ сигналъ къ штурму. Полевыя орудія открыли огонь по аулу, а пѣхотныя колонны бросились въ атаку съ барабаннымъ боемъ. Мюриды и самъ Шамиль, засѣвшіе за передними завалами, держались съ необычайнымъ упорствомъ; они поражали наступающихъ мѣткими ружейными выстрѣлами; но храбрые Куринцы и Кабардинцы, одушевленные примѣромъ неустрашимыхъ своихъ начальниковъ, полковниковъ Пулло и Лабынцова, шли, не останавливаясь, впередъ. Колонны вели на штурмъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Эдельгеймъ и поручикъ Милютинъ. Офицеры подавали примѣръ подчиненнымъ—они отважно шли впереди своихъ частей. Колонны бросились на завалы, гдѣ мюриды встрѣчали ихъ шашками. Ворвавшись въ аулъ, солдаты съ боя брали каждую саклю. Защитники укрѣпленія бѣжали въ балки по направленію къ Чиркату; самъ Шамиль послѣдовалъ ихъ примѣру.

Но конница Власова и 3-й баталіонъ Куринцевъ успѣли уже преградить путь бѣгущимъ и встрѣтилъ ихъ выстрѣлами и штыками. Весь оврагъ заполнился тѣлами убитыхъ горцевъ. Въ самомъ аулѣ нѣсколько сотъ самыхъ отчаянныхъ мюридовъ засѣли въ скали и не хотѣли сдаваться, и хотя аулъ былъ подожженъ, они продолжали обороняться; почти всѣ они были истреблены.

Въ этотъ день потери и въ отрядѣ были весьма значительны: убитыми, ранеными и выведенными изъ строя—1 генералъ, 4 штабъ-офицера, 26 оберъ-офицеровъ и 611 нижнихъ чиновъ. Трофеями побѣды были два значка Шамиля и его булава.

Аргунская побѣда рѣшила судьбу Чирката. Многолюдный аулъ этотъ, богатый своими знаменитыми садами и бывшій главнымъ сборнымъ пунктомъ Шамиля, сдался 5-го іюня почти безъ выстрѣла высланному летучему отряду Лабынцева.

Шамиль скрылся въ своей резиденціи—замкѣ Ахульго. Производство штурма этого неприступнаго убѣжища Шамиля подвергало отрядъ большому риску и громаднымъ жертвамъ, а потому Граббе рѣшилъ примѣнить правильную осаду.

13-го іюня войска приступили къ обложенію Ахульго. Въ теченіе недѣли фортификаціонныя работы приблизились къ утесу, на которомъ былъ расположенъ замокъ Старый Ахульго.

Было рѣшено сначала овладѣть отдѣльной башней подъ названіемъ Сурхаевой башни. Первая попытка 29-го іюня не удалась.

3-го іюля къ отряду прибылъ еще баталіонъ

Апшеронцевъ, а на слѣдующій день горцы сдѣлали вылазку изъ Стараго Ахульго; но она не имѣла успѣха. Въ этотъ же день былъ назначенъ вторичный штурмъ Сурхаевой башни. 10 орудій открыли мѣткій огонь. Особенно удачно дѣйствовали 4 орудія полковника Мищенко. Въ 4 часа пополудни 200 человѣкъ охотниковъ Куринскаго, Апшеронскаго и Кабардинскаго полковъ пошли на приступъ тремя отдѣленіями. Для поддержки ихъ слѣдовали двѣ Куринскія роты подъ командою капитана Рыкова 3-го. Чтобы хотя отчасти предохранить штурмующихъ отъ вреда наносимаго имъ непріятелемъ камнями, сдѣланы были деревянные щиты подбитые войлокомъ, которыми охотники прикрывали голову и переднюю часть тѣла.

Съ такими же затрудненіями, какъ и 29-го іюня, охотники взобрались на крутую скалу. У подошвы башни ихъ опять остановила физическая невозможность итти далѣе; но они ни на шагъ не отошли, ожидая наступленія ночи, чтобы ворваться въ замокъ по отлогой покатости образовавшейся отъ выстрѣловъ. Дѣйствительно въ полночь Сурхаева башня была занята. Большая часть мюридовъ была переколота штыками или погибла подъ развалинами своихъ заваловъ. Хотя потери были значительны, но это вознаграждалось нравственнымъ вліяніемъ, произведеннымъ надъ горцами взятіемъ этого Орлинаго гнѣзда, къ которому только русскій штыкъ и храбрыя Кавказскія войска могли найти доступъ.

Взятіе Сурхаевой башни позволило сдѣлать

общее передвиженіе блокирующихъ войскъ и они были подвинуты ближе къ Новому Ахульго.

12-го іюля къ отряду прибыли три баталіона Ширванскаго полка съ двумя легкими и двумя горными орудіями подъ командою полковника барона Врангеля.

Подойти къ Новому Ахульго можно было только со стороны утеса, гдѣ находилась Сурхаева башня. По пути—укрѣпленныя сакли, завалы въ два три яруса. Позади—глубокій ровъ. Вся поверхность и скаты были изрыты пещерами и траншеями. Шамиль съ замѣчательнымъ искусствомъ и фортификаціонно правильно укрѣпилъ слабѣйшіе пункты своей позиціи. Защитниковъ Ахульго было не болѣе 1200 человѣкъ, но они состояли изъ людей отборныхъ, отчаянныхъ мюридовъ, рѣшившихся лучше умереть, чѣмъ сдаться.

Предпринятый 16-го іюля штурмъ окончился полной неудачей—штурмовыя колонны хотя и успѣли занять передовыя двѣ башни, но, потерявъ многихъ своихъ начальниковъ, въ томъ числѣ и барона Врангеля, тяжело раненнаго, онѣ не могли развить успѣха. Горцы сражались съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ; засѣвъ за свои сакли, они погибали подъ развалинами своихъ заваловъ; нѣсколько женщинъ переодѣтыхъ въ мужскую одежду принимали дѣятельное участіе въ оборонѣ; другія вели своихъ дѣтей подъ сильный огонь, чтобы воодушевить болѣе робкихъ мюридовъ.

Въ началѣ августа положеніе Шамиля сдѣлалось весьма тяжелымъ—среди осажденныхъ появи-

лась оспа; предыдущіе штурмы вывели изъ рядовъ много храбрыхъ защитниковъ. Шамиль нѣсколько разъ посылалъ къ генералу Граббе съ предложеніемъ покорности, но не хотѣлъ подчиниться условію—выдать аманатомъ своего сына.

17-го августа съ разсвѣтомъ 1-й баталіонъ Куринскаго полка спустился по устроенному крытому ходу и быстро началъ подниматься на скалистые утесы Новаго Ахульго. Осыпаемые каменьями и градомъ пуль храбрые Куринцы шли, не останавливаясь, и взобрались на вершину утеса. Въ укрѣпленіи засѣли отважнѣйшіе мюриды подъ предводительствомъ Сурхая; они стрѣляли почти въ упоръ и затѣмъ бросились въ шашки, но были оттѣснены и скрылись въ скалахъ. Куринцы, направляемые генераломъ Пулло и руководимые храбрымъ подполковникомъ Цыклауровымъ, бросились впередъ и окончательно заняли все передовое укрѣпленіе; вслѣдъ за ними саперы, подъ командою подпоручиковъ графа Нирода и Горяева, вошли въ завалы съ турами и фашинами и начали устраивать ложементы. До полудня здѣсь продолжался самый упорный и кровопролитный бой. Куринцы, стѣсненные на узкомъ пространствѣ, ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ обрывами, не имѣли мѣста для дѣйствія штыками. Горцы, въ свою очередь, не имѣя пути отступленія, не ожидая спасенія, толпами бросались на егерей; нѣкоторые изъ мюридовъ прорывались между рядами солдатъ и погибали исколотые штыками; другіе, окруженные въ передовыхъ сакляхъ, предпочитали бѣгству смерть.

Въ полдень саперы уже устроили ретраншаментъ и Куринцы стояли уже твердою ногою на Новомъ Ахульго.

Между тѣмъ и артиллерія поддерживала сильный огонь и дѣйствовала настолько удачно, что горцы были выбиты изъ среднихъ и заднихъ заваловъ; устрашенные смертью храбрѣйшихъ своихъ сподвижниковъ они обратились въ бѣгство въ нижнія пещеры и ущелье, раздѣлявшее оба замка Ахульго. Генералъ Пулло воспользовался этимъ и направилъ двѣ Куринскія роты въ обходъ. Горцы лишились всякой надежды удержать наступленіе штурмовыхъ колоннъ и выставили бѣлый флагъ. Было приказано прекратить бой. Шамиль выслалъ въ лагерь восьмилѣтняго своего сына Джемалъ-Эддина.

Граббе поручилъ вести переговоры съ Шамилемъ генералу Пулло. Шамиль послѣ долгихъ колебаній вышелъ къ русскому лагерю. Во время длиннѣйшаго разговора о возстановленіи въ краѣ спокойствія и порядка Пулло, выведенный изъ терпѣнія несговорчивостью Шамиля, возвысилъ голось и началъ обвинять его въ томъ, что онъ былъ виновникомъ всѣхъ происходившихъ смутъ. Полагая, что Пулло хочетъ прибѣгнуть къ насилію, Шамиль привсталъ, протянулъ къ себѣ полу его шинели и сѣлъ на нее такъ, чтобы генералъ не могъ встать прежде него.

„Вы люди свободные,—возобновилъ разговоръ Пулло,—и можете дѣлать все, что угодно, мы же обязаны дѣлать, что намъ повелѣваетъ законъ. На

извѣстныхъ тебѣ условіяхъ мы заключили миръ; теперь по нашему обыкновенію ты долженъ явиться къ корпусному командиру, потому что онъ тоже обязанъ переговорить съ тобою, утвердить условія и о послѣдствіяхъ донести императору".

Тревожно выслушалъ Шамиль эти слова; вѣдь онъ уже отдалъ любимаго своего сына; что же еще нужно! съ упрекомъ онъ посмотрѣлъ на своихъ мюридовъ, которые уговорили его итти на свиданіе. Шамиль молчалъ.

„Точно,—отвѣтилъ за него его дядя Барти-ханъ,—мы люди свободные, но вмѣстѣ съ тѣмъ дикіе. Каждый изъ насъ судитъ по своему. Въ нашемъ селеніи есть много ученыхъ людей и безъ ихъ совѣта мы ничего сдѣлать не можемъ.

Не успѣлъ Барти-ханъ окончить свою рѣчь, какъ одинъ изъ алимовъ отошелъ въ сторону и прокричалъ азамъ—призывъ къ молитвѣ.

„Полковникъ, сказалъ Шамиль вставая,—отложимъ разговоръ до другого раза, потому что теперь послѣ азама намъ говорить нельзя и мы должны совершить установленную молитву".

Шамиль съ мюридами возвратился въ Ахульго. На посылаемые неоднократно предложенія возобновить переговоры Шамиль отвергалъ ихъ, говоря, что русскіе выманили у него сына и свои обязательства—уйти на плоскость не исполняютъ.

Граббе возобновилъ военныя дѣйствія, и общій штурмъ 22-го августа былъ днемъ развязки Ахульгинской экспедиціи.

Во время трехъ-мѣсячной осады Ахульго от-

рядъ понесъ большія потери: убитыми—штабъ-офицеръ 1, оберъ офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 255; ранеными—штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 21 и нижнихъ чиновъ 511.

Оцѣнивая весь ходъ этой экспедиціи нельзя не признать, что Шамиль дѣйствовалъ въ высшей степени умно и расчетливо; онъ извлекъ изъ недоступности горъ и приверженности горцевъ всѣ средства для упорной обороны и такъ искусно ими пользовался. По его воззванію весь Нагорный Дагестанъ и часть Чечни употребили напряженныя усилія, чтобы противодѣйствовать общему наступленію войскъ въ нѣдра горъ. Если онъ обманулся въ своихъ расчетахъ, то это нужно приписать къ непоколебимой стойкости закаленнаго въ бояхъ кавказскаго солдата, который и послѣ неудачнаго штурма шелъ на новый съ полной вѣрой въ своихъ офицерахъ и надеждой на побѣду.

Съ паденіемъ Ахульго и послѣ того, какъ былъ нанесенъ такой нравственный ударъ вліянію имама, онъ не могъ оставаться въ Дагестанѣ: гумбетовцы, только что испытавъ значительныя потери и опасаясь новаго появленія русскихъ отрядовъ, рѣшительно отказались отъ него; андійцы, койсубулинцы старались избѣгать его; въ Аваріи, и безъ того враждебной Шамилю, былъ расположенъ русскій отрядъ. Лучшіе сподвижники Шамиля, Сурхай, Али-бекъ, Али-Чула-Магома вмѣстѣ съ тысячью храбрѣйшихъ погибли въ Ахульго. Такимъ образомъ, несмотря на громадныя жертвы, результаты Ахульгинской экспедиціи могли быть весьма

положительны; Шамиль долженъ былъ считать свое дѣло окончательно проиграннымъ, но неожиданно благопріятныя и счастливыя для него обстоятельства выдвигаютъ его вновь руководителемъ возстанія.

По окончаніи экспедиціи Граббе распустилъ войска на постоянныя квартиры; онъ считалъ край настолько умиротвореннымъ, что призналъ возможнымъ приступить къ введенію въ Чечнѣ русской администраціи. Повсюду были назначены пристава, на обязанность которыхъ было возложено приводить въ исполненіе всѣ распоряженія начальства, доносить о неблагонамѣренныхъ замыслахъ, охранять общественное спокойствіе, производить раскладку повинностей.

Жители вездѣ встрѣчали новый порядокъ съ покорностью. Но, къ сожалѣнію, во главѣ управленія былъ поставленъ генералъ Пулло, человѣкъ жестокій и несправедливый. Чеченцы нѣсколько разъ собирались жаловаться, но боялись, что жалобы эти навлекутъ на нихъ еще большее гоненіе. Они терпѣли, пока не распространился слухъ, что русское начальство намѣрено обезоружить ихъ, обратить въ крестьянъ и подвергнуть рекрутской повинности. Въ отношеніи оружія слухи эти дѣйствительно оправдались, такъ какъ по распоряженію Пулло предполагалось, чтобы чеченцы уплачивали бы свои подати не деньгами, а оружіемъ. Естественно, что горцамъ эта мѣра казалась крайней: они думали, что ихъ лишаютъ оружія, чтобы вѣрнѣе истребить ихъ, и потому все населеніе рѣши-

лось лучше погибнуть, чѣмъ дозволить себѣ „перерѣзать какъ барановъ“. Нельзя также не упомянуть, что допущенныя злоупотребленія при введеніи новаго порядка управленія усиливали всеобщее недовольство.

Во всѣхъ аулахъ женщины собирались большими толпами передъ мечетями и возбуждали мужчинъ къ воинѣ. Онѣ убѣждали предпочесть смерть предстоящей постыдной жизни, и въ самое короткое время вся Чечня пришла въ волненіе, готовое перейти въ поголовный мятежъ. Общій голосъ указалъ на Шамиля и къ нему немедленно отправилась депутація.

Что могло быть болѣе благопріятнымъ для Шамиля при тогдашнихъ обстоятельствахъ? однако, онъ заявилъ депутатамъ, что предложеніе ихъ принять не можетъ, такъ какъ онъ не вѣритъ имъ. Послѣ этого 40 вліятельныхъ женщинъ отправились къ Шамилю и съ распущенными волосами, упавъ къ нему въ ноги, умоляли его принять начальство надъ несчастнымъ народомъ. Принявъ принесенную чеченцами на коранѣ присягу, по которой они дали клятву вступить съ русскими въ непримиримую борьбу, Шамиль согласился.

Онъ отправилъ въ Чечню преданныхъ мюридовъ съ порученіемъ привлечь къ мятежу возможно большее число обществъ. Въ особенности успѣшно агитировалъ извѣстный Гаджи-Магома-эфенди, который разослалъ подложныя письма отъ имени египетскаго паши съ увѣщеваніями всѣмъ мусульманамъ соединиться противъ невѣрныхъ, обѣщая

прибыть самъ съ арміей. Когда все было подготовлено, Шамиль вызвалъ къ себѣ Ахверды-Магому и поспѣшилъ на Сунжу и почти насильно переселилъ сунженскихъ и надтеречныхъ чеченцевъ въ Черныя горы. Жители принимали Шамиля съ восторгомъ. Волненіе постепенно усиливалось. Ичкеринцы, андійцы, ауховцы, карабулаки и другія племена вооружились и стали въ ряды ополченій. Такимъ образомъ, Шамиль снова очутился во главѣ народа многочисленнаго, воинственнаго и къ довершенію всего имѣвшаго всѣ средства къ упорному сопротивленію.

Но намѣренія Шамиля этимъ не ограничивались: его замыслы простирались на ханство Казикумухское, Дербентскую провинцію и на Кахетію. Казикумухъ онъ хотѣлъ возмутить при посредствѣ Магометъ-хана, внука давно свергнутаго Сурхая-хана. Этотъ Магометъ еще во времена Ермолова бѣжалъ въ Турцію. Изъ Казикумуха Шамиль предполагалъ пройти въ верхніе магалы Дербентской провинціи. Онъ также посылалъ довѣренныхъ лицъ въ Нагорный Дагестанъ и въ особенности къ дидойцамъ. Разсылая ко всѣмъ племенамъ воззванія, Шамиль писалъ, что самъ турецкій султанъ, халифъ, поручилъ ему стать во главѣ возстанія всѣхъ горцевъ.

Избравъ новой своей резиденціей ичкеринское селеніе Дарго, посреди дремучихъ лѣсовъ, Шамиль сталъ угрожать и линіи и Дагестану. Удачные набѣги его на Сунженскую и Терекскую линіи и на шамхальство показали какъ была опасна новая его

позиція. Ахверды-Магома, Кибитъ-Магома тилитлинскій, Ташовъ-хаджи въ теченіе весны въ разныхъ пунктахъ Большой и Малой Чечни принуждали жителей вооружаться.

Въ началѣ іюля было получено извѣстіе, что Шамиль съ огромнымъ ополченіемъ направлялся въ Салатау для дѣйствій противъ Чиркея. Желая отвлечь чеченцевъ, находившихся въ рядахъ имама, для защиты семействъ ихъ и имущества, генералъ Галафѣевъ двинулся изъ Грозной съ весьма значительнымъ отрядомъ*). Между прочимъ къ этому отряду въ числѣ другихъ офицеровъ былъ прикомандированъ и М. Ю. Лермонтовъ. Войска встрѣчали повсюду упорное сопротивленіе: чеченцы горячо отстаивали Гойтинскій лѣсъ, селеніе Гехи и Гехинскій лѣсъ и наконецъ 11-го іюля на рѣчкѣ Валерикѣ произошелъ весьма кровопролитный бой, такъ художественно и безподобно воспѣтый великимъ поэтомъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи.

Съ разсвѣтомъ 11-го іюля отрядъ Галафѣева направился къ Гехинскому лѣсу. Въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Фрейтага, слѣдовали три баталіона Куринцевъ, двѣ роты саперъ и нѣсколько сотъ донскихъ и линейныхъ казаковъ, при 4-хъ полевыхъ и двухъ конныхъ орудіяхъ; весь обозъ двигался въ центрѣ подъ прикрытіемъ баталіона Мингрельцевъ; арріергардъ состоялъ изъ

*) 3 баталіона Куринскаго, 2 баталіона Ширванскаго, 1 баталіонъ Мингрельскаго, 2 роты саперъ, 4 сотня Донского № 37 и 1 сотня Донского № 39 казачьихъ полковъ при 8-ми легкихъ и 6-ти конныхъ орудіяхъ.

двухъ баталіоновъ Ширванскаго полка, 4-хъ орудій и сотни донскихъ казаковъ, подъ общею командою полковника барона Врангеля.

Едва отрядъ вступилъ въ лѣсъ какъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой и пули начали свистать по разнымъ направленіямъ. Авангардъ бросился въ штыки, чеченцы были отброшены. По первому же выстрѣлу Галафѣевъ на встрѣченной въ лѣсу полянѣ построилъ боевой парядокъ и безостановочно продолжалъ движеніе. Отрядъ подходилъ къ опушкѣ поляны, но вдругъ раздался убійственный огонь. Въ одно мгновеніе войска двинулись впередъ. Храбрый Фрейтагъ самъ впереди велъ на кровавый бой своихъ Куринцевъ; съ быстротою обскакалъ онъ ряды ихъ, вездѣ слышенъ былъ ободряющій голосъ его, и въ виду цѣлаго отряда онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ распоряжался атакою. Чеченцы послѣ отчаяннаго сопротивленія въ дремучемъ лѣсу были почти всѣ истреблены.

Объ этомъ боѣ генералъ Галафѣевъ доносилъ: „Успѣху сего дѣла я обязанъ распорядительности и мужеству полковыхъ командировъ, офицерамъ генеральнаго штаба, а также Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручику Лермонтову, съ коими они переносили всѣ мои приказанія войскамъ въ самомъ пылу сраженія, въ лѣсистомъ мѣстѣ, а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо каждый кустъ, каждое дерево грозило всякому внезапною смертью“.

Объ участіи Лермонтова въ бою Галафѣевъ отзывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикъ имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы“.

За дѣло подъ Валерикомъ Галафѣевъ представилъ Лермонтова къ Владиміру 4-й степени съ бантомъ, но корпусный командиръ замѣнилъ эту награду орденомъ Станислава 3-й степени въ виду того, что „поручикъ орденовъ не имѣетъ“.

Послѣ сраженія подъ Валерикомъ отрядъ Галафѣева 14-го числа вернулся обратно въ Грозную. Въ теченіе осени предпринимался цѣлый рядъ экспедицій и Лермонтовъ все все время состоялъ въ прикомандированіи къ кавалеріи дѣйствующаго отряда, а 10-го октября, когда выбылъ раненымъ изъ строя Малороссійскаго казачьяго № 1 полка юнкеръ Руфимъ Дороховъ, три раза разжалованный въ рядовые „за шалости“, Лермонтовъ принялъ отъ него начальство надъ охотниками, выбранными въ числѣ сорока человѣкъ изъ всей кавалеріи. Эта команда головорѣзовъ, именовавшаяся

„лермонтовскимъ отрядомъ", рыская впереди главной колонны войскъ, открывала присутствіе непріятеля, какъ снѣгъ на голову сваливалась на аулы чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, не давала никому пощады. Лихо заломивъ бѣлую холщевую шапку, въ вѣчно растегнутомъ и безъ погонъ сюртукѣ, изъ подъ котораго выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтовъ на бѣломъ конѣ на разъ бросался въ атаку на завалы. Минуты отдыха онъ проводилъ среди своихъ головорѣзовъ и ѣлъ съ ними изъ одного котла, отвергалъ излишнюю роскошь, служа этимъ для своихъ подчиненныхъ лучшимъ примѣромъ воздержанія.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Чечнѣ стало принимать серьезный оборотъ; всѣ ея племена примкнули къ Шамилю и настолько увеличили его силы, что средства борьбы оказались уже далеко неравными. Это обстоятельство вынудило командующаго войсками на Линіи и въ Черноморіи генерала Граббе самому прибыть къ концу октября въ Грозный и, вопреки его личному взгляду на Шамиля, какъ на простого оборванца, принять начальство надъ отрядомъ Галафѣева. 27-го числа онъ вступилъ въ Малую Чечню и, пройдя черезъ гойтинскіе и гехинскіе лѣса, истребилъ аулы, уцѣлѣвшіе во время экспедиціи Галафѣева. Въ первыхъ числахъ ноября такимъ же образомъ наказаны были селенія Маюртупъ и Аку-юртъ въ Большой Чечнѣ. Наступившее позднее время заставило генерала Граббе распустить отрядъ.

Въ результатѣ оказалось, что къ концу 1840 года всѣ племена между Сунжею и Аварскимъ Койсу признавали надъ собою власть имама. Но самымъ замѣчательнымъ событіемъ этого года былъ переходъ на сторону Шамиля прапорщика Хаджи-Мурата. Аварія, столь всегда преданная правительству, заволновалась.

Хаджи-Муратъ, по происхожденію знатный аварскій бекъ, участвовалъ въ пораженіи аварцами Кази-Муллы. Когда же, послѣ смерти послѣдняго, новый имамъ Гамзатъ-бекъ измѣннически истребилъ семью аварскихъ хановъ, то Хаджи-Муратъ примкнулъ къ партіи недовольныхъ и былъ душою заговора, послѣдствіемъ котораго была гибель Гамзата и всѣхъ его родственниковъ. Аварцы выбрали Хаджи-Мурата своимъ правителемъ и просили защитить ихъ отъ притязаній третьяго имама. Правительство одобрило этотъ выборъ и, произведенный въ прапорщики милиціи, Муратъ былъ утвержденъ правителемъ ханства до прибытія казикумухскаго хана Магометъ-Мирзы. Хаджи-Муратъ мужественно отстаивалъ ханство отъ всѣхъ притязаній Шамиля, но потомъ принужденъ былъ уступить свою власть сначала Магометъ-Мирзѣ, а потомъ Ахметъ-хану мехтулинскому. Оставаясь въ Аваріи, Хаджи-Муратъ пользовался особымъ расположеніемъ Клюки-фонъ-Клугенау, цѣнившимъ въ немъ выдающіяся военныя способности. Это расположеніе возбудило зависть въ Ахметъ-ханѣ и было причиною вражды между ханомъ и его подданными. Ахметъ старался очернить Хаджи-Му-

рата, увѣрялъ, что онъ двуличенъ, поддерживаетъ сношенія съ Шамилемъ и проч.

Послѣ взятія Гимръ Клугенау разрѣшилъ носить чалмы всѣмъ принявшимъ шаріатъ, но присягнувшимъ на подданство русскому Императору. Это разрѣшеніе послужило поводомъ къ обвиненію Хаджи-Мурата. Какъ ханъ, такъ и комендантъ цитадели Хунзаха одновременно доносили Клугенау, что Муратъ надѣлъ чалму и подстрекаетъ населеніе не доставлять дрова гарнизону. Ахметъ-ханъ сообщалъ, что онъ арестовалъ Мурата, пріказалъ надѣть ножные кандалы и посадилъ на хунзахскую гауптвахту. Клугенау потребовалъ присылки его въ Шуру.. Въ 9 часовъ вечера 10 ноября Хаджи-Муратъ былъ переданъ штабсъ-капитану Апшеронскаго полка Флепсу, который и повелъ его въ Шуру подъ конвоемъ четырехъ унтеръ-офицеровъ и 40 рядовыхъ. При перевалѣ черезъ Боцринскій хребетъ конвой принужденъ былъ подыматься въ одиночку по узкой тропинкѣ, извивавшейся надъ пропастью. Посреди этой вереницы шелъ Хаджи-Муратъ съ руками, прикрученными веревками къ тѣлу, и удерживаемый веревками же двумя солдатами, шедшими впереди и позади его. Будучи не въ силахъ снести столь тяжкаго позора и мучимый желаніемъ отомстить Ахметъ-хану, арестованный рѣшился или умереть, или освободиться. Хаджи-Муратъ неожиданно бросился съ обрыва внизъ и увлекъ за собою въ пропасть двухъ державшихъ его солдатъ. Глубокій снѣгъ нѣсколько облегчилъ его паденіе. Съ переломленною ногою

Муратъ дотащился кое-какъ до ближайшаго зимовника, гдѣ была сдѣлана первая перевязка, а потомъ пробрался къ друзьямъ въ аварское селеніе Цельмесъ, гдѣ и прожилъ около мѣсяца. Бѣгство Хаджи-Мурата очень огорчило Клугенау и тѣмъ болѣе, что по произведенному слѣдствію не было открыто ничего компрометирующаго, а обнаружилась только злоба и оговоры Ахметъ-хана. Желая возвратить Хаджи-Мурата вновь на службу, Клугенау написалъ ему письмо. Хаджи-Муратъ отвѣтилъ, указывая насколько полезна была его служба правительству и какъ оклеветали его враги. Возвратиться на службу онъ не захотѣлъ.

Хаджи-Муратъ послалъ къ Шамилю андійскаго кадія Лобазана съ предложеніемъ принять его въ число своихъ наибовъ. Шамиль принялъ это извѣстіе съ большой радостью; онъ написалъ Хаджи-Мурату, что забываетъ существовашее между ними кровомщеніе, обѣщалъ оказывать почетъ, а главное—содѣйствіе, для отмщенія Ахметъ-хану и русскимъ. Въ доказательство своего расположенія Шамиль послалъ ему лошадь и бурку.

Хаджи-Муратъ отправился сначала въ Чечню къ имаму, который его назначилъ аварскимъ наибомъ, поручивъ поднять Аварію. Заслужившій уваженіе и любовь аварцевъ, какъ защитникъ отъ покушеній ихъ враговъ и кровью запечатлѣвшій преданость владѣтельному дому, Хаджи-Муратъ въ очень короткое время взволновалъ весь край. Все было готово передаться ему при первомъ же появленіи его въ Аварскую долину. Старшины селе-

ній объявили хунзахскому коменданту, что они не имѣютъ силъ сопротивлятся ему.

Положеніе становилось весьма серьезнымъ. Измѣна Аваріи дѣлала Шамиля властителемъ горъ. Генералъ Головинъ пытался даже завязать сношенія съ Шамилемъ; но попытка эта не удалась и только возвысила значеніе имама. Къ концу 1840 года весь край между Сунжей и Андійскимъ Койсу и все пространство между этой рѣкой и Аварскимъ Койсу признавали Шамиля неограничнымъ своимъ повелителемъ. Покорные его волѣ, горцы по первому призыву устремлялись всюду, гдѣ нужно было волновать населеніе или воспользоваться добычей. Такое положеніе требовало новыхъ напряженныхъ усилій, новыхъ пожертвованій; для увеличенія боевыхъ средствъ Кавказской линіи была отправлена туда 14-я пѣхотная дивзія.

Съ наступленіемъ 1841 года Шамиль поручилъ Хаджи-Мурату вторгнуться въ Аварію; онъ появился въ Цельмесѣ, куда для совмѣстныхъ дѣйствій обѣщалъ прибыть и самъ Шамиль.

Цельмесъ расположенъ въ труднодоступной мѣстности. Зимняя неразработанная дорога не позволяла взять съ собою полевыхъ орудій. Генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау выслалъ 4-го февраля въ Цельмесъ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка съ 2-мя единогорами подъ командою подполковника Вагнера. Чтобы окружить Хаджи-Мурата мехтулинская и аварская милиціи въ числѣ 1000 всадниковъ двинулись къ Цельмесу впереди летучаго отряда. Случайно находившійся въ одномъ аулѣ по-

пути слѣдованія отряда генералъ Бакунинъ принялъ командованіе надъ отрядомъ. Утромъ войска подошли къ аулу; двумъ ротамъ приказано были подняться на командующія надъ ауломъ высоты. Обходная колонна, направленная капитаномъ Пассекомъ, подъ начальствомъ подполковника Вагнера, несмотря на мѣткій перекрестный огонь, ворвалась въ аулъ. Рѣшительная атака увѣнчалась успѣхомъ: три завала, большая половина аула были взяты. При вторженіи колонны въ самый аулъ орудія, подъ командою поручика Лагоды, вывезены на середину и открыли огонь по главнымъ строеніямъ. Но Хаджи-Мурадъ воодушевлялъ горцевъ своею отчаянною храбростью, а мѣткая ружейная стрѣльба вывела изъ строя генерала Бакунина, подполковника Вагнера, поручика Лагоду, двухъ ротныхъ командировъ и двухъ младшихъ офицеровъ. Пассекъ, какъ старшій, принялъ начальство и рѣшился взять штурмомъ приспособленную къ оборонѣ мечеть. Послѣ произведенной бреши штурмовая колонна овладѣла мечетью и даже захватила значекъ Хаджи-Мурата. Самъ Хаджи-Муратъ былъ раненъ и отвезенъ послѣ дѣла въ гумбетовскую деревню Инху.

Штурмъ Цельмеса было самый кровавый и самый блистательный. Надобно было гранатами и и штыками очищать каждую саклю, брать штурмомъ семь заваловъ, хорошо укрѣпленную трехъярусную мечеть подъ сильнымъ убійственнымъ огнемъ; двѣнадцатичасовой бой въ самомъ аулѣ доказывалъ упорство храбраго Хаджи-Мурата и доблесть Апшеронцевъ и артиллеристовъ.

„Мужество и неутомимость летучаго аварскаго отряда,—писалъ Пассекъ Клюгенау,—можетъ служить образцомъ для всѣхъ временъ: послѣ ночнаго форсированнаго перехода, болѣе чѣмъ 20-ти верстъ, по зимнимъ, горнымъ, неразработаннымъ дорогамъ, отрядъ вступилъ въ самый кровавый бой, продолжавшійся 12 часовъ, въ которомъ безпрерывными натисками и непоколебимой стойкостью заслужилъ удивленіе своихъ враговъ—самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, и безъ пищи и сна, неся на себѣ раненныхъ, втаскивая на подъемы орудія, возвратился въ Хунзахъ, съ духомъ неутомимой готовности на новые труды и опасности".

Но Аварія слишкомъ была важна для Шамиля и потому онъ совмѣстно съ Хаджи-Муратомъ усиленно готовился вновь вторгнуться въ страну. Узнавъ о большихъ приготовленіяхъ для наступательныхъ дѣйствій отрядовъ, Шамиль рѣшился самъ взять инціативу. Съ этою цѣлью онъ отправилъ Джеватъ-хана съ нѣсколькими стами чеченцами къ Кибитъ-Магомѣ и приказалъ имъ открыть дѣйствія съ одной, а Абукиръ-кадію и Уллубей-муллѣ съ другой стороны; для отвлеченія нашихъ силъ онъ распустилъ слухъ, что самъ намѣренъ съ андійцами и ичкеринцами поддерживать вторженіе Хаджи-Мурата въ Аварскую долину со стороны Цельмеса. Предпріятія эти удались вполнѣ.

Въ ноябрѣ Шамиль поставилъ болѣе обширную цѣль—уничтожить подчиненіе андаляльскихъ и койсубулинскихъ обществъ русской власти; онъ

приказалъ своимъ наибамъ открыть одновременное тройственное концентрическое движеніе въ Аварію съ цѣлью прервать всѣ сообщенія съ ней. Эта операція свидѣтельствуетъ о большихъ военныхъ дарованіяхъ Шамиля и о способности помощниковъ его. Дѣйствительно Абукеръ-кадій занялъ Унцукуль, и на другой день двинулся по дорогѣ къ Балаканамъ, занялъ его съ боя, затѣмъ овладѣлъ Моксохомъ; съ захватомъ Балаканы прямое сообщеніе съ Аваріей было прервано, а съ паденіемъ Моксоха заколебались всѣ койсубулинцы. Хаджи-Муратъ сдѣлалъ нападеніе на Цалкату и только запоздалое прибытіе Кибитъ-Магомы къ Карадахскому мосту разстроило планъ одновременнаго нападенія.

Положеніе небольшихъ гарнизоновъ укрѣпленій было критическое; но явился отважный офицеръ, рѣшившійся нанести смѣлый и неожиданный ударъ скопищу Абукера и отбросить его отъ занятыхъ выходовъ въ Аварію. Это былъ маіоръ Познанскій, задумавшій опасное и гибельное дѣло, но вышедшій изъ него героемъ и однимъ ударомъ возстановившій сообщеніе съ Аваріей. Съ своимъ 3-мъ баталіономъ Апшеронцевъ 19-го ноября онъ бросился на мюридовъ, укрѣпившихся въ Моксохѣ и вытѣснилъ ихъ. Движеніе къ Хунзаху довольно значительнаго отряда Клюки-фонъ-Клугенау принудило Хаджи-Мурата, Абукеръ-кадія и Кибитъ-Магому отступить, при чемъ послѣдній бросился къ Гергебилю и Кикунамъ и овладѣлъ ими. Клюгенау въ виду зимняго времени возвратился въ Шуру.

Такъ окончился 1841 годъ. Кромѣ мелкихъ обществъ Шамиль подчинилъ своему вліянію часть Салатавіи, почти все Койсубулинское общество и большую часть Андаляла.

Глава V.

Ичкеринская экспедиція генерала Граббе въ 1842 году. Военно-административная система, введенная Шамилемъ въ подвластномъ ему населеніи. Движеніе Шамиля въ Аварію и взятіе имъ въ 1844 году цѣлаго ряда укрѣпленій. Геройскій подвигъ капитана Апшеронскаго полка Дементьева при оборонѣ укрѣпленія Цатаныхъ. Овладѣніе Шамилемъ Гергебиля и мужественная защита его Тифлисцами. Появленіе Шамиля передъ Темиръ-Ханъ-Шурой и Низовымъ укрѣпленіемъ. Знаменитое отступленіе отряда Пассека изъ Зырянъ въ Шуру. Гилинскій бой 2-го іюня 1844 года. Приказъ Пассека.

Въ началѣ 1842 года, по распоряженію корпуснаго командира, для начальствованія войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ отправленъ генералъ Фези, такъ удачно дѣйствовавшій тамъ въ теченіе 1837—1838 годовъ. Выборъ начальника былъ очень удачный: предпріимчивый, рѣшительный генералъ этотъ отлично понималъ духъ горной войны; но пребываніе Фези въ Дагестанѣ было непродолжительно; хотя удачныя дѣйствія его противъ Гергебиля, Унцукуля и имѣли послѣдствіемъ подчиненіе койсубулинскихъ и андаляльскихъ ауловъ, однако, вслѣдствіе разногласій съ Клюки-фонъ-Клугенау, онъ былъ удаленъ отъ командованія въ самый рѣшительный моментъ.

Между тѣмъ Шамиль вторгся 25-го мая въ Казикумухское ханство съ 15-ти тысячнымъ ополченіемъ и окружилъ расположенный въ Кумухѣ отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукова; но храбрый Аргутинскій рѣшилъ итти навстрѣчу главнымъ массамъ непріятеля и съ отрядомъ изъ 3½ бата-

ліоновъ, 1160 человѣкъ милиціи при 4-хъ орудіяхъ онъ выступилъ 1-го іюня, а на слѣдующій день войска стояли уже противъ Кюлюли, отдѣленные отъ селенія довольно глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго извивалось Койсу. Наступать далѣе было крайне затруднительно, и Шамиль бросился съ значительными силами на оба фланга отряда. Послѣ упорнаго и продолжительнаго боя непріятель былъ сброшенъ въ Койсу и разсѣянъ картечными выстрѣлами. Шамиль принужденъ былъ оставить Казикумухское ханство.

Не такъ удачны были военныя дѣйствія въ Чечнѣ. Генералъ Граббе исходатайствовалъ предпринять экспедицію черезъ Ичкерію въ Андію. Граббе 30-го мая выступилъ изъ Герзель-аула съ громаднымъ отрядомъ, всего до 10-ти тысячъ человѣкъ. Онъ надѣялся быстрымъ движеніемъ истребить аулъ Дарго, резиденцію Шамиля. Напрасно находившійся при отрядѣ полковникъ изъ горцевъ Хасай-Мусаевъ предупреждалъ Граббе о рискованности движенія внутрь страны, напрасно нѣсколько разъ онъ увѣренно предостерегалъ о возможной гибели отряда, Граббе не обращалъ никакого вниманія на это. Большая численность войскъ и обремененіе ихъ обозомъ послужили во вредъ, такъ какъ дремучіе лѣса Ичкеріи, гдѣ горцы пользовались всякою возможностью разстроить отрядъ, служили неодолимымъ препятствіемъ для похода. По мѣрѣ движенія впередъ, препятствія увеличивались, стали встрѣчаться завалы и отрядъ въ теченіе двухъ дней не имѣлъ воды. Горцы упорно отстаивали

свою территорію. Войскамъ постоянно приходилось выбивать непріятеля изъ заваловъ; одинъ изъ нихъ, защищаемый Шуаибъ-муллою, въ особенности стоилъ многихъ жертвъ. Здѣсь палъ командиръ 1-го баталіона Кабардинскаго полка подполковникъ Островскій; почти всѣ офицеры авангарда были убиты или переранены. Въ три дня войска прошли всего 25 верстъ и генералъ Граббе, убѣдившись, что дальнѣйшее слѣдованіе почти невозможно, 2-го іюня приказалъ отступить по той же дорогѣ, по которой пришелъ. Пользуясь общимъ замѣшательствомъ, горцы успѣли захватить 6 орудій; командиръ 3-го баталіона Кабардинскаго полка подполковникъ Праскинъ отбилъ пять орудій, но при этомъ палъ пораженный нѣсколькими пулями.

Ужасно было преслѣдованіе отступающаго отряда. Весь лѣсъ былъ загроможденъ тѣлами убитыхъ; стоны раненыхъ оглашали воздухъ, и громкое эхо ихъ разносилось по лѣсу.

Такъ печально закончилась ичкеринская экспедиція, и Чеченскій отрядъ 4-го іюня возвратился въ Герзель-аулъ, потерявъ убитыми и ранеными 66 офицеровъ, болѣе 1700 нижнихъ чиновъ, одно орудіе и почти всѣ военные и продовольственные запасы.

Ичкеринская экспедиція осталась навсегда темнымъ пятномъ въ боевой лѣтописи Кавказскихъ войскъ. Выбирая путь черезъ ичкеринскіе лѣса, Граббе совершенно не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о проходимости дорогъ.

Шамиль торжествовалъ. Неудачи 1842 года сильно поколебали славу о непобѣдимости русскихъ войскъ. Итакъ, по истеченіи 10-ти лѣтъ (съ 1832 по 1842 годъ) не смотря на значительныя усилія и пожертвованія, плоды лучшихъ экспедицій были потеряны. Съ другой стороны геній Шамиля ничего не упускалъ изъ виду, чтобы упрочить свое владычество.

Необыкновенные успѣхи и возвышеніе Шамиля заставляли съ опасеніемъ смотрѣть на будущее. Искусство, съ какимъ Шамиль оправлялся послѣ неудачъ и пользовался всѣми благопріятными обстоятельствами, вызывало тревогу за весь Дагестанъ и даже за племена закубанскія. Роковые 1840—1842 года усилили еще болѣе могущество Шамиля.

Шамиль неутомимо трудился надъ утвержденіемъ своей власти. Несомнѣнно, что онъ постоянно стремился поддержать въ горцахъ фанатическую идею газавата противъ русскихъ. Если Кази-Мулла, дѣйствительно убѣжденный въ истинѣ проповѣдуемаго ученія, желалъ спасти себя и народъ, если Гамзатъ-бекъ, какъ честолюбецъ, домогался сдѣлаться владѣтелемъ Аваріи и всего Дагестана, то народъ не могъ не видѣть, что и Шамиль слѣдуетъ ихъ примѣру. Потому, собственно, фанатизмъ среди населенія значительно ослабѣлъ, такъ что нельзя было приписывать одному только религіозному увлеченію блестящіе успѣхи горцевъ. Шамиль прекрасно понималъ, что лишь хорошо приспособленное управленіе народами можетъ слу-

жить прочнымъ основаніемъ для нравственнаго господства надъ массами. По этимъ причинамъ Шамиль старался во всѣхъ ему подвластныхъ обществахъ утвердить власть свою на политическихъ началахъ, хотя никогда не упускалъ случая воспользоваться религіозными чувствами и все прикрывать усердіемъ къ Богу.

Какая же эта была административная система, введенная Шамилемъ?

Въ Дагестанѣ и Чечнѣ Шамилю повиновались до 230-ти тысячъ семействъ. Всю эту массу населенія Шамиль раздѣлилъ на округа приблизительно изъ 1000 дворовъ. Каждый округъ управлялся наибомъ.

Однимъ изъ приближенныхъ къ Шамилю алимовъ, Гаджи-Юсупомъ, было написано Уложеніе о правахъ великаго имама и его ближайшихъ сотрудниковъ. Въ этомъ Уложеніи съ поразительною послѣдовательностью проводилась идея административной централизаціи.

Такимъ образомъ правильно организованная администрація всегда давала возможность Шамилю слѣдить за состояніемъ умовъ горскаго населенія. Въ этомъ отношеніи главную роль играли наибы. Для охраненія границъ въ наибствахъ были учреждены постоянные посты, расположенные въ пунктахъ вблизи мѣстъ доступныхъ къ движенію русскихъ отрядовъ. Наибы почти постоянно находились на этихъ постахъ.

Все покорное Шамилю населеніе составляло одно военное сословіе: каждый горецъ отъ 16-ти

до 60-ти лѣтъ обязанъ былъ военною службою. Каждый житель имѣлъ винтовку, пистолетъ и шашку, наиболѣе зажиточный и лошадь; если кто по болѣзни не выступалъ въ походъ, то лошадь свою передавалъ другому. Шамиль особенно много заботъ прилагалъ для созданія конницы. Въ походахъ никакихъ обозовъ не было—каждый воинъ запасался провизіей при выступленіи, а во время продолжительныхъ экспедицій ополченіе довольствовалось на счетъ мѣстныхъ жителей.

Кромѣ этихъ временныхъ ополченій Шамиль имѣлъ при себѣ постоянную конную охранную стражу мюридовъ, которые назывались „шамилевскими мюридами"—муртизигатами; они набирались преимущественно изъ людей испытанной преданности, слѣпо повинующихся волѣ имама, проникнутыхъ его идеями, отказавшіеся отъ брачной жизни и обрекшихъ жизнь свою въ жертву для утвержденія шаріата. При каждомъ наибѣ ихъ находилось нѣсколько десятковъ, у самаго же Шамиля насчитывалось до 500 муртизигатовъ.

Учреждая постоянную охранную стражу Шамиль имѣлъ въ виду достигнуть двоякой цѣли: въ мирное время она служила надежнымъ оплотомъ отъ всякихъ покушеній на его власть, а въ бояхъ составляла самый надежный резервъ, который въ рѣшительную минуту всегда поддерживалъ малодушныхъ и дрался съ отчаянною храбростью. Состоявшіе при наибахъ муртизигаты наблюдали за строгимъ исполненіемъ приказаній имама, за вѣрностью жителей; потому въ аулахъ братъ боялся

брата, нѣсколько человѣкъ не рѣшались сходиться для обсужденія вопросовъ касающихся дѣйствій Шамиля. Однимъ словомъ, это были опричники до фанатизма преданные Шамилю.

Въ 1842 году Шамиль учредилъ военную іерархію и въ достоинство соотвѣтственное званію генерала возвелъ Ахверды-Магому, Шуаибъ-муллу и Уллу-бея, прочихъ же наибовъ—на степень капитановъ.

Шамиль окружилъ себя атрибутами власти; онъ являлся вездѣ съ большою торжественностью, всегда окруженный вооруженной стражей. Безъ разрѣшенія никто не могъ притти къ нему и всегда безоружнымъ, за исключеніемъ наибовъ и довѣренныхъ лицъ. Приближающійся цѣловалъ полу платья, или руку, а тѣлохранители постоянно имѣли при этомъ ружья на изготовкѣ. При Шамилѣ во время пріемовъ находился исполнитель смертныхъ приговоровъ съ огромною сѣкирою, которая кромѣ того служила символомъ его власти.

Шамиль старался смягчить нѣкоторые укоренившіе обычаи, напримѣръ кровомщеніе. По его приказанію родственники убитаго сами не имѣли право лишать жизни убійцу, а, схвативъ его, представляли наибу, который направлялъ его къ Шамилю.

Въ высшей степени интересны мѣры, принятыя Шамилемъ, относительно урегулированія положенія мусульманской женщины, и въ особенности заботы его о вдовахъ.

Когда передовые бойцы—мюриды съ увлече-

ніемъ дрались въ бояхъ, когда послѣ напряженной борьбы количество мужского горскаго населенія замѣтно стало уменьшаться, вопли оставленныхъ вдовъ и дѣтей усиливали общее уныніе. До Шамиля давно стали доходить вѣсти о безутѣшной скорби овдовѣвшихъ женщинъ. Понимая ненормальность ихъ положенія и зная какую важную роль играетъ женщина въ обществѣ, помня, что главнымъ образомъ чеченки воодушевили своихъ мужчинъ къ мятежу въ 1840 году, Шамиль придумывалъ способы къ облегченію участи вдовъ.

Примѣняясь къ мусульманскому закону, имамъ установилъ дополнительный порядокъ бракосочетанія; онъ приказалъ наибамъ собирать въ селеніяхъ черезъ нѣкоторый періодъ времени въ особыя помѣщенія всѣхъ вдовъ и вообще женщинъ, оставшихся безъ замужества; тамъ ихъ обязывали называть имена тѣхъ мужчинъ, за которыхъ бы онѣ желали выйти замужъ; нѣкоторыя, по женской стыдливости, долго не рѣшались называть своихъ будущихъ супруговъ, но воля Шамиля была непреклонна и онѣ указывали желаннаго; наименованный мужчина, холостой или женатый, обязанъ былъ жениться на той, которая его выбрала; такимъ образомъ выходящая замужъ женщина хотя на нѣкоторое время удовлетворяла свои потребности; затѣмъ, если супруги не сходились характерами, по тѣмъ же мусульманскимъ узаконеніямъ также легко разводились.

Многимъ мужчинамъ не нравилась эта принудительная женитьба, но Шамиль не обращалъ

никакого вниманія на протесты, зная очень хорошо, что сами мужчины болѣе цивилизованныхъ народовъ чѣмъ горцы нерѣдко женятся на дѣвушкахъ противъ ихъ желанія. Само собою разумѣется, что женщины были весьма признательны Шамилю за его заботы о нихъ.

Итакъ, Шамиль, благодаря своимъ выдающимся административнымъ способностямъ, своими дѣйствіями и распоряженіями, религіей и грознымъ именемъ сумѣлъ держать въ единствѣ массу разноплеменныхъ горцевъ и направлять ихъ на упорную борьбу съ русскими войсками.

Пораженіе, понесенное генераломъ Граббе въ Ичкеринской экспедиціи хотя и было однимъ изъ печальныхъ эпизодовъ многолѣтней Кавказской войны, но слѣдующій, 1843 годъ, былъ самымъ ужаснымъ испытаніемъ въ исторіи распространенія русской власти въ Дагестанѣ; какой то злой рокъ преслѣдовалъ всѣ распоряженія генераловъ и съ особой силой обрушился въ Сѣверномъ Дагестанѣ на Аварію и Койсубулинское общество.

Въ этомъ раіонѣ находилось 11 укрѣпленныхъ пунктовъ и въ нихъ въ общемъ числѣ расположены были до двадцати ротъ. Малочисленные гарнизоны, разбросанные на значительномъ пространствѣ, не имѣя между собою никакой связи, мало обезпечивали край.

Еще въ январѣ 1843 года корпусный командиръ получилъ свѣдѣнія, что Шамиль дѣлаетъ большія приготовленія къ какому то важному предпріятію.

Въ августѣ, когда въ Дагестанѣ заканчивались полевыя работы, Шамиль рѣшился перейти въ наступленіе и выѣхалъ изъ Дарго въ Дылымъ, селеніе Салатавскаго общества, лежащее въ 16-ти верстахъ отъ Внезапной. Вслѣдъ затѣмъ сюда начали стягиваться огромныя массы конныхъ и пѣшихъ горцевъ, въ общемъ достигшихъ до 10-ти тысячъ человѣкъ. Шамиль распустилъ слухи, что намѣренъ дѣйствовать на Кумыкскую плоскость, а главнымъ образомъ на Кизляръ. Это было очень правдоподобно. Дѣйствительныя же намѣренія Шамиля заключались къ нечаянномъ нападеніи на Унцукуль съ цѣлью наказанія жителей за выдачу въ предыдущемъ году 80-ти мюридовъ и преданность русскимъ; но не для этой только карательной экспедиціи онъ готовился такое продолжительное время—его манила завѣтная мечта имамовъ—овладѣть Аваріей.

27-го августа Шамиль, прослѣдовавъ черезъ Гумбетовское общество, сдѣлавъ въ сутки переходъ въ 70 верстъ, появился передъ Унцукулемъ. Въ тотъ же день прибыли туда Кибитъ-Магома изъ Тилитля и Хаджи-Муратъ изъ Аваріи.

Жители Унцукуля, во главѣ съ своимъ кадіемъ Кибитъ-Гаджіо, вышли навстрѣчу скопищамъ Шамиля, но должны были уступить превосходству силъ и они были отброшены въ свое селеніе; а Шамиль тѣмъ временемъ занялъ гору Бетль.

Послѣ упорнаго сопротивленія небольшой гарнизонъ унцукульскаго форта былъ истребленъ и Шамиль приказалъ разрушить Унцукуль до основанія, а многихъ жителей казнить.

По овладѣніи Унцукулемъ Шамиль отправилъ скопища Хаджи-Мурата въ Аварію съ цѣлью волновать народъ, привлечь его на свою сторону и отвлечь силы русскихъ отрядовъ.

Дѣйствительно, необыкновенные успѣхи сопровождали Шамиля въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ: послѣ взятія Унцукуля въ продолженіи 12-ти дней слѣдуютъ для насъ цѣлый рядъ неудачъ; а для Шамиля—рядъ побѣдъ. Онъ быстро занимаетъ селеніе Харачи, малодушно оставленное маіоромъ Косовичемъ; тутъ же разбиваетъ на голову Апшеронскій баталіонъ маіора Зайцева, высланнаго генераломъ Клюгенау изъ Цатыныха; затѣмъ овладѣваетъ Моксохской башней и Балаханскимъ укрѣпленіемъ. Вслѣдъ за этимъ беретъ Цатыныхъ, Ахальчи и Гоцатль, гарнизоны которыхъ, состоящіе изъ трехъ ротъ или пали въ бою, храбро защищая ввѣренные имъ пункты, или попались въ плѣнъ.

Въ особенности выказалъ геройскую стойкость начальникъ гарнизона въ Цатыныхѣ, капитанъ Апшеронскаго полка Дементьевъ; въ его распоряженіи находились 11-я мушкетерская рота полка и 2-я линейная Грузинскаго № 13-го баталіона.

Н. Окольничій дѣлаетъ слѣдующую характеристику героя*) „Человѣкъ довольно преклонныхъ лѣтъ, съ ограниченными понятіями, всегда грязный, любившій придерживаться чарочки, Дементьевъ, подъ грубой оболочкой, таилъ энергію муже-

*) Н. Окольничій. Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ.

ственную, сердце горячее, рѣшительное. До тѣхъ поръ военное поприще его протекало мирно и, выслуживъ пенсіонъ, онъ подалъ въ отставку; но событія 1843 года неожиданно увлекли его въ общій коловоротъ. По отбитіи генерала Клюгенау изъ Цатыныха, Дементьевъ вдругъ покидаетъ прежнія привычки и украшаетъ свои послѣдніе дни подвигами истиннаго геройства. До того времени ходившій замарашкой и почти всегда не бреясь, теперь, какъ будто предчувствуя катастрофу, онъ тщательно исправляетъ свой туалетъ, надѣваетъ новый сюртукъ и, сотворивъ теплую молитву передъ маленькимъ образкомъ, благословеніемъ родительскимъ, съ которымъ никогда не разставался, являлся передъ гарнизономъ.

„Ребята,—сказалъ онъ,—оставляя васъ здѣсь, генералъ надѣялся, что вы будете вести себя молодцами, отстоите крѣпость, или умрете до единаго и тѣмъ исполните свой воинскій долгъ, какъ подобаетъ истиннымъ и вѣрнымъ слугамъ нашего великаго государя. Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ, но не изъ трусости, а чтобы посмотрѣть на того, кто осмѣлится меня пережить. Быть можетъ скоро и къ намъ пожалуетъ Шамиль; но знайте, что помощи ждать намъ не откуда: вы видите въ какомъ мы захолустьи, а на жителей надежда плоха. И такъ, встрѣтимъ дорогого гостя, какъ мы его всегда встрѣчали,—мѣткой пулей и молодецкимъ штыкомъ. Братцы! будемъ драться на смерть, устоимъ или ляжемъ до единаго“.

Воодушевленный рѣчью своего начальника,

гарнизонъ отчаянно защищался и весь погибъ; остались въ живыхъ только семь человѣкъ. Самъ Дементьевъ, когда была истреблена артиллерійская прислуга, бросился съ банникомъ въ рукахъ къ орудію, но здѣсь его поразило выпущенное горцами ядро.

Съ овладѣніемъ Балаканами и Гоцатлемъ Шамиль совершенно отрѣзалъ сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры съ Хунзахомъ, гдѣ заперся Клюгенау съ четырьмя баталіонами и 10-ю орудіями. Вся Аварія отложилась и перешла на сторону Шамиля; только Хунзахъ, имѣя войска, еще держался.

Взятыя укрѣпленія представили Шамилю громадные запасы вооруженія и продовольствія. Военно-плѣнныхъ офицеровъ Шамиль отправилъ въ Дарго, гдѣ приказалъ учредить за ними самый тщательный надзоръ.

Несмотря на то, что всѣ пути къ Хунзаху были открыты, Шамиль не торопился штурмовать его; онъ отлично понималъ, что ожидаемая помощь со стороны Южнаго Дагестана и движеніе Самурскаго отряда кн. Аргутинскаго не позволятъ ему своевременно овладѣть крѣпостью.

Аргутинскій дѣйствительно съ большимъ отрядомъ форсированнымъ маршемъ двигался черезъ Турчидагъ и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, 12-го сентября подошелъ къ Гоцатлю, не зная, что селеніе это занято непріятелемъ; всѣ высоты и перевалъ были прикрыты завалами въ три яруса, защищаемые мюридами подъ начальствомъ Хаджи-Мурата.

Только что отрядъ вытянулся въ дефиле, какъ посыпался на него съ горъ градъ пуль и камней. Аргутинскій двинулъ первую колонну егерей Тифлисскаго и Мингрельскаго полковъ. Предводимые храбрымъ маіоромъ Фаберомъ егеря бросились на завалы. Авангардъ въ самый рѣшительный моментъ остановился отдохнуть; но минута была критическая и Аргутинскій, обнаживъ шашку, самъ кинулся впередъ—Тифлиссцы и Мингрельцы напрягли послѣднія усилія и быстро овладѣли завалами.

Непріятель защищался отчаянно, но послѣ упорнаго боя Аргутинскій овладѣлъ Гоцатлемъ и, преслѣдуя Хаджи-Мурата, Самурскій отрядъ вышелъ въ Аварскую долину; а 14-го сентября соединился съ Клюгенау. Въ соединенномъ отрядѣ было 4008 штыковъ, 1760 сабель и 17 орудій. Войска направились къ Танусу, но Шамиль уклонился отъ боя и быстро перенесъ свои дѣйствія на сѣверъ, на Кумыкскую плоскость.

30-го сентября онъ подошелъ къ д. Андреевой, въ которой находился, подъ начальствомъ полковника Козловскаго, баталіонъ Кабардинскаго полка и полковая учебная команда. Нѣсколько разъ Шамиль предпринималъ атаку деревни; сами жители, воодушевленные убѣжденіями Козловскаго, оказали отчаянное сопротивленіе, и Шамиль послѣ безплодныхъ попытокъ отступилъ къ Акташъ-ауху и здѣсь распустилъ свои скопища, приказавъ имъ быть въ совершенной готовности.

Временное затишье позволило кавказскому на-

чальству выяснить вопросъ о степени необходимости дальнѣйшаго обладанія Аваріей и обсудить всѣ мѣры, могущія поддержать поколебавшееся владычество въ Дагестанѣ. Аварію рѣшено было защищать, для чего гарнизонъ Хунзаха былъ усиленъ и снабженъ запасами; для поддержанія же власти въ горахъ Самурскому отряду приказано было дѣйствовать въ связи съ обстоятельствами въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

Въ то время какъ главное вниманіе кавказскаго начальства было обращено преимущественно на Аварію, Шамиль обсуждалъ новое предпріятіе. Собравъ въ Дарго на совѣщаніе наибовъ, Шамиль приказалъ имъ быть готовыми къ 27-му октябрю. Въ этотъ день скопища Кибитъ-Магомы въ видѣ передового отряда пришли къ Карадахскому мосту и затѣмъ быстро заняли Кикуны недалеко отъ Гергебильскаго укрѣпленія.

Гарнизонъ Гергебиля состоялъ изъ 2½ ротъ Тифлисскаго полка подъ начальствомъ маіора Шаганова, орудій имѣлось пять.

1-го ноября у Гергебиля появился и самъ Шамиль. Былъ предпринятъ общій штурмъ, но Тифлисцы, руководимые своими отважными начальниками, маіоромъ Шагановымъ, капитаномъ Гаринымъ, поручикомъ Щедра, отбросили штурмующія массы. Въ теченіе пяти дней атаки возобновлялись; непрерывные бои утомили гарнизонъ, а непріятельскія ядра и пули выносили изъ строя по 30-ти защитниковъ. Тогда на общемъ совѣтѣ рѣшено было оставить верхнее укрѣпленіе и перенести обо-

рону въ нижнее. Покидая верхнее укрѣпленіе офицеры, подъ руководствомъ подпоручика гарнизонной артиллеріи Ѳедорова, закопали четыре пудовые боченка съ порохомъ подъ офицерскіе флигели и казармы и провели за стѣны укрѣпленія сосисъ въ 48 аршинъ длины. Унтеръ-офицеры Чаевскій, Невѣровъ и рядовой Семеновъ вызвались произвести взрывъ мины лишь только непріятель ворвется въ укрѣпленіе. Къ утру 3-го числа гарнизонъ перебрался въ нижнее укрѣпленіе. Замѣтивъ это, горцы бросились на офицерскій флигель; тутъ послѣдовалъ страшный взрывъ и болѣе трехсотъ непріятельскихъ тѣлъ покрыли гергебильскія террасы. Чаевскій, Невѣровъ и Семеновъ жизнью заплатили за свое геройское самоотверженіе.

Остатокъ Тифлиссцевъ въ нижнемъ укрѣпленіи испытывалъ мучительныя минуты; число убитыхъ и раненыхъ тамъ умножилось; гарнизонъ таялъ, но не падалъ духомъ и о сдачѣ не думалъ. 4-го ноября, наконецъ, на Аймакскихъ высотахъ показались русскіе штыки; то былъ Дагестанскій отрядъ Гурко; надежда на спасеніе мелькнула въ сердцахъ мужественныхъ Тифлиссцевъ, однако это были напрасныя мечты—Гурко не рѣшился оказать помощь Гергебилю и отступилъ.

8-го ноября, когда защитниковъ оставалось не болѣе 50-ти человѣкъ, толпы мюридовъ ворвались въ укрѣпленіе и перебили весь гарнизонъ, исключая нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, а изъ офицеровъ ш.-к. Платена и поручика Щедро; послѣдняго спасли жители Ахальчи.

Съ овладѣніемъ Гергебиля Шамиль пріобрѣлъ возможность дѣйствовать въ Аваріи, Даргинскомъ округѣ и далѣе въ Южномъ Дагестанѣ и въ Мехтулинскомъ и Шамхальскихъ владѣніяхъ. Опустошенная Аварія не могла его интересовать, имѣть дѣло съ сильнымъ гарнизономъ въ Хунзахѣ также не входило въ его планъ; Южный Дагестанъ былъ далекъ, тогда какъ Мехтула и Шамхальство находились передъ его глазами; туда и обрушился Шамиль со всѣми своими силами.

Шамиль направилъ конныя партіи мюридовъ на сообщеніе между Шурой и Дербентомъ; чтобы предупредить измѣну, акушинскія стада были взяты мюридами подъ свою охрану; самъ Шамиль 11-го ноября прибылъ въ Большія Казанища и помѣстился во дворцѣ Тарковскаго. Шамхалъ и мехтулинскій ханъ, узнавъ о движніи мюридовъ, заблаговременно перевезли семейства въ Темиръ-Ханъ-Шуру и въ Дербентъ. Шамиль, помня, что убійства аварскихъ хановъ много повредили Гамзатъ-беку въ мнѣніи народа, назначилъ шамхаломъ явившагося къ нему съ покорностью брата генерала Абу-Мусселимъ-хана, Магометъ-хана, человѣка совершенно глухого и неспособнаго. Такимъ образомъ, Темиръ-Ханъ-Шура—средоточіе главнаго управленія Дагестаномъ, окруженная непріятелемъ, очутилась вь блокадномъ состояніи.

Не рѣшаясь атаковать Шуру, Шамиль направилъ часть скопищь въ Низовое укрѣпленіе. Здѣсь было заготовлено значительное количество продовольствія. Въ укрѣпленіи въ то время находился

штабсъ-капитанъ Ширванскаго полка Бибановъ, командированный со своею ротою за полученіемъ провіанта; но появленіе непріятеля не позволило ему выполнить порученіе. Общій совѣтъ офицеровъ просилъ Бибанова, а также штабсъ-капитана Куринскаго полка Болотникова, принять начальство надъ гарнизономъ; было рѣшено сжечь форштадтъ и запереться въ цитадели.

11-го числа акушинскій кадій прислалъ одного татарина съ предложеніемъ о сдачѣ. „Гергебиль взятъ, и Шура обложена Шамилемъ,—сказалъ онъ, въ Кази-юртѣ съ Евдокимовымъ войскъ мало; изъ Дербента помощи ожидать нельзя—тамъ одинъ линейный баталіонъ, и сообщеніе перерѣзано. Кадій нашъ имѣетъ здѣсь 6 тысячъ мюридовъ; завтра привезутъ одно орудіе. Защищаться вамъ противъ такихъ силъ безполезно, и потому кадій, по человѣколюбію, не желая губить людей напрасно, предлагаетъ сдаться, обѣщая всѣмъ пощаду; въ случаѣ же отказа послѣдуетъ жестокое наказаніе“.

Бибановъ посадилъ посланнаго подъ арестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ передовымъ постамъ зажечь форштадтъ. Горцы въ продолженіе 8 дней тщетно старались взять укрѣпленіе; солдаты ни днемъ, ни ночью не отходили отъ валовъ. При каждомъ приступѣ непріятеля жены офицеровъ отправлялись къ пороховому погребу, который рѣшено было взорвать. Въ такомъ безвыходномъ положеніи спасителемъ изнуреннаго гарнизона явился Фрейтагъ со своими Куринцами.

Пользуясь тѣмъ, что Шамиль отозвалъ Шуаибъ-

муллу изъ Чечни къ себѣ въ Дагестанъ, Фрейтагъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2-хъ баталіоновъ Куринцевъ, своднаго баталіона Кабардинцевъ и Навагинцевъ, 7 сотенъ казаковъ при 4-хъ орудіяхъ двинулся изъ укрѣпленія Куринскаго. По пути въ Султанъ-юртѣ присоединилъ баталіонъ Кабардинцевъ; оставивъ здѣсь часть отряда, самъ съ баталіономъ Куринскаго и Кабардинскаго полковъ и съ казаками поспѣшилъ въ Низовое укрѣпленіе. Казаки поспѣли какъ разъ въ то время, когда должна была рѣшиться судьба геройскаго гарнизона.

Еще въ болѣе ужасномъ положеніи находился отрядъ Пассека въ Хунзахѣ. Ему было приказано оставить Хунзахъ въ то время, когда Шамиль прервалъ всѣ пути въ Аваріи. Чтобы приковать его къ крѣпости спеціально отряженъ былъ Хаджи-Муратъ, который занялъ наблюдательную позицію.

16-го ноября Пассекъ начинаетъ свое знаменитое отступленіе. Хаджи-Муратъ успѣлъ преградить путь и затѣмъ, обложивъ отрядъ въ селеніи Зыряны, заперъ ему выходъ на плоскость черезъ Балаканское ущелье. Цылый мѣсяцъ блокировалъ онъ отрядъ, но не могъ принудить его къ сдачѣ. То, что перенесли во время этой блокады войска, превосходитъ всякое описаніе.

„Трудно или лучше невозможно,—писалъ, между прочимъ, въ своемъ донесеніи Пассекъ,—выразить того мучительнаго, жгучаго чувства, которымъ наполнены были душа и сердце каждаго изъ насъ. Насъ уже не радовало уничтоженіе всѣхъ покушеній непріятеля, и страхъ, какой мы

внушили къ себѣ; но чѣмъ болѣе угасала надежда на спасеніе, тѣмъ рѣшительнѣе и предпріимчивѣе дѣлались войска. Зная нравственную силу ихъ, я рѣшился ждать извѣстія и вспомоществованія съ плоскости, пока не съѣдимъ послѣдняго сухаря, и тогда, призвавъ на помощь Господа—Побѣдодавца, штыками проложить себѣ дорогу....“

„.....Но вдругъ, въ 11 часовъ вечера 1-го декабря, къ неописанной радости всего отряда, я получилъ письмо вашего превосходительства, отъ 25-го и 29-го чиселъ, въ которомъ вы извѣщаете, что мы можемъ быть выручены соединеными силами Дагестанскаго отряда и отряда генерала Фрейтага черезъ 30 дней. Извѣстіе это оживило, воскресило солдатъ и офицеровъ, какъ будто снова призвало къ жизни, и на утро во всѣхъ баталіонахъ слушали благодарственный молебенъ“....

„.....Положеніе отряда точно было бѣдственное, но духъ въ войскахъ былъ выше всякихъ похвалъ и онъ, кажется, поддерживалъ физическія силы солдатъ.... Для поддержанія силъ солдатъ я разрѣшилъ и уговорилъ ѣсть мясо лошадей; несмотря на отвращеніе постепенно все большее число побѣждало предразсудокъ и, наконецъ, при содѣйствіи священника, отца Даніила Попруженко, всѣ принялись за конину и послѣ дѣлили кости лошадей. Воспоминанія 1812 года превращались въ дѣйствительность, особенно, когда въ группѣ солдатъ являлись съ кускомъ брезента или рогожки вмѣсто плаща и въ галошахъ изъ куска сырой кожи или войлока на ногахъ вмѣсто сапогъ“....

Генералъ Фрейтагъ, который послѣ спасенія Низоваго укрѣпленія и Шуры, возвратился въ Амиръ-аджи-юртъ для принятія укомплектованія, тамъ вновь получилъ свѣдѣніе о печальномъ положеніи Шуры и приказаніе спѣшить на выручку. Фрейтагъ немедленно взялъ все что могъ и съ обычною своею быстротою двинулся къ Чиръ-юрту, откуда форсированнымъ маршемъ достигъ 14-го числа Темиръ-Ханъ-Шуры и соединился съ Дагестанскимъ отрядомъ. 15-го началось наступленіе войскъ противъ скопищъ Шамиля къ Муселимъ-аулу. Шамиль отступилъ въ селеніе Большіе Казаница.

Въ этомъ дѣлѣ линейными и донскими казаками были произведены, подъ личнымъ начальствомъ Фрейтага, блистательныя атаки, при чемъ отбиты у непріятеля двѣ пушки. Фрейтагъ послѣ того атаковалъ Шамиля въ Казаницахъ; непріятель безъ большого сопротивленія уступилъ позицію, открылъ путь къ Зырянамъ, и такимъ образомъ отрядъ полковника Пассека былъ спасенъ.

За выдающееся мужество и доблесть императоръ Николай I произвелъ Пассека въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго полка, а впослѣдствіи наградилъ орденомъ Георгія, 5000 рублями и чиномъ генералъ-маіора. На каждый баталіонъ пожаловалъ по 10-ти знаковъ отличія военнаго ордена и по 1 рублю на человѣка.

Такъ печально закончился злополучный 1843 годъ. Въ Дагестанѣ всѣ укрѣпленія быти потеряны. Вотъ къ чему привела эта система безплодныхъ набѣговъ! Императоръ Николай, огорченный

неудачами, въ особенности оставленіемъ Аваріи, приказалъ временно усилить кавказскія войска присылкою всего 5-го корпуса генерала Лидерса и требовалъ отъ Нейдгардта рѣшительнымъ ударомъ сокрушить власть Шамиля. Въ собственноручномъ рескриптѣ государь, между прочимъ, писалъ Нейдгардту: „разбить всѣ скопища Шамиля, разрушить всѣ его заведенія, овладѣть важнѣйшими пунктами въ горахъ и укрѣпить тѣ изъ нихъ, занятіе которыхъ будетъ признано нужнымъ“.

Государь обращалъ вниманіе Нейдгардта еще и на примѣненіи политическихъ средствъ, сущность которыхъ должна была состоять въ привлеченіи, не щадя денегъ, нѣкоторыхъ сподвижниковъ Шамиля. Эти сношенія поручались выполнить князю Аргутинскому. Разосланныя прокламаціи, однако, не произвели ожидаемаго дѣйствія, такъ какъ Шамиль, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ собирать народъ для совѣщаній безъ разрѣшенія его или наибовъ. Сохраняя въ памяти примѣры жестокихъ наказаній имама, горцы опасались передавать содержаніе прокламацій, требовавшихъ безусловной покорности русскому правительству; они всецѣло подчинялись власти имама и безпрекословно исполняли всѣ его распоряженія. При такихъ условіяхъ Шамиль являлся опаснымъ противникомъ.

Для наступательныхъ дѣйствій въ 1844 году были сформированы пять отрядовъ: Чеченскій, Дагестанскій, Самурскій, Лезгинскій и Назрановскій. Наступившая зима прошла спокойно.

Послѣ временннаго затишья скопища горцевъ 2-го іюня заняли селеніе Кака-Шуру, а на слѣдующій день большая часть непріятеля двинулась къ селенію Гилли. Недалеко отъ отъ этого аула для прикрытія шамхальскихъ и мехтулинскихъ владѣній былъ расположенъ отрядъ генерала Пассека въ составѣ трехъ баталіоновъ Апшеронцевъ, 4-хъ сотенъ Донского № 38 полка и четырехъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ резервной № 2 батареи 19-й артиллерійской бригады и аварская конница.

Давъ знать начальнику Дагестанскаго отряда, генералу Лидерсу, о появленіи непріятеля у Гилли, Пассекъ сдѣлалъ распоряженіе объ атакѣ. Съ разсвѣтомъ 3-го іюня на высотѣ Джснгутая блеснули штыки—это были два баталіона Житомирскаго полка, выступившіе изъ Шуры на подкрѣпленіе авангарда.

Приводимъ замѣчательный приказъ, отданный Пассекомъ наканунѣ Гиллинскаго боя:

„Товарищи! пора собираться въ походъ. Осмотрите замки, отточите штыки—поучитесь колоть наповалъ.

Наблюдайте всегда и вездѣ тишину, наблюдайте порядокъ и строй.

Въ дѣло дружно идти; въ дѣлѣ меньше стрѣлять, пусть стрѣляютъ стрѣлки, а колонны идутъ и молчатъ.

По стрѣльбѣ отличу: кто сробѣлъ и кто нѣтъ; робкимъ стыдъ, храбрымъ—слава и честь.

Безъ стрѣльбы грозенъ строй. Пусть стрѣляютъ враги: подойдите въ упоръ и тогда ужъ „ура“,

а съ ура на штыки, и колите, губите враговъ. Что возмете штыкомъ, то вамъ царь на разживу дастъ.

Грозны будете вы, страшны будете татарвѣ, нечестивымъ врагамъ. Осенитесь, помолитесь Христу и готовьтесь на славу идти".

Пассекъ горѣлъ желаніемъ вступить въ бой и чтобы обезпечить себѣ отступленіе послалъ приказаніе капитану Вранкену выступить изъ лагеря съ баталіономъ Апшеронцевъ и двумя орудіями, то же самое приказано и 3-мъ Житомирскимъ ротамъ.

Лишь только пѣхота приблизилась, построивъ казаковъ посотенно въ двѣ линіи, и, пустивъ впередъ конныхъ аварцевъ, Пассекъ быстро двинулся на перерѣзъ непріятелю. Горцы видѣли, что имѣютъ дѣло съ незначительнымъ отрядомъ и огромныя массы ихъ начали обхватывать войска съ трехъ сторонъ. Наступила грозная минута—отрядъ былъ окруженъ желѣзнымъ кольцомъ.

Пассекъ видѣлъ, что слабыя силы его отряда не могутъ сломить непріятеля и онъ рѣшилъ испробовать послѣднее средство—онъ быстро передвинулъ одинъ горный единорогъ съ праваго фланга въ центръ и ударилъ картечью вдоль линіи фронта горцевъ. Озадаченные этимъ горцы немного заколебались. Тогда Пассекъ, пользуясь моментомъ, и не давая противнику опомніться, крикнулъ: „Ребята! татарва бѣжитъ. Кто Апшеронецъ за мной! ура!". Произошла ужасная свалка. Казаки, пѣхота и мюриды, перемѣшавшись, составили одну воюющуюся массу. Крики „ура" сливались

съ предсмертнымъ гимномъ мюридовъ. Пики, шашки, кинжалы и даже значки служили оружіемъ. Пассекъ своею шашкою изрубилъ двухъ мюридовъ. Такая рѣзня не могла быть продолжительна—горцы обратились въ бѣгство. Тогда преслѣдованіе обратилось въ травлю—ожесточенные казаки и солдаты гнали, кололи противника. Пассекъ, видя утомленіе войскъ, далъ отбой.

По окончаніи боя Пассекъ подъѣхалъ къ лежавшему безъ чувствъ капитану Вранкену, получившему четыре раны и, считая его умершимъ, сказалъ: „Радуйся, другъ мой! Мы отомстили за смерть твою. Знамя Даргинскаго народа, 22 значка и нѣсколько сотъ тѣлъ послужатъ тебѣ наградным памятникомъ“. Вранкенъ впослѣдствіи оправился отъ тяжелыхъ ранъ. Въ этомъ же дѣлѣ были убиты подполковникъ Кіандеръ и поручикъ Трамбицкій.

По собраннымъ затѣмъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ сраженіи у Гилли участвовали 9 главныхъ наибовъ Шамиля и съ ними 27 тысячъ скопищъ. Отрядъ Пассека доходилъ всего до 1400 цовъ.

Первымъ послѣдствіемъ этой славной побѣды было совершенное успокоеніе махтулинскихъ и шамхальскихъ владѣній. Акушинцы до того упали духомъ, что не дали обѣщанной помощи бывшему султану елисуйскому Даніэль-беку.

За Гиллинское дѣло императоръ Николай пожаловалъ Апшеронскому полку отбитое знамя Дар-

гинскаго народа и всѣ значки, которые повелѣлъ хранить въ полковой церкви.

Пассекъ получилъ орденъ Владиміра 3-й степени и вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 20-й дивизіи; въ бригаду входили знаменитые полки Куринскій и Кабардинскій. Съ грустью простились Апшеронцы со своимъ любимымъ начальникомъ, водившимъ ихъ на боевые подвиги. Полковые дамы поднесли ему на память собственной работы бѣлый, расшитый шелками и золотомъ значекъ, и подъ этимъ значкомъ юному герою пришлось въ слѣдующемъ году сложить свою голову.

Другимъ выдающимся событіемъ того же 1844 года слѣдуетъ признать измѣну елисуйскаго султана Даніэль-бека и переходъ его на сторону Шамиля.

4-го іюня Даніэль-султанъ торжественно присягнулъ въ елисуйской мечети Шамилю, за нимъ послѣдовало поголовно все населеніе его владѣній, и возмущеніе быстро распространилось, охвативъ и сосѣднія общества.

Послѣ пораженія нанесеннаго Лезгинскимъ отрядомъ генерала Шварца въ Елисуйскомъ ущельѣ, Даніэль-султанъ бѣжалъ въ селеніе Цахуръ, а оттуда къ Шамилю. Имамъ принялъ его съ большою радостью, позволилъ ему по усмотрѣнію выбрать себѣ резеденцію и султанъ поселился въ с. Ирибѣ.

Спокойствіе, водворенное въ Джаро-Белоканской области, было сравнительно ничтожнымъ ре-

зултатомъ въ сравненіи съ переходомъ Даніэль-султана къ Шамилю.

Вообще говоря, цѣли, поставленныя императоромъ Николаемъ I генералу Нейгардту, не были достигнуты: неудачи 1843 года не были исправлены, Шамилю не было нанесено какого либо серьезнаго удара и, наконецъ, вопросъ о прочномъ утвержденіи въ занятыхъ областяхъ оставался, въ сущности, открытымъ. Потому императоръ Николай I рѣшилъ принять чрезвычайныя мѣры для возстановленія въ горахъ престижа русскаго имени.

Глава VI.

Назначеніе графа Воронцова Главнокомандующимъ и Намѣстникомъ Кавказскимъ. Рескриптъ императора Николая. Выѣздъ графа Воронцова на Кавказскую линію для личнаго командованія войсками. Даргинская экспедиція. Штурмъ Пассекомъ горы Анчимеера. Движеніе въ Анди и къ Дарго. „Сухарная экспедиція“ генерала Пассека и смерть героя. Походъ къ Герзель-аулу. Безвыходное положеніе войскъ. Спасеніе отрядовъ генераломъ Фрейтагомъ. Возведеніе графа Воронцова въ княжеское достоинство и назначеніе шефомъ Куринскаго полка. Блестящая побѣда кн. Бебутова подъ Кутешами въ 1846 году.

Императоръ Николай приказалъ составить грандіозный планъ для нанесенія рѣшительнаго удара господству Шамиля въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Недовольный осторожными и нерѣшительными дѣйствіями Нейдгардта, государь въ концѣ 1844 года назначилъ Главнокомандующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и Намѣстникомъ своимъ на Кавказѣ генералъ-адъютанта графа Воронцова.

Въ собственноручномъ письмѣ къ графу государь, между прочимъ, писалъ:

„Считаю нужнымъ избрать исполнителемъ моей непремѣнной воли лицо, облеченное всѣмъ моимъ неограниченнымъ довѣріемъ и соединяющее съ извѣстными военными доблестями опытность гражданскихъ дѣлъ, въ семъ порученіи равномѣрно важныхъ.

Зная ваше всегдашнее пламенное усердіе къ пользамъ государства, выборъ мой палъ на васъ въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ Главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и Намѣстникъ мой въ сихъ областяхъ съ неограниченнымъ полномочіемъ,

проникнутые важностью порученія и моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажитесь исполнить мое ожиданіе“.

„Я старъ и становлюсь дряхлымъ, —сказалъ гр. Воронцовъ, прочитавъ эти драгоцѣнныя строки,— не много жизни во мнѣ осталось; боюсь, что не въ силахъ буду оправдать ожиданіе царя; но русскій царь велитъ идти, и я, какъ русскій, осѣнивъ себя знаменіемъ креста Спасителя, повинуюсь и пойду“.

Графъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ. Здѣсь онъ получилъ инструкціи и планъ предстоявшей кампаніи. Вся петербургская военная молодежь при этомъ назначеніи устремилась на Кавказъ. Громкая слава и высокое положеніе новаго Намѣстника, заманчивость блестящихъ подвиговъ и самый характеръ Кавказской войны всѣхъ увлекалъ. На обратномъ пути Воронцовъ заѣхалъ въ Москву, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней бесѣдовалъ съ А. П. Ермоловымъ, опытность и знанія Кавказа котораго такъ могли быть полезны новому Намѣстнику.

Передавъ управленіе Новороссійскимъ краемъ г.-л. Федорову, графъ Воронцовъ выѣхалъ изъ Одессы и прибылъ въ Тифлисъ 25-го марта 1845 г.

Повсюду Царскаго Намѣстника привѣтствовали крики радости. Сдѣлавъ всѣ распоряженія по гражданскому управленію, Намѣстникъ во второй половинѣ апрѣля отправился на Кавказскую линію для принятія лично командованія надъ войсками.

Планъ кампаніи 1845 года былъ предуказанъ

графу Воронцову самимъ государемъ. Основная мысль этого плана заключалася въ томъ, чтобы дѣйствовѣть нѣсколькими отрядами. „Разбить, буде можно, скопища Шамиля. Проникнуть вь центръ его владычества. Въ немъ утвердиться". Въ этихъ указаніяхъ для графа Воронцова одно было неясно—что именно подразумѣвалось подъ названіемъ „центръ владычества", если—собственно резиденція имама, то она не имѣла никакого отношенія къ владычеству Шамиля, такъ какъ каждый недоступный аулъ могъ быть выбранъ имъ для своей резиденціи. Пора была и отказаться отъ безцѣльныхъ набѣговъ!. Графъ Воронцовъ отлично сознавалъ неосвѣдомленность Петербурга, что передъ отправленіемъ въ походъ и выразилъ въ письмѣ къ военному министру.

Для достиженія поставленной цѣли кампаніи были сформированы нѣсколько отрядовъ: Чеченскій—генерала Лидерса, Дагестанскій—генерала кн. Бебутова, Самурскій—генерала кн. Аргутинскаго-Долгорукова, Лезгинскій—генерала Шварца, Назрановскій—генерала Нестерова.

Всѣ эти отряды должны были начать наступательныя дѣйствія одновременно. Выполненіе главнаго назначенія—проникнуть въ Андію, лежало на Чеченскомъ и Дагестанскомъ отрядахъ*).

---

*) **Чеченскій**—*пѣхота:* 1 бат. Литовскаго, 2 бат. Прагскаго, 2 бат. Люблинскаго, 1 бат. Замосцкаго, 2 бат. Навагинскаго, 3 бат. Куринскаго, 1 бат. Кабардинскаго, 2 роты 5-го саперн. бат., 1 рота Кавказскаго стрѣлковаго бат., 2 дружины Грузинской пѣшей милиціи въ составѣ 1000 человѣкъ. *Конница*—2 сотни Кавказскаго, 1 сотня Кубанскаго, 1 сотня Ставропольскаго, 2 сотни Моздокскаго казачьихъ линейныхъ полковъ, 1 сотня Кабардинской, 1 сотня Дигорской и 5 сотенъ Грузинской милиціи. *Артиллерія*—6 орудій и 4 мортиры горной № 1-й батареи Кавказской грен. арт. бр., 4 орудія легкой № 5 батареи 14-й

31-го мая Главнокомандующій прибылъ къ Чеченскому отряду, находившагося тогда недалеко отъ Внезапной. Осмотрѣвъ войска, онъ выразилъ имъ свою душевную радость, что придется предводительствовать храбрецами, столь неоднократно ознаменовавшими себя подвигами и доблестью. Послѣ молебствія отрядъ выступилъ къ Хубару, гдѣ 3-го іюня соединился съ Дагестанскимъ отрядомъ.

Шамиль, не рѣшаясь вступить въ неравный бой, отдѣльными партіями занялъ главныя дороги, ведущія въ Андію съ намѣреніемъ заманить какъ можно глубже отрядъ. Знаменитая Бартунайская позиція, служившая оплотомъ Салатавіи и сильно укрѣпленная, была оставлена непріятелемъ.

Изъ Бартуная въ Гумбетъ ведутъ двѣ дороги: одна черезъ перевалъ Кыркъ, а другая черезъ Мичикалъ. Показанія лазутчиковъ относительно состоянія этихъ дорогъ противорѣчили одно другому. Графъ Воронцовъ, желая удостовѣриться въ степени проходимости перевала Кыркъ, 5-го іюня выступилъ съ авангардной колонною, состоявшей изъ первыхъ баталіоновъ полковъ: Апшеронскаго, Литовскаго, Житомирскаго, Люблинскаго, Кабардин-

---

арт. бр., 6 орудій горной № 4 батареи, 4 орудія Донской казачьей № 1 батареи. *Обозъ*—черводарскихъ лошадей 1000, запаснаго парка 14-й артил. бригады 20 ящиковъ и 200 вьюковъ.

Дагестанскій—*пѣхота:* 2 бат. Минскаго, 2 бат. Житомирскаго, 3 бат. Апшеронскаго, 2 бат. Кабардинскаго, 2 роты 5-го саперн. бат., 2 роты Кавказ. стр. бат. *Конница*—1 сотня Гребенскаго, 1/2 сотни Кизлярскаго семейнаго каз. полковъ, 1/2 сотни донскаго казачьяго № 47 полка, дагестанскихъ всадниковъ 126. *Артиллерія*—4 легкихъ орудія батарейной № 3 и 4 орудія легкой № 3 14-й артиллерійской бригады, 2 горныхъ орудія легкой № 3 и 8 орудій съ ракетами № 3 батареи 19-й артил. бригады. *Обозъ* -черводарскій транспортъ—1000 лошадей и полубригады конно-подвижнаго магазина 380 лошадей.

Составъ прочихъ отрядовъ не приводимъ, такъ какъ они не участвовали въ Даргинской операціи.

скаго и Куринскаго, пѣшей Грузинской дружины, 8 горныхъ орудій, 3-хъ сотенъ казаковъ и 6-ти сотенъ конной Грузинской и Осетинской милицій. Командовать авангардомъ былъ назначенъ генералъ Пассекъ.

Пассекъ двинулся на крутой подъемъ Кыркъ; отсюда войска увидѣли подъ собою Гумбетъ. Шамиль, замѣтивъ движеніе отряда, перевелъ главныя свои силы на гору Анчимееръ. Осмотрѣвъ мѣстность, графъ Воронцовъ приказалъ Пассеку спуститься съ Кыркъ и атаковать непріятеля.

Забывъ усталость, Куринскій баталіонъ, подъ командою флигель-адъютанта графа Бенкендорфа, а вслѣдъ затѣмъ и Апшеронцы, начали спрыгивать съ уступа на уступъ; Грузинская милиція князя Меликова пробиралась внизъ правѣе отъ дороги. Вскорѣ, несмотря на ружейный и артиллерійскій огонь непріятеля, весь авангардъ собрался у подошвы горы Анчимееръ. Пассекъ, у котораго „глаза заблистали отъ удовольствія при первомъ намекѣ на атаку Анчимееръ“, приказалъ двинуться немедленно на штурмъ. Грузинская дружина, поддержанная Куринцами, Апшеронцами и Житомирцами, стала взбираться на крутую гору.

Картина была величественная. Яркое солнце ослѣпительнымъ блескомъ отражалось на штыкахъ стройно поднимавшихся баталіоновъ и между ними развивался бѣлый значекъ Пассека, подаренный ему Апшеронцами.

Вмѣстѣ съ началомъ атаки горцы участили стрѣльбу. Ядра, пули и камни свистали вокругъ.

Вскорѣ Грузинская милиція опередила всѣхъ; горцы бросились на милиціонеровъ въ штыки, но, увидѣвъ подоспѣвшихъ Куринцевъ, они стремглавъ бросились бѣжать. Всѣ зрительные трубы главнаго штаба обращены были на это мѣсто. Графъ Воронцовъ не спускалъ бинокля съ глазъ—вѣдь это было первое дѣло! Сердце его усиленно забилось, когда увидѣлъ первый успѣхъ. Тщетно горцы старались удержаться на Анчимеерѣ; со всѣхъ сторонъ шли на нее другіе баталіоны авангарда, и горцы поспѣшно очистили всѣ свои позиціи.

Занятіе Анчимеера заставило Шамиля оставить безъ боя сильную Мичикальскую позицію. Въ продолженіи недѣльнаго пребыванія на Гумбетѣ стояла невыносимая погода: непрестанно лилъ дождь; стужа и туманъ увеличились; дороги испортились; солдаты вслѣдствіе затрудненія подвоза транспортовъ по три дня оставались безъ горячей пищи и не имѣли возможности просушиться по совершенному отсутствію лѣса.

Учредивъ у перевала Кыркъ промежуточный пунктъ для снабженія дѣйствующихъ отрядовъ изъ Евгеніевскаго укрѣпленія запасами всякаго рода, 11-го іюня Чеченскій и Дагестанскій отряды двинулись въ Андію черезъ перевалъ Буцуръ, или къ такъ называемымъ Андійскимъ воротамъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ выяснилось, что горцы оставили позицію и что андійскія селенія объяты пламенемъ. Это было сдѣлано по распоряженію Шамиля.

Густымъ туманомъ покрыты были горы и вся

окрестность, когда въ 6 часовъ утра 14-го іюня войска поднялись, чтобы пройти Андійскія ворота. Едва голова колонны вступила на землю, гдѣ еще никогда не видѣли русскихъ войскъ, туманъ разсѣялся и солнце озарило всю Андію. Разбросанныя у подошвы оврага селенія были въ пламени, и дымящіеся развалины составляли грустную противоположность засѣяннымъ полямъ и богатымъ пастбищамъ.

Войска шли двумя эшелонами—сначала Чеченскій, а затѣмъ Дагестанскій отряды. Горцы начали занимать сильную позицію за рѣчкою Гадоръ, на высотахъ противъ селенія Анди, укрѣпленныхъ завалами. Грузинскія милиціи вслѣдъ за отступающими горцами перешли сел. Гогатль и достигли сожженнаго селенія Анди. Князь Барятинскій съ 3-мъ баталіономъ Кабардинцевъ, видя завязавшееся дѣло съ горцами, направился въ Андію, чтобы поддержать милиціонеровъ. Отступившій изъ деревни непріятель сдѣлалъ послѣднее усиліе къ отраженію наступающихъ, но двѣ ротѣ егерей бросились въ штыки и выбили горцевъ изъ аула. Во главѣ съ кн. Барятинскимъ егеря быстро перешли ручей и начали подниматься на скалистыя высоты, занимаемыя главными силами непріятеля. Для поддержанія егерей спѣшились всѣ милиціонеры. Горцы ясно видѣли какъ малочислена была горсть храбрыхъ, пытавшихся ихъ вытѣснить съ позиціи. Непріятель открылъ частый ружейный огонь и усилилъ дѣйствія 3-хъ орудій.

Несмотря на убійственный орудійный и ру-

жейный огонь, роты взобрались далѣе чѣмъ на половину крутой и высокой горы. Тогда непріятель сосредоточился у своихъ значковъ и устремился на атакующихъ, думая подавить ихъ своею многочисленностью; но неустрашимыя роты и милиціонеры, пользуясь уступами, встрѣчали непріятеля огнемъ; когда же горцы бросились въ шашки, то они отбивали эти покушенія дружнымъ натискомъ въ штыки. Наконецъ, отраженные нѣсколько разъ штыками егерей и кинжалами милиціонеровъ, горцы не устояли и обратились въ бѣгство. Отступая, непріятель останавливался и старался огнемъ и бросаемыми камнями задержать наступленіе. Взбираясь по крутизнамъ почти отвѣснымъ, войска сбили непріятеля и обратили его въ бѣгство.

Наступилъ уже вечеръ; густой туманъ покрылъ горы; войска, простоявъ нѣкоторое время на вершинѣ, возвратились внизъ и къ ночи заняли Анди и окрестности. Въ Анди было захвачено 400 ядеръ, которыя непріятель не успѣлъ увести.

Впослѣдствіи выяснилось, что въ дѣлѣ 14-го іюня горцевъ было до 6-ти тысячъ человѣкъ; состояли они подъ начальствомъ 11-ти наибовъ, которыми лично распоряжался Шамиль.

Недостатокъ продовольствія и затрудненія по доставкѣ ставили войска въ очень тяжелыя условія. Приказано было соблюдать большую экономію. Несмотря на существенныя лишенія, солдаты не унывали духомъ. Въ ожиданіи подвоза транспортовъ отрядъ оставался въ Анди до 6-го іюля, когда графъ Воронцовъ двинулся впередъ къ Дарго,

къ резиденціи Шамиля. Всего было въ строю до 8-ми тысячъ пѣхоты, 1200 конницы, 22 орудія.

Пройдя около 14-ти верстъ, войска остановились на высотахъ послѣдняго перевала, гдѣ начинался спускъ въ глубокій и лѣсистый оврагъ, отдѣляющій эти высоты отъ долины Дарго. Впереди, среди дремучаго лѣса, видна была возвышенная поляна, на которой расположенъ былъ лагерь горцевъ.

Первые два пушечные выстрѣла очень удачно попали прямо въ завалъ и произвели тамъ замѣтно сильное пораженіе. Тогда, не дождавшись сигнала для общаго движенія, какъ стая птицъ, поднялась горсть всадниковъ и понеслась въ лѣсъ къ завалу. Это была блестящая молодежь окружавшая графа Воронцова, жаждавшая близкаго столкновенія съ непріятелемъ, во главѣ съ братомъ императрицы, юнымъ принцемъ Александромъ Гессенскимъ. Встрѣченные сильнымъ огнемъ, они на коняхъ налетѣли на завалъ и моментально имъ овладѣли. Этотъ молодецкій эпизодъ воодушевилъ всѣхъ въ отрядѣ. Немедленно повелъ Бѣлявскій Литовскій баталіонъ и милиціонеровъ. Войска весело и шумно вошли въ лѣсъ густой, темный, величественный; закипѣла пальба, неумолкавшая во весь день. Завалъ брали за заваломъ. Наконецъ передъ войсками раскрылась прекрасная долина Аргуна, освѣщенная при наступавшихъ сумеркахъ пожаромъ Дарго, которое зажегъ Шамиль.

Отрядъ понесъ большія потери; здѣсь былъ смертельно раненъ генералъ Фокъ. Молодой адъ-

ютантъ Главнокомандующаго, князь Дондуковъ-Корсаковъ, былъ раненъ въ ногу. Когда графъ Воронцовъ подошелъ къ нему, онъ съ торжествующимъ лицомъ показалъ ему пулю, которую вынулъ изъ ноги до прибытія доктора.

Главнокомандующій въ сопровожденіи принца Александра Гессенскаго, прибывъ на поляну занятую авангардомъ, приказалъ генералу Бѣлявскому съ двумя баталіонами, 4 горными орудіями и двумя дружинами Грузинской пѣшей милиціи двинуться въ долину Аксая и овладѣть ауломъ Дарго; вскорѣ войска заняли пылающій аулъ. Остальныя части войскъ спустились въ Дарго въ теченіе ночи. Такимъ образомъ мѣстопребываніе Шамиля было занято. Домъ Шамиля, арсеналъ, мечеть и нѣсколько другихъ построекъ пылали.

Итакъ, войска заняли резиденціи Шамиля!. Конечная цѣль, поставленная графу Воронцову, достигнута. Но какіе результаты дало выполненіе плана операціи? Рѣшительно никакихъ. Что изображала изъ себя эта столица имама? Простой аулъ, который Шамиль сжегъ безъ всякаго сожалѣнія, такъ какъ подобную резиденцію онъ могъ найти въ любомъ изъ селеній Дагестана.

Шамиль, нисколько не падая духомъ, успѣлъ вселить среди горцевъ мысль, что только теперь начинается борьба съ русскими и что имъ не унести костей своихъ изъ ичкеринскихъ лѣсовъ. Какъ наружное выраженіе своего нравственнаго превосходства онъ даже на глазахъ отряда производилъ

маневры и церемоніальные марши своему баталіону, составленному изъ бѣглыхъ нашихъ солдатъ.

Суета въ окрестностяхъ, прибытіе къ Шамилю новыхъ скопищъ изъ Чечни, стукъ топоровъ во всѣхъ лѣсахъ кругомъ Дарго—указывали на что то зловѣщее; горцы окружали отрядъ и вездѣ строили завалы.

Оставаться въ Дарго было слишкомъ рискованно; войска ощущали полный недостатокъ въ продовольственныхъ запасахъ. Необходимо было выйти изъ этого затруднительнаго положенія; возвратиться въ Андію черезъ лѣсъ, гдѣ происходило сраженіе 6-го іюля, было невозможно; кромѣ того движеніе это носило бы характеръ отступленія; оставалось итти впередъ, по дорогѣ къ Герзель-аулу; но прежде всего нужно было дождаться транспорта ожидаемаго изъ Андіи.

Утромъ 10-го іюля транспортъ этотъ въ сопровожденіи сильнаго отряда князя Бебутова показался на высотахъ передъ даргинскимъ лѣсомъ. Было очевидно, что пройти транспорту черезъ лѣсъ не удастся, а потому графъ Воронцовъ послалъ ему навстрѣчу боевую колонну изъ половины всего отряда подъ начальствомъ генерала Клюгенау. Авангардомъ этой колонны командовалъ Пассекъ. Солдатамъ приказано было, принявъ запасы продовольствія въ свои пустые ранцы и вьюки, принести ихъ въ лагерь, а транспортъ отправить обратно въ Андію. Эта попытка окрещенная именемъ „Сухарной экспедиціи“, составляетъ самый кровавый эпизодъ Даргинской экспедиціи.

Отрядъ Клюгенау выступилъ съ разсвѣтомъ. Едва вступили въ лѣсъ, началась перестрѣлка, хотя очень слабая. Головной баталіонъ, встрѣчая кучки непріятеля, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, безъ затрудненій подвигался впередъ. Подошли къ небольшому, узкому перешейку между двумя оврагами. Пассекъ ожидалъ наткнуться на завалы; онъ шелъ впереди съ шашкою въ рукахъ; всѣ за нимъ съ крикомъ „ура" перебѣжали перешеекъ и заняли благополучно противоположный берегъ. Къ общему удивленію залпа со стороны непріятеля не послѣдовало; пролетѣло только нѣсколько пуль.

Пассекъ, встревоженный какимъ то зловѣщимъ предчувствіемъ, сказалъ: „Странно, я видѣлъ обсыпающіе листья и сучья, но пуль не слышу". Скоро, дѣйствительно, выяснилось почему въ такомъ удобномъ мѣстѣ горцы, столь искусно пользовавшіеся мѣстностью, свободно пропустили отрядъ. Оказалось, что Шамиль обрушился на арріергардъ генерала Викторова. Огромныя массы непріятеля въ глубокой тишинѣ, совершенно укрытыя густотой лѣса, дали всей колоннѣ вьюковъ вытянуться, а арріергарду войти въ небольшую топкую лощину, и тогда, выскочивъ со всѣхъ сторонъ изъ засады, бросились въ шашки и кинжалы. Закипѣлъ ужасный рукопашный бой! Горцы рубили и кололи съ большимъ ожесточеніемъ. Арріергардъ защищался отчаянно. Генералъ Викторовъ, полковникъ Кривошеинъ, почти всѣ офицеры и нижніе чины

были убиты; два орудія взяты; всѣ вьюки и лошади достались непріятелю.

Пассекъ, услыхавъ учащенную пальбу, остановилъ свой авангардъ. Скоро стали подходить къ нему уцѣлѣвшіе отъ погрома остатки арріергарда и обоза. Удостовѣрившись въ окончательной гибели арріергарда, Пассекъ двинулся впередъ и къ вечеру подошелъ къ транспорту князя Бебутова.

Наступила ночь. Странное зрѣлище представлялъ бивакъ, освѣщенный кострами. Подтягивались уцѣлѣвшіе отъ вечерней рѣзни люди; въ потьмахъ блуждали солдаты, отыскивая своихъ товарищей; вездѣ раздавались крики: „Куринцы, Кабардинцы, Навагинцы, Люблинцы, грузины сюда, сюда“, а тамъ горцы въ теченіе всей ночи ликовали—производили салютаціонные залпы, пѣли побѣдныя молитвы; раздавался неумолкаемый стукъ топоровъ надъ возведеніемъ новыхъ заваловъ.

На слѣдующее утро изъ уцѣлѣвшихъ вьюковъ съ придачей новыхъ отъ Дагестанскаго отряда былъ сформированъ транспортъ съ продовольственными и боевыми припасами. Авангардомъ попрежнему командовалъ Пассекъ, арріергардомъ полковникъ Ронжевскій съ своимъ Кабардинскимъ баталіономъ.

Авангардъ двигался благополучно, пока не подошелъ къ берегу того болота, гдѣ произошла страшная катастрофа съ генераломъ Викторовымъ. Ужасную картину представляло это мѣсто: все пространство лощины было завалено разлагавшимися трупами. Густой лѣсъ, въ которомъ царила мертвая

тишина, вдругъ оживился и оказался занятымъ громадными скопищами непріятеля; они окружають авангардъ. Вездѣ рубятъ, рѣжутъ, стрѣляютъ, повсюду раздаются крики, стоны раненыхъ. Что произошло тогда, трудно описать—все было стоптано и гибло подъ ударами. Пассекъ самъ подбѣжалъ къ мѣсту катастрофы и, схвативъ Навагинскую роту, съ крикомъ: „за мной!“ бросился къ заваламъ. Навстрѣчу ему грянулъ залпъ и Пассекъ, пронизанный нѣсколькими пулями, опрокинулся навзничь. Падая Пассекъ бросилъ свой бумажникъ близъ него стоявшимъ Навагинскимъ солдатамъ, которые тутъ же были изрублены горцами. Полковникъ Ронжевскій и большая часть офицеровъ были убиты. Тѣло Пассека осталось въ рукахъ непріятеля; послѣднія его слова были: „Прощай, моя храбрая бригада“. Вмѣстѣ съ нимъ пропалъ и его бѣлый значекъ.

Апшеронцы съ горестью узнали, что Пассекъ убитъ и что съ нимъ не было ни одного изъ нихъ; нѣсколько ихъ солдатъ явились къ графу Воронцову просить разрѣшенія послать въ лѣсъ одинъ баталіонъ, чтобы выручить тѣло любимаго начальника. Воронцовъ благодарилъ Апшеронцевъ за преданность, но, чтобы не подвергнуть напрасной гибели людей, отклонилъ ихъ просьбу. Уныло пошли въ лагерь солдаты, но въ ту же ночь десять человѣкъ безъ всякаго разрѣшенія отправились за тѣломъ Пассека; изъ десяти вернулись только двое; ходила въ ту же ночь на выручку тѣла и другая партія, изъ грузинъ-милиціонеровъ, но и она во-

ротилась ни съ чѣмъ; тѣло Пассека не было найдено.

Такъ во главѣ роты погибъ генералъ, которому все предвѣщало командовать арміями!

Далѣе стоять въ Дарго не было смысла. 12-го іюля во всѣхъ частяхъ лагеря шли дѣятельныя приготовленія къ дальнѣйшему походу къ Герзель-аулу. Этому движенію графъ Воронцовъ хотѣлъ придать видъ наступленія на Шамиля; вмѣстѣ съ тѣмъ послано приказаніе князю Бебутову немедленно снять всѣ этапные пункты въ Андіи и Гумбетѣ и итти въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а генералу Фрейтагу, начальнику Лѣваго фланга Кавказской линіи, пятью разными путями послано предписаніе собрать всѣ наличныя войска и спѣшить изъ Герзель-аула навстрѣчу главному отряду.

13-го іюля въ 4 часа утра отрядъ выступилъ къ Герзель-аулу. Для облегченія движенія Воронцовъ велѣлъ уничтожить всѣ тяжести и первый подалъ примѣръ, приказавъ сжечь весь свой богатый багажъ.

14-го іюля отрядъ достигъ селенія Шуани. До этого времени Шамиль занималъ позицію у Цонтери, полагая, что отрядъ будетъ двигаться къ Маюртупу; замѣтивъ же движеніе къ Шуани, онъ бросился на хребетъ Гурдали, преграждавшій путь наступленія.

Кромѣ препятствій, имѣвшихся на дорогѣ, на командуемыхъ высотахъ были устроены завалы. Ихъ нужно было взять, и эта операція блестяще была выполнена Куринцами, шедшими въ лѣвой

цѣпи подъ командою флигель-адъютантовъ Меллера-Закомельскаго и графа Бенкендорфа. Куринцы отважно бросились на завалы, но здѣсь былъ тяжело раненъ графъ Бенкендорфъ; въ правой цѣпи и съ фронта отрядъ понесъ также чувствительныя потери; тамъ были ранены командиры: Навагинскаго полка полковникъ Бибиковъ, 5-го сапернаго боталіона полковникъ Заваліевскій и Грузинской милиціи князь Эристовъ; штабсъ-капитаны генеральнаго штаба графъ Гейденъ и баронъ Дельвигъ; поручики Лонгиновъ и графъ де-Бальменъ.

Колонны растянулись въ большую глубину, такъ какъ приходилось наступать по узкимъ тропинкамъ. Больпое затрудненіе представляло слѣдованіе громаднаго числа раненыхъ—ихъ несли на носилкахъ и на каждую изъ нихъ назначили по шести солдатъ; не меньше обременяли и десять орудій, оставшіяся безъ зарядовъ.

Раненые испытывали нестерпимые муки; перевязочныхъ средствъ не было. Уже давно перенося голодъ, большая часть людей, и безъ того ослабленныхъ отъ диссентеріи, доходила до крайняго изнуренія. Графъ Воронцовъ постоянно подходилъ къ арріергарду, разговаривалъ съ ранеными, ободряя упавшихъ духомъ. Къ графу подошелъ адъютантъ съ донесеніемъ, что солдаты окончательно не въ силахъ двигаться, что всѣ попытки Лидерса, Гурко и Бѣлявскаго ни къ чему не привели, что совѣщаніе начальниковъ пришло къ единогласному рѣшенію спасти жизнь Главнокомандующаго и подъ охраной небольшого числа оста-

вшихся здоровыхъ людей вывести его въ безопасное мѣсто.

Выслушавъ адъютанта, не измѣняя спокойнаго лица, Воронцовъ громко сказалъ: „еще далеко до бѣды, у меня есть Куринцы и Кабардинцы!" Затѣмъ онъ подошелъ до головы колонны, увидѣлъ собравшихся начальниковъ и солдатъ лежавшихъ на землѣ. При появленіи графа всѣ начали вставать. „Лежать, лежать!" крикнулъ онъ. Поговоривъ съ генералами, онъ обратился къ солдатамъ. Тутъ, по словамъ одного изъ участниковъ похода, произошла сцена, которая не подавалась никакому описанію. Воронцовъ былъ истинно великолѣпенъ. Все соединялось, чтобы придать ему чарующее величіе. Высокая, благородная наружность, сѣдина волосъ, большой бѣлый крестъ на груди, спокойное, полуулыбающееся лицо, боевая слава его имени, торжественность минуты—все соединялось, чтобы потрясти самаго равнодушнаго человѣка. Солдаты, наэлектризованные словами своего вождя, вмѣстѣ съ нимъ раздѣлявшаго всѣ лишенія, встали. „Ну что, братцы,—сказалъ графъ,—отдохнули! Молись Богу! Ура, за мной!" Выхвативъ кривую турецкую саблю*, Главнокомандующій бросился къ заваламъ. Мгновенно все встрепенулось. Не только баталіоны, но и раненые, маркитанты, денщики, черводары, всѣ, кто только тутъ былъ, въ какомъ то опьяненіи, какъ потокъ прорвавшейся плотины, бросились впередъ и опередили Воронцова.

*) Сабля эта нынѣ хранится въ Кавказскомъ Военно-Историческомъ Музеѣ (Храмѣ славы).

Загремѣли барабаны, засвистали пули, непріятель тщетно пытался остановить разъяренныхъ солдатъ —завалы были взяты.

Взятіе этого пункта доказывало, однако, что войска хотя сверхъ-естественнымъ напряженніемъ послѣднихъ силъ и штурмовали гору, но что больше ничего они не могутъ дать. Было рѣшено ожидать прибытія Фрейтага. Графа Воронцова сильно озабочивала мысль, что слухи о рѣшеніи совѣщанія начальниковъ съ предложеніемъ спасти его не подѣйствовали деморализующе на солдатъ и онъ, въ предупрежденіи общей паники, передъ вечеромъ разослалъ войскамъ извѣщеніе.

Общее содержаніе его было слѣдующее.

„Всѣмъ видно положеніе нашего отряда. Мы окружены громаднымъ числомъ непріятеля, воодушевленнаго успѣхомъ; раненыхъ у насъ болѣе 1500 человѣкъ; продовольствія нѣтъ; зарядовъ почти не осталось; дальше итти невозможно. Небольшому числу изъ насъ можетъ быть и удалось бы прорваться къ нашимъ границамъ, пользуясь темнотою ночи, но для этого пришлось бы бросить раненыхъ товарищей; конечно, никто такого грѣха на свою душу не возьметъ, а менѣе всѣхъ я. Все еще не потеряно. Я послалъ извѣстить о нашемъ положеніи генерала Фрейтага. Всѣмъ извѣстна распорядительность этого генерала; я увѣренъ, что онъ насъ выручитъ. Но если намъ суждено, умремъ здѣсь, какъ подобаетъ русскимъ воинамъ и дорого продадимъ свою жизнь; а дабы въ такомъ случаѣ ничего не досталось непріятелю, порѣжемъ наши па-

латки и бѣлье на бинты для раненыхъ; остальное все истребимъ“.

Такимъ образомъ была еще только одна надежда—на Фрейтага. „Я имѣлъ ужасныя минуты сомнѣній,—писалъ впослѣдствіи графъ Воронцовъ, —разумѣется не за себя лично, потому что въ нашемъ ремеслѣ, и особенно въ мои годы, было бы стыдно думать о себѣ, но я боялся за нашихъ раненыхъ“...

Отрядъ занималъ на отлогой покатости площадку менѣе версты вдоль рѣки Аргуна, при деревнѣ Шаухалъ-Берды. Въ тѣсномъ пространствѣ столпился лагерь. Ставка Главнокомандующаго стояла на самомъ краю высокаго берега; около нее помѣстились палатки штаба. Шамиль отлично понималъ причины бездѣятельности отряда и, занявъ позицію на высотахъ праваго берега Аксая, выставилъ тамъ три пушки и безпрерывно въ теченіе двухъ дней обстрѣливалъ лагерь. Положеніе было ужасное, такъ какъ за неимѣніемъ снарядовъ нельзя было отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы, а войска по необходимости пришлось держать подъ выстрѣлами противника.

Солдаты избѣгали собираться въ большія кучки. Офицеры убѣждали графа снять свою палатку съ окраины, но онъ не согласился. У входа его палатки стоялъ фамильный значекъ. Ружья караула въ козлахъ. У внутренней стѣнки графъ лежалъ на складной кровати и читалъ англійскія газеты, необращая вниманія на то, что въ столь замѣтную

цѣль какъ его ставка непріятель посылалъ черезъ рѣку гранаты и ядра.

17-го и 18-го іюля отрядъ въ напряженномъ ожиданіи возлагалъ всѣ надежды на прибытіе Фрейтага. Всѣ были увѣрены, что этотъ генералъ, за которымъ въ прошломъ была слава какъ „спасателя“, выручитъ и ихъ.

Фрейтагъ, получивъ въ Грозномъ извѣстіе о бѣдственномъ положеніи отряда. съ замѣчательной быстротой, возможной только кавказскимъ войскамъ, съ разнороднымъ отрядомъ*) своимъ 18-го числа прибылъ къ Мискиту и пущенные въ 5-мъ часу пополудни сигнальные ракеты извѣстили войскамъ давно ожидаемую радость.

На слѣдующій день въ 9 часовъ утра Фрейтагъ выступилъ къ Шаухалъ-Берды, откуда одновременно двинулся и главный отрядъ. По мѣрѣ приближенія Фрейтага перестрѣлка съ непріятелемъ дѣлалась сильнѣе и сильнѣе.

Наконецъ горцы покинули свои позиціи и Фрейтагъ соединился съ главнымъ отрядомъ. Обратясь къ войскамъ, графъ Воронцовъ сказалъ. „Кричите „ура“ вашему избавителю“. Радостнымъ кликамъ не было конца.

20-го іюля всѣ войска продолжали движеніе къ Герзель-аулу, куда и прибыли вечеромъ того же дня.

---

*) Пѣхота—$2^1/_2$ бат. Куринскаго, 2 бат. Кабардинскаго, 3 роты Навагинскаго, 2 роты Кавказскаго линейнаго № 15 баталіона, 2 роты Люблинскаго егерскаго и одна рота Прагскаго. Конница—2 сотни Донского казачьяго № 52 и 1 сотня Донского казачьяго № 20 полковъ. Артиллерія—1 орудіе легкой № 3 батареи 14-й артил. бр., 3 орудія батар. № 3 батареи 20-й артил бригады, 2 орудія Донской казачьей № 1 батареи, 4 орудія конно-артил. каз. № 14 батареи и 3 орудія подвижной гарнизонной артиллеріи.

Такъ закончилась знаменитая въ лѣтописяхъ Кавказа Даргинская экспедиція, замѣчательная по большимъ потерямъ понесенныхъ войсками и по большому вліянію и послѣдствіямъ, какія она имѣла на дальнѣйшій ходъ Кавказско-горской войны.

За этотъ походъ М. С. Воронцовъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство и назначенъ шефомъ любимаго имъ Куринскаго полка.

Послѣ Дагринской экспедиціи кавказскому начальству предоставлено было вести дѣло покоренія горцевъ по своему усмотрѣнію; кн. Воронцовъ уже не получалъ изъ Петербурга заранѣе утвержденныхъ въ кабинетѣ плановъ и ему разрѣшено работать вполнѣ самостоятельно. Пользуясь такимъ полномочіемъ, кн. Воронцовъ совершенно отказался отъ частныхъ наступленій въ глубь горъ и онъ рѣшилъ перейти къ систематическому орбазу дѣйствій, т. е. подвигаться впередъ медленно и занятые пункты укрѣпить на столько, чтобы утвердиться въ нихъ прочно.

Главное вниманіе кн. Воронцова обращено было на Чечню и Дагестанъ и начальствующимъ лицамъ было предложено: окончить передовую Чеченскую линію, центромъ которой должна была служить кр. Воздвиженская; заселить Сунжу рядомъ казачьихъ станицъ; связать передовую линію съ Сунжею рядомъ просѣкъ въ лѣсахъ Чечни; оградить Кумыкскую плоскость со стороны горъ рядомъ укрѣпленій; усилить оборону укрѣпленій Дагестана; устроить на Сулакѣ близь Чиръ-юрта штабъ-квартиру Нижегородскаго драгунскаго полка.

Для приведенія въ исполненіе всѣхъ предположеній постоянный составъ Кавказскаго корпуса былъ усиленъ сформированіемъ вновь Дагестанскаго, Самурскаго, Ставропольскаго и Кубанскаго полковъ и увеличеніемъ состава артиллерійскихъ и саперныхъ частей.

Такимъ образомъ на первый планъ поставлена не работа штыка, а работа кирки и топора; медленное и прочное завоеваніе, а не работа широкихъ набѣговъ и „сокрушеній", какъ выражались до 1845 года. Мы уже знаемъ, что эта мысль не была новая, что Вельяминовъ, Ермоловъ преимущественно отстаивали ее передъ петербургской канцеляріей, но князь Воронцовъ оказался самостоятельнѣе своихъ предшественниковъ, его мнѣніе авторитетнѣе ихъ мнѣній и ему принадлежитъ честь проведенія идеи на практикѣ.

Событія, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ. Упоенный удачами послѣднихъ лѣтъ, Шамиль приказалъ своимъ наибамъ безпрестанно тревожить нападеніями русскія укрѣпленія и отряды. Въ особенности громадное впечатлѣніе произвело предпринятое Шамилемъ въ 1846 году нашествіе на Кабарду. Грандіозный планъ его утвердиться на позиціи, съ которой могъ бы дѣйствовать на Кабарду, осетинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прервать всѣ сношенія съ Грузіей по Военно-Грузинской дорогѣ хотя и не удался, тѣмъ не менѣе показывалъ какъ смѣлы были предпріятія имама.

Нашествіе Шамиля на Кабарду могло имѣть очень важныя послѣдствія, если бы ему удалось

осуществить свой планъ. Эта Кабардинская операція имама всѣми военными авторитетами признается блестящей по замыслу и свидѣтельствуетъ о недюжинныхъ военныхъ талантахъ Шамиля: ударъ былъ разсчитанъ въ чувствительное мѣсто Кавказской линіи—на главный комуникаціонный путь изъ Россіи въ Закавказье.

Благополучный исходъ для Шамиля набѣга въ Кабарду поднялъ еще болѣе его авторитетъ среди народовъ Дагестана. Въ теченіе цѣлаго лѣта спокойствіе въ краѣ ничѣмъ почти не нарушалось—Шамиль готовился къ новому предпріятію: вторженію въ Даргинскій округъ.

Глубокою осенью, пользуясь роспускомъ войскъ по квартирамъ, Шамиль вторгся черезъ большой укрѣпленный аулъ Цудахаръ въ Акушу. Сообщенія Шурой такимъ образомъ были прерваны. Къ командующему войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, князю Бебутову, безпрестанно являлись жители, прося защитить ихъ. Князь Бебутовъ, тотчасъ же сосредоточивъ въ Дженгутаѣ, подъ начальствомъ г.-м. Кудашева, четыре баталіона и 4 орудія, самъ 11-го октября выступилъ изъ Шуры съ отрядомъ въ 5 баталіоновъ, 2-хъ дивизіоновъ Нижегородскихъ драгунъ, сборной сотни донскихъ казаковъ, трехъ сотенъ пѣшей и конной милиціи при 8-ми орудіяхъ.

Присоединивъ часть отряда кн. Кудашева, Бебутовъ 13-го числа приказалъ авангарду штурмовать селеніе Аймяки; Апшеронцы, поддерживаемые мѣткимъ огнемъ батареи, смѣло пошли въ

атаку. Предводимые храбрыми маіорами Берхманомъ и Раутенбергомъ, Апшеронцы брали саклю за саклей и, наконецъ, послѣ общаго дружнаго натиска овладѣли мечетью.

Мюриды бросились на Гергебильскія высоты. Отрядъ продвинулся къ сел. Лаваши, а Шамиль уклонился и занялъ фланговую позицію у селенія Кутеши. Несмотря на превосходство противника, Бебутовъ рѣшилъ атаковать его при Кутешахъ. Распустивъ слухъ о движеніи на Акушу для соединенія съ кн. Аргутинскимъ-Долгоруковымъ и даже отдавъ наканунѣ приказаніе по войскамъ объ этомъ, Бебутовъ 15-го октября съ соединеннымъ орядомъ *) дѣйствительно сначала выступилъ на Акушу, но затѣмъ круто повернулъ на Кутеши.

Князь Бебутовъ, подойдя къ Кутеши, приказалъ авангарду немедленно штурмовать аулъ. 1-й и 2-й эскадроны Нижегородскихъ драгунъ, подъ начальствомъ кн. Орбеліани во главѣ, лихо понеслись на кручу, врубившись въ аулъ; за ними съ барабаннымъ боемъ и пѣснями вбѣжали баталіоны Дагестанскаго пѣхотнаго полка и Апшеронцевъ. Защитники аула заперлись въ сакляхъ, построенныхъ въ нѣсколько ярусовъ на отвѣсной скалѣ. Завязался кровавый, рукопашный бой.

Вотъ какъ описываетъ это замѣчательное дѣло Нижегородцевъ ихъ талантливый историкъ г.-л. Потто.

---

*) 3-хъ баталіоновъ Апшеронцевъ, 3-хъ баталіоновъ Дагестанскаго, двухъ дивизіоновъ Нижегородцевъ, сборной сотни Донскаго № 29 полка, 3-хъ сотенъ милиціи, 2-хъ легкихъ, 7-ми горныхъ орудіи, ракетной команды и команды съ крѣпостными ружьями.

„Въ аулѣ поднялась суматоха. Теперь надо было пользоваться каждою секундой, чтобы не дать непріятелю времени опомниться, и четыре эскадрона драгунъ тотчасъ понеслись впередъ на полныхъ рысяхъ. За ними бѣгомъ пустились два баталіона пѣхоты. Рысь скоро перешла въ скачъ. Вотъ и высокая крутая гора, на которой стоятъ Кутеши.

1-й дивизіонъ карьеромъ взлетаетъ на крутую гору и, очутившись среди лабиринта какихъ-то построекъ и заборовъ, кидается къ воротамъ аула. Ворота, однако же, замкнуты. Первый эскадронъ штабсъ-капитана Джемарджидзе спѣшивается на полномъ скаку, и пока беретъ оборонительную башню, 2-й—неожиданно попадаетъ подъ картечный выстрѣлъ, направленный въ него изъ-за сосѣдней ограды. Тогда командиръ 2-го эскадрона штабсъ-капитанъ Мачабели, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ бой составляетъ настоящую поэзію жизни, не раздумывая долго, крикнулъ „направо!“ и, взмахнувъ нагайкой, перескочилъ ограду. За нимъ перескочили драгуны, и первый взводъ прямо налетѣлъ на орудіе и захватилъ его.... Кругомъ уже шла невообразимая суматоха: шумъ, гамъ, перекрестные выстрѣлы,—и посреди всего горсть отчаянныхъ драгунъ, безъ всякой поддержки извнѣ. Даже первый эскадронъ не послѣдовалъ за вторымъ: Джемарджидзе быстро сообразилъ всю важность занятаго имъ пункта и рѣшилъ держаться въ воротахъ, пока не подоспѣетъ пѣхота.

Уже нѣсколько часовъ кипѣлъ горячій бой. Еще отчаянно сопротивлялись оставшіеся защитники аула, какъ въ тылу отряда показался Хаджи-Муратъ съ дружинами и аварскою конницей; онъ быстро атаковалъ арріергардъ, но, встрѣченный картечнымъ огнемъ трехъ орудій и штыками двухъ ротъ Апшеронцевъ, былъ опрокинутъ. Прискакали два эскадрона Нижегородцевъ и быстро подходилъ баталіонъ Апшеронцевъ съ двумя орудіями.

Тогда всѣ орудія арріергарда, выстроившись въ одну батарею, принялись громить партію отважнаго наиба, а баталіоны наши изъ неподвижнаго строя перешли въ наступленіе. Непріятель не выдержалъ и первою подалась назадъ его пѣхота. Сначала она отступала и даже отстрѣливалась, но потомъ побѣжала и въ бѣгствѣ своемъ увлекла кавалерію. Нижегородцы понеслись въ атаку; долго преслѣдовали они непріятеля по дорогѣ къ Хаджалъ-Махинскому укрѣпленію, по которой горцы разбросали тѣла своихъ убитыхъ. Когда драгуны вернулись къ отряду, въ аулѣ все было кончено"...

Шамиль съ позоромъ бѣжалъ къ Гоцатлю. Трофеями Кутешинскаго боя были: одно орудіе, отбитое Шамилемъ въ Даргинской экспедиціи, 21 зарядный ящикъ, знаменитая сѣкира Шамиля, даже его шуба, печать Кибитъ-Магомы, нѣсколько значковъ, множество оружія, изъ коихъ до 400 винтовокъ захвачено драгунами. Въ отрядѣ выбыло изъ строю—28 человѣкъ убитыми и 72 человѣка раненыхъ.

Шамиль приписалъ свою неудачу полному безпорядку въ скопищахъ Кибитъ-Магомы и двоюроднаго его брата Гази-Магомы.

Кн. Бебутовъ въ своемъ донесеніи Главнокомандующему изъ особенно отличившихся упоминаетъ о командирѣ Апшеронскаго полка кн. Орбеліани, о маіорахъ Берхманѣ и Раутенбергѣ и штабсъ-капитанѣ Дьяконовѣ.

Императоръ Николай, прочитавъ донесеніе о Кутешинской побѣдѣ, положилъ резолюцію: „Дѣло славное, и полная честь князю Бебутову. Владиміра 4-й степени или чинъ, что пожелаетъ, Давыдову; а князю Бебутову—3-го Георгія справедливо дать. Войскамъ всѣмъ по два рубля серебромъ, а драгунамъ по три“.

На время въ Дагестанѣ водворилась тишина; Шамиль разочаровался въ мечтаніяхъ своихъ изгнать русскихъ за море. Но не могъ успокоиться Хаджи-Муратъ. Въ серединѣ декабря онъ предпринимаетъ отважный, партизанскій набѣгъ въ столицу Мехтулинскаго ханства, Дженгутай, и похищаетъ саму ханшу Нохъ-Бике, вдову Ахмета-хана. Это событіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе, и въ свое время много говорили объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смѣлое предпріятіе аварскаго наиба. Впослѣдствіи ханша была возвращена Шамилемъ за большой выкупъ.

1846 годъ можно считать переломомъ въ ходѣ Кавказской войны. Перейдя къ послѣдовательной системѣ дѣйствій по устройству укрѣпленій, просѣкъ и дорогъ, напоминающей систему Ермолова,

но отличающейся отъ нея болѣе мирнымъ отношеніемъ къ горцамъ, кн. Воронцовъ обояніе грознаго имени замѣняетъ попытками торговыхъ связей.

Строго придерживаясь разъ принятаго плана, кн. Воронцовъ возстановилъ русское владычество въ прибрежномъ Дагестанѣ, обезопасилъ цѣлымъ рядомъ передовыхъ укрѣпленій Кавказскую линію отъ нападенія Шамиля со стороны Чечни, довершилъ устройство Лезгинской линіи, прикрывавшей Кахетію; а на Западномъ Кавказѣ, кромѣ береговыхъ укрѣпленій, докончилъ заселеніе Лабинской линіи и началъ Бѣлорѣчинскую.

Восточная война 1853—1856 г.г. доказала, что князь Воронцовъ создалъ на Кавказѣ уже весьма прочное положеніе: несмотря на то, что главныя силы были отвлечены борьбой съ турками, Шамилю нигдѣ не удалось имѣть какой либо существенный успѣхъ.

Глава VII.

Назначеніе въ 1856 году кн. Барятинскаго Главнокомандующимъ и Намѣстникомъ Кавказскимъ. Салатавская экспедиція кн. Орбеліани въ 1857 году. Покореніе генераломъ Евдокимовымъ Большой и Малой Чечни. Планъ Д. А. Милютина окончательнаго покоренія Восточнаго Кавказа. Гунибская операція. Дѣйствія отрядовъ барона Врангеля и кн. Меликова. Неудачные переговоры съ Шамилемъ. Обложеніе Гуниба и штурмъ его. Возобновленіе переговоръ и плѣнъ Шамиля.

По окончаніи Восточной кампаніи, наряду съ внутренними реформами въ государствѣ, императоръ Александръ II обратилъ особенное вниманіе на Кавказъ. Для успѣшнаго выполненія программы окончательнаго замиренія горцевъ изъ многихъ представленныхъ проектовъ государь остановился на проектѣ кн. Александра Ивановича Барятинскаго, по мнѣнію котораго Кавказъ необходимо было раздѣлить на большіе военные отдѣлы, начальникамъ этихъ отдѣловъ предоставить болѣе широкій и самостоятельный кругъ дѣйствій; общее же направленіе горской войны оставить попрежнему въ рукахъ Главнокомандующаго. Кромѣ того, кн. Барятинскій предлагалъ измѣнить самую систему борьбы съ горцами, именно—перейти изъ оборонительнаго въ наступательный образъ дѣйствій. Императоръ Александръ II одобрилъ предположеніе кн. Барятинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ указомъ 22-го іюля 1856 года назначилъ его Намѣстникомъ Кавказскимъ.

Кн. Барятинскій зналъ и изучилъ Кавказъ; всѣ особенности разнообразныхъ племенъ его населящихъ ему были извѣстны изъ непосредственнаго опыта, вынесеннаго послѣ продолжительной боевой службы на Кавказѣ. Вельяминовъ и кн. Воронцовъ были для него руководителями въ походахъ и экспедиціяхъ: въ качествѣ начальника Лѣваго крыла Кавказской линіи онъ положилъ въ системѣ дѣйствій съ горцами новыя начала—завоевывать каждую пядь земли систематически, шагъ за шагомъ. Отличаясь личной храбростью, онъ нѣсколько разъ былъ раненъ, а, будучи начальникомъ штаба при кн. Бебутовѣ въ теченіе кампаніи 1854 года, проявилъ таланты, какъ опытный руководитель войскъ въ большихъ массахъ. Ко всему этому нужно прибавить, что кн. Барятинскій чрезвычайно удачно умѣлъ выбирать себѣ сподвижниковъ какъ для военныхъ цѣлей, такъ и на гражданское поприще. Вотъ почему съ назначеніемъ новаго Намѣстника, къ тому же облеченнаго полнымъ довѣріемъ Монарха, наступила для Кавказа новая эра: все, что было сдѣлано предшественниками, послужило для него матеріаломъ, обработкой котораго онъ съ такой неутомимой дѣятельностью занялся.

Въ половинѣ октября 1856 года кн. Барятинскій прибылъ въ Петровскъ и здѣсь онъ отдалъ слѣдующій краткій приказъ:

„Войска Кавказа. Смотря на васъ и дивяся вамъ, я взросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ назначеніемъ быть вашимъ вож-

демъ. Трудиться буду, чтобы оправдать великую милость, счастіе и великую для меня честь. Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя“.

Пробывъ три дня въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, ограничившись общими указаніями генералу Евдокимову относительно предстоящихъ зимнихъ дѣйствій въ Чечнѣ, о болѣе удобномъ разграниченіи Дагестана съ Лѣвымъ крыломъ, кн. Барятинскій выѣхалъ въ Тифлисъ.

Весною 1857 года кн. Барятинскій, желая лично провѣрить на мѣстѣ предположенія по военнымъ дѣйствіямъ, прибылъ въ Грозную, а затѣмъ черезъ Куринское укрѣпленіе проѣхалъ въ Чиръ-юртъ, откуда была произведена рекогносцировка въ глубь Ауха до границъ Ичкеріи. Сильное и богатое Ауховское общество еще сохранило свою независимость, но подступы къ нему были уже раскрыты широкими просѣками.

„Объѣздъ Большой Чечни и рекогносцировка въ Аухъ,—писалъ Барятинскій военному министру,—указали мнѣ систему предстоящихъ намъ дѣйствій въ этомъ краѣ для упроченія за нами чеченской плоскости и для окончательнаго успокоенія кумыкскихъ и шамхальскихъ владѣній. Я убѣжденъ, что цѣль эта не иначе можетъ быть достигнута, какъ занятіемъ ближайшихъ къ намъ предгорій Андійскаго хребта. Перенесеніе сюда передовыхъ укрѣпленій, согласуясь съ общепринятой нами системой дѣйствій на Кавказѣ, значительно сократитъ длину передовой линіи и дастъ

возможность съ меньшимъ числомъ войскъ строже оберегать наши предѣлы“.

На общемъ совѣщаніи Барятинскаго, Орбеліани и Евдокимова было рѣшено занять Салатавію и съ этою цѣлью перевести туда, въ окрестности аула Буртуная, штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Такимъ образомъ, главныя дѣйствія предположены были въ Прикаспійскомъ краѣ.

Кн. Орбеліани предложено было осуществить эти предпріятія лѣтомъ; одновременно генералу Евдокимоку предписано содѣйствовать Салатавской экспедиціи не только подкрѣпленіями, но, въ случаѣ надобности, и наступательными дѣйствіями; при этомъ съ Лѣваго крыла въ Прикаспійскій край были посланы баталіонъ Кабардинскаго полка и дивизіонъ Нижегородцевъ, который расположился у Джонгутая для предупрежденія покушеній непріятеля на этомъ пунктѣ.

Для выполненія возложенной задачи кн. Орбеліани 15-го іюня сосредоточилъ въ укрѣпленіи Евгеніевскомъ отрядъ въ составѣ 10'/ баталіоновъ, 4-хъ эскадроновъ Сѣверскаго драгунскаго полка, 14-ти сотенъ казаковъ и милиціи при 10-ти орудіяхъ.

Непріятельскіе пикеты виднѣлись на высотахъ лѣваго берега Сулака. Шамиль предупредилъ салатавцевъ о предстоящемъ вторженіи русскихъ, приказалъ имъ удалиться въ лѣса со всѣмъ имуществомъ и прислалъ имъ въ помощь четырехъ наибовъ съ войскомъ.

Непріятельскія скопища все увеличивались, и въ окрестностяхъ Новаго Буртуная сосредоточи-

лись до 6-ти тысячъ пѣшихъ и конныхъ горцевъ при 4-хъ орудіяхъ. 22-го іюня къ нимъ прибылъ самъ Шамиль и отдалъ распоряженіе для нападенія 24-го числа на слѣдовавшій изъ Евгеніевскаго транспортъ съ провіантомъ. Воодушевленные присутствіемъ имама горцы поклялись приложить всѣ усилія для одержанія успѣха, но намѣренія ихъ были открыты заранѣе: Сѣверскіе драгуны и милиція, посланные для рекогносцировки Ибрагимъ-дада, усмотрѣли у Зубута приготовленія горцевъ. Для поддержанія конницы были высланы Самурцы и Апшеронцы и стрѣлки Грузинскаго линейнаго № 13-й баталіона. Во главѣ подполковника Радецкаго и кн. Крапоткина бросились они на завалы и обратили горцевъ въ безпорядочное бѣгство. Транспортъ благополучно прибылъ къ мѣсту назначенія.

Войска продолжали заготовленіе матеріаловъ. Шамиль дѣлалъ все, чтобы держать отрядъ въ постоянной тревогѣ. 27-го іюня лучшая непріятельская конница бросилась на сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка бывшую на аванпостахъ. Пока дагестанскіе всадники стойко отбивались, изъ лагеря по тревогѣ вынесся подполковникъ Петровъ съ первымъ дивизіономъ Сѣверскихъ драгунъ и ударилъ на непріятеля. Это была первая атака вновь сформированнаго полка. Горцы не выдержали стремительнаго натиска драгунъ и бѣжали.

Шамиль убѣждалъ салатавцевъ переселиться въ Андію и Гумбетъ, но всѣ старанія его оставались безуспѣшными. Такое настроеніе салатавцевъ

способствовало успѣшному ходу работъ и 7-го іюля кн. Орбеліани съ большею частью отряда могъ перейти къ Старому Буртунаю. Во время этого движенія полковникъ кн. Багратіонъ съ своими дагестанскими всадниками произвелъ блестящую атаку на непріятельскую конницу.

14-го іюля послѣ молебна было приступлено къ закладкѣ фундамента новой штабъ-квартиры. Торжественная церемонія, закончившаяся салютомъ 101-го пушечнаго выстрѣла, окончательно разсѣяла поддерживаемый Шамилемъ среди горцевъ слухъ о скоромъ уходѣ войскъ изъ Салатавіи.

Въ горахъ наступили холода, даже въ іюлѣ термометръ опускался до нуля. Скопища горцевъ терпѣли большой недостатокъ въ продовольствіи, но Шамиль, разсчитывая на обильный сборъ хлѣбовъ въ земляхъ Ауховскаго общества, продолжалъ оставаться въ виду отряда и старался, по возможности, препятствовать фуражировкамъ.

Послѣ замѣчательнаго кавалерійскаго дѣла 1-го августа Сѣверскихъ драгунъ Шамиль, убѣдившись въ безплодности своихъ усилій удержать за собою Салатавію, во второй половинѣ августа удалился въ Дарго, оставивъ для защиты Салатавіи гумбетовскаго наиба Абакаръ-Дебира.

Самъ Шамиль дѣлалъ въ Андіи и Гумбетѣ новые сборы, назначилъ сына своего Кази-Магому предводительствовать въ предположенной новой экспедиціи на Салатавію; однако Орбеліани предупредилъ эти намѣренія—Новый Буртунай былъ прочно занятъ и войска Дагестанскаго отряда при-

ступили къ рубкѣ просѣкъ къ Дылыму. Ни скопища Кази-Магомы, ни подоспѣвшій Шамиль съ чеченцами не могли остановить поступательнаго движенія войскъ—къ 6-му ноября всѣ окрестности Новаго Буртуная были заняты, такъ что явилась возможность продвинуться впередъ по дылымской дорогѣ; аулы Гуни, Зубутъ, Міатлы и другіе по правую сторону Теренгула были разорены или сожжены.

Цѣль поставленная кн. Орбеліани была достигнута: труды и усилія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Извѣстіе о занятіи Салатавіи чрезвычайно порадовало кн. Барятинскаго. „Въ теченіе одного мѣсяца,—писалъ отъ его имени начальникъ штаба князю Орбеліани,—вы нанесли непріятелю четыре сильныхъ пораженія, стоившихъ ему страшныхъ потерь. Князь Александръ Ивановичъ поручилъ мнѣ поздравить васъ съ этими успѣхами и посылаетъ съ штабсъ-капитаномъ Окольничимъ 55 георгіевскихъ крестовъ для раздачи по вашему собственному усмотрѣнію. Въ свое же время при общемъ представленіи къ наградамъ за экспедицію нынѣшняго лѣта вашего сіятельства, конечно, не забудете помѣстить всѣхъ отличившихся въ бывшихъ прекрасныхъ дѣлахъ“.

6-го ноября Салатавскій отрядъ возвратился въ Евгеніевское укрѣпленіе; въ Буртунаѣ же оставлены четыре баталіона Дагестанскаго полка.

Занятіе Буртуная и покореніе Салатавіи отразились и на военныхъ предпріятіяхъ войскъ Лѣ-

ваго крыла. Воздвигнутыя генераломъ Евдокимовымъ въ 1857 году укрѣпленія Шалинское и Хоби-Шавдонское, открывая кратчайшій путь въ Дагестанъ, позволяли удерживать всю огромную плоскость Большой Чечни.

Дѣйствительно, въ началѣ 1858 года Евдокимовъ почти безъ всякой потери проникъ въ знаменитое и таинственное Аргунское ущелье, заложилъ при входѣ его укрѣпленіе для штабъ-квартиры Куринскаго полка, вырубилъ вѣковые лѣса на Даргинъ-Дукѣ въ верховьяхъ Шаро-Аргуна и открылъ, такимъ образомъ, путь во флангъ Дагестана.

Горцы понимали къ чему все это ведетъ, и когда весною отрядъ вступилъ въ Малую Чечню, вся она до верховьевъ рѣчекъ Фортанги, Гойты, Рошни и Гехи смирилась. Оставалась нагорная Чечня. Отрядъ вступилъ въ нее черезъ Аргунское ущелье въ іюлѣ. Сраженіе на Ярычъ-Марды, геройская переправа по двумъ бревнамъ надъ пропастью Аргуна, овладѣніе долиной Шатоя, постройка въ центрѣ Шубутовскаго общества штабъ-квартиры для Навагинскаго полка и укрѣпленія Евдокимовскаго—все это было достигнуто съ ничтожными потерями.

Къ концу года въ то время, когда особый отрядъ кн. Святополкъ-Мирскаго дѣйствовалъ на Кумыкской плоскости, генералъ Евдокимовъ съ главными силами надвигался въ ущелье р. Бассы, по которому пролегала прямая дорога въ Ичкерію и къ Ведено,—резиденціи Шамиля. Съ наступленіемъ 1859 года Евдокимовъ овладѣлъ съ боя силь-

но укрѣпленною позиціей у аула Таузена, вступилъ въ ущелье Хулхулау и расположился въ 10-ти верстахъ отъ Веденя. Евдокимовъ обложилъ Ведено и повелъ фортификаціонныя работы. 1-го апрѣля изъ устроенныхъ батарей грянулъ залпъ орудій и начался кровопролитный бой. Штурмовая колонна полковника Баженова съ Кабардинцами, Тенгинцами, стрѣлками 20-го баталіона, Ряжцами и Бѣлевцами бросились на укрѣпленіе. Горцы дрались съ беззавѣтною храбростью. Видя, что удержать Ведено не будетъ возможности, Кази-Магома съ большею частью гарнизона скрылся; самъ Шамиль бѣжалъ.

Князь Барятинскій, получивъ объ этомъ донесеніе, отправилъ войскамъ Лѣваго крыла слѣдующій приказъ: „Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдою: неодолимые досслѣ преграды пали—Ведень взятъ и завоеванная земля повергнута къ стопамъ великаго государя. Слава генералу Евдокимову. Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его“.

Паденіе Ведено рѣшило судьбу всей Чечни.

Въ ожиданіе лѣтней экспедиціи Чеченскій отрядъ продвинулся въ Андію, откуда имъ были начаты военныя дѣйствія согласно плана разработаннаго начальникомъ штаба Кавказской Арміи, генераломъ-адъютантомъ Д. А. Милютинымъ, для окончательнаго покоренія Восточнаго Кавказа.

Вступленіе генерала Милютина въ должность совпадаетъ съ окончательнымъ рѣшеніемъ покоренія Восточнаго Кавказа. Вся тягость подготовительной

работы легла на генерала Милютина. Составленная имъ дислокація войскъ на 1859 годъ такъ безошибочно предусмотрѣла потребности всего грандіознаго дѣла, что при выполненіи войсками на практикѣ теоретическихъ соображеній не потребовалось никакихъ измѣненій. Милютинъ руководилъ нитью всѣхъ соображеній предстоящей операціи, посвящая во всѣ подробности главныхъ начальниковъ края.

Самый планъ, составленный Милютинымъ и одобренный княземъ Барятинскимъ, заключался въ слѣдующемъ: три отряда должны были наступать одновременно въ ущелье р. Андійскаго Койсу съ трехъ сторонъ: *Чеченскій*—генерала Евдокимова, изъ покореннаго Веденя на Андію и Технуцалъ; *Дагестанскій*—барона Врангеля, изъ Салатавіи на Гумбетъ и *Лизгинскій*—князя Меликова, изъ Кахетіи черезъ Богозскій хребетъ.

При такомъ одновременномъ и концентрическомъ движеніи громадныхъ отрядовъ Шамиль не могъ уклониться отъ боя.

Чеченскій и Дагестанскій отряды вступили въ нѣдра враждебныхъ горъ одновременно въ серединѣ іюля.

Съ Чеченскимъ отрядомъ находился и самъ князь Барятинскій. Онъ прибылъ еще 4-го іюля въ Грозную, гдѣ, послѣ осмотра войскъ, ему представлялись почетныя лица изъ туземнаго населенія, преимущественно чеченскаго, которыя принесли поздравленія со взятіемъ Веденя и благодарили за заботы по управленію народа. Среди депутацій об-

ращали на себя вниманіе бывшіе выдающіеся сподвижники и наибы Шамиля: веденскій—Эдиль, Большой Чечни—Тагикъ, Малой Чечни—Дуба, ичкеринскій—Умалатъ и мичиковскій—Эски. Князь Барятинскій принялъ ихъ привѣтливо, дружелюбно, не давъ имъ понять и почувствовать, что такъ недавно они были непримиримыми врагами.

15-го іюля Чеченскій отрядъ началъ наступательное движеніе и 17-го числа всѣ войска сосредоточились у озера Эзень-амъ. Рекогносцировка, произведенная особой колонной князя Дадіана, рѣшила вопросъ о движеніи отряда въ долину Андійскаго Койсу и войска продвинулись къ озеру Арджи-амъ и заняли ближайшій аулъ Тандо. Съ появленіемъ отряда начали приходить депутаціи съ изъявленіемъ покорности.

Шамиль съ грустью смотрѣлъ на потерю своей власти и въ Каратѣ ожидалъ результатовъ боя подъ укрѣпленнымъ ауломъ Ичичалы; аулъ защищали значительныя силы подъ начальствомъ сына имама Кази-Магомы, который, однако, съ появленіемъ колонны генерала Кемпферта безъ боя бросилъ укрѣпленіе и ушелъ въ Карату на соединеніе съ отцомъ. Въ Ичичала было захвачено 11 орудій.

Дагестанскій отрядъ барона Врангеля въ одинъ переходъ прошелъ черезъ весь Гумбетъ. Этотъ походъ ознаменовался замѣчательною въ исторіи переправой 16-го іюля черезъ Андійское Койсу близъ Сагрытло. Здѣсь рѣка имѣла 15 саженъ ширины; бѣшенныя волны горной рѣки неслись съ головокружительной быстротой; 1-го сапернаго баталіона

подпоручикъ Ивановъ отыскалъ немного ниже сравнительно болѣе удобное мѣсто для переправы; но и здѣсь перебросить канатъ черезъ рѣку не было никакой возможности. Генералъ Ракусса вызвалъ охотниковъ переплыть черезъ Койсу; хотя желающихъ явилось и много, но смѣлый подвигъ этотъ удалось выполнить Дагестанскаго пѣхотнаго полка юнкеру Шпейеру и рядовому Кочеткову; они переплыли рѣку, перетянули канатъ и укрѣпили его; затѣмъ была приспособлена къ канату деревянная корзина (люлька), въ которую первый усѣлся Дагестанскаго иррегулярнаго полка хорунжій Кайтуки Тюлевовъ и послѣ громадныхъ затрудненій благополучно перебрался на другой берегъ; вслѣдъ за нимъ переправились прапорщикъ 21 стрѣлковаго баталіона Туркестановъ и 39 нижнихъ чиновъ, а по мысли сапернаго унтеръ-офицера Стороженко была перекинута веревочная плетенка въ 15 саженъ длины, и по этому болтавшемуся надъ горизонтомъ бѣшенной рѣки веревочному мосту перешли 8 ротъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка; затѣмъ уже представилась возможность возобновить разрушенный горцами сагрытлинскій мостъ; 18-го іюля весь отрядъ барона Врангеля перешелъ на правый берегъ Койсу, обладаніе которымъ уже прорывало линію непріятельской обороны и открывало путь въ глубину Аваріи. Дѣйствительно, послѣ того какъ 22-го іюля генералъ Ракусса овладѣлъ высотами Арактау, аварцы прислали депутацію съ просьбой принять ихъ въ покорность; на другой день явились гумбетовцы и койсубулин-

цы. Поручивъ полковнику Лазареву управленіе койсубулинцами, а флигель-адъютанту Ибрагимъ-хану мехтулинскому—управленіе Аваріей, баронъ Врангель принялъ мѣры къ обезпеченію своихъ сообщеній и къ удержанію въ повиновеніи покорившагося населенія.

Чтобы открыть связь съ Чеченскимъ отрядомъ, баронъ Врангель приказалъ полковнику кн. Чавчавадзе съ Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ пройти черезъ Аварію, Карату и Технуцалъ.

Князь Чавчавадзе 25-го іюля выступилъ изъ лагеря со всѣми 6-ю сотнями. Поднявшись на хребетъ Танусъ, полкъ увидѣлъ у ногъ своихъ родную Аварію. Вся Аварская долина съ ея роскошными нивами и множество деревень растилались передъ всадниками. Энтузіазму ихъ не было границъ. Жители большими толпами встрѣчали и провожали родной полкъ. Въ Сивухѣ къ полку присоединилась Аварская конная милиція подъ начальствомъ своего новаго хана Ибрагима мехтулинскаго. Это была первая милиція изъ вновь покорившихся народовъ, ставшая въ ряды русскихъ войскъ.

Шамиль, только что прибывшій въ Карату, замѣтилъ движеніе конницы и понялъ, что аварцы, еще вчера трепетавшіе при его имени, идутъ противъ него; онъ замѣтилъ также, что и сами каратинцы, пользовавшіеся всегда особымъ довѣріемъ его, на этотъ разъ крайне недружелюбно встрѣчаютъ его. Дѣйствительно, каратинцы только ожидали выѣзда имама, чтобы открыто стать на

нашу сторону. Тяжко было Шамилю сознавать, что и въ самой резиденціи своего старшаго сына, гдѣ онъ встрѣчалъ всегда высокій почетъ и душевный покой, не можетъ теперь найти себѣ безопасный пріютъ. Шамиль направилъ свое бѣгство на Гунибъ.

Кавалерія кн. Чавчавадзе, спускаясь къ Карату, обратила вниманіе на растилавшійся по всему селенію дымъ; оказалось, что дымъ этотъ распространялся изъ дома Кази-Магомы зажженнаго по его приказанію мюридами. Поднявшись на Андійскія высоты, полкъ вступилъ къ главному Чеченскому отряду. Кн. Барятинскій очень обрадовался прибытію дагестанцевъ, такъ какъ планъ соединенія Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ уже началъ осуществляться. 29-го іюля кн. Чавчавадзе выступилъ обратно и на другой день прибылъ къ Дагестанскому отряду.

Бѣгство Шамиля изъ Караты было сигналомъ для общаго возстанія горцевъ. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ Гунибу, сопровождавшіе его партіи постепенно уменьшались и въ Гунибъ онъ направался всего съ 400 мюридами. Но Шамиль не терялъ надежды устоять противъ русскихъ въ недоступномъ Гунибъ-дагѣ, опираясь на находящіяся вблизи укрѣпленіе Чохъ, селеніе Согратль и Тилитли; но ему пришлось разочароваться въ этихъ ожиданіяхъ, такъ какъ не успѣлъ онъ еще появиться на Гунибъ, какъ Чохъ сь орудіями и разными запасами сдался, а вслѣдъ за этимъ и весь Андалялъ подчинился русской власти. Еще болѣе сильный ударъ Шамилю былъ на-

ра Апшеронскаго полка полковника Тергукасова; а на западномъ фасѣ—два баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ командира этого полка, полковника Радецкаго.

Остальныя войска, 2 баталіона лейбъ-Эриванскаго, дивизіонъ Сѣверскихъ драгунъ, рота Кавказскаго сапернаго № 1 баталіона, 14 горныхъ единороговъ, сотни Акушинской конной милиціи, а также остальные части передовыхъ войскъ, составляли общій резервъ и находились на Кегерскихъ высотахъ.

Генералъ Кесслеръ, осмотрѣвъ 23-го числа подробно мѣстность, приступилъ къ заготовленію туровъ, фашинъ, лѣстницъ и пр. Рекогносцировка выяснила, что восточный скатъ горы хотя и былъ слабѣйшимъ и болѣе доступнымъ, но представлялъ громадныя препятствія, такъ какъ пути по немъ были преграждены искусственными препятствіями и бдительно охранялись большею частью гунибскаго гарнизона. По этимъ причинамъ предпринимать рѣшительныя дѣйствія съ этого фаса предполагалось только въ крайнемъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе полковнику Кононовичу приказано было въ видѣ демонстраціи постепенно подвигаться впередъ къ заваламъ этого фаса съ помощью осадныхъ работъ.

Въ ночь на 24 число стрѣлки Ширванскаго полка подъ огнемъ непріятеля выдвинулись впередъ.

Въ темную, южную ночь на 25-е число въ лагерѣ Апшеронцевъ у деревни Куяды была сформирована охотничья команда въ 130 человѣкъ, подъ начальствомъ капитана Скворцова и прапорщика

Кушнерова. Отъ селенія Куяды террассами грозно поднимался Гунибъ. Охотники, обутые въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, подсаживая другъ друга, начали взбираться по террассамъ. До половины пути шелъ впереди начальникъ команды Скворцовъ, а послѣ—юнкера Сресули и Теріевъ и часть охотниковъ. На одномъ изъ поворотовъ появилась какая то фигура. Сресули и Теріевъ бросились и обезоружили; но это оказался всадникъ Дагестанскаго иррегулярнаго полка. Начало свѣтать и охотники взобрались уже довольно высоко, какъ вдругъ надъ собою они услышали тревожные крики лезгинъ. Оказалось, что надъ вершиной террасы была караульня съ небольшимъ числомъ защитниковъ. Рядовой Молодыхъ первый поставилъ подъ террасу веревочную лѣстницу и полезъ вверхъ; за нимъ поднялись Теріевъ и Сресули; а затѣмъ до 30-ти охотниковъ; они укрѣпили веревку къ дереву и бросили ее внизъ къ идущему по слѣдамъ баталіону. Охотники завладѣли караульней и перебили защитниковъ ее. Къ 6-ти часамъ утра къ этому мѣсту уже собрались всѣ Апшеронцы и полковникъ Тергукасовъ двинулъ ихъ къ самому селенію Гунибъ. 21-й стрѣлковый баталіономъ, имѣя въ головѣ своихъ охотниковъ, подъ командою подпоручика Теріева, къ тому времени овладѣлъ уже съ боя крѣпкими непріятельскими завалами правѣе занятыхъ Апшеронцами. Подъ убійственнымъ огнемъ штуцеровъ уцѣлѣвшіе мюриды, подъ грознымъ натискомъ стрѣлковъ, побѣжали къ ставкѣ имама.

Одновременно и войска сѣвернаго фаса, подъ

личнымъ начальствомъ г.-м. кн. Тарханъ-Моуравсва, съ такими же затрудненіями и съ такимъ же блистательнымъ мужествомъ поднялись на Гунибъ съ сѣверной покатости. Взойдя на высоты, кн. Тарханъ-Моуравовъ направилъ шедшія въ головѣ стрѣлковую роту Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подпоручика Микеладзе, и сотню дагестанскихъ всадниковъ съ есауломъ Джафаръ-Ага и командою охотниковъ сотника Квинитадзе, а вслѣдъ за ними и весь баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка подполковника Габаева въ обходъ аула, а часть къ палаткѣ Шамиля и въ тылъ устроенныхъ на восточномъ скатѣ укрѣпленій.

Озадаченные появленіемъ войскъ съ разныхъ сторонъ мюриды въ безпорядкѣ бѣжали отъ стѣнъ южнаго фаса вверхъ, преслѣдуемые выстрѣлами Ширванскихъ стрѣлковъ. Самъ Шамиль ускакалъ въ селеніе Гунибъ, приказавъ туда собираться всѣмъ.

Вслѣдъ за бѣгущими мюридами полковникъ Кононовичъ двинулъ 1-й и 2-й Ширванскіе баталіоны съ 4-мя горными орудіями, а полковникъ Радецкій въ это время поднялся съ баталіонами Самурскаго полка съ западной стороны.

Партія мюридовъ въ 100 человѣкъ, отрѣзанная отъ аула, собралась на лѣсистомъ холмѣ влѣво отъ ведущей на Гунибъ дороги и, засѣвъ за каменьями, открыли частую стрѣльбу. Одна за другой Ширванскія роты были направлены противъ этой кучки фанатиковъ. Горцы, не видя спасенія, бросились въ кинжалы и шашки; ни одинъ изъ

мюридовъ не сдался: всѣ сто человѣкъ послѣ непродолжительной, но кровавой, рукопашной схватки погибли подъ штыками Ширванцевъ.

Генералъ Кесслеръ, имѣя въ виду приказаніе Главнокомандующаго, употребить всѣ усилія, чтобы захватить Шамиля живымъ, остановилъ натискъ войскъ, уже готовыхъ ворваться въ Гунибъ.

Вслѣдъ затѣмъ князь Барятинскій прибылъ вмѣстѣ съ барономъ Врангелемъ на мѣсто боя и приказалъ остановить перестрѣлку, предложивъ Шамилю сдаться, не подвергая напрасно аула, въ которомъ было много женщинъ и дѣтей, ужасамъ штурма.

Шамиль долго колебался; положеніе его было крайне тяжелое. Гордый властелинъ Дагестана, еще вчера грозившій своею саблею, былъ подавленъ мрачною дѣйствительностью. Блескъ штыковъ, окружавшихъ аулъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, имѣлъ въ этотъ моментъ грозный видъ. Шамиль былъ давно знакомъ съ русскимъ штыкомъ и зналъ, что одно слово, и эта живая ограда ворвется въ аулъ и начнетъ дѣло опустошенія, а тогда искать пощады будетъ поздно.

Только въ эту критическую минуту онъ понялъ безвыходность своего положенія, но преклонить свою гордую голову ужасало его. Не въ силахъ удержать свою внутреннюю борьбу, онъ жадно искалъ въ окружающихъ его мюридахъ поддержки, но.... въ безмолвныхъ взорахъ ихъ не находилъ себѣ никакого утѣшенія. Чтобы протянуть свою свободу до ночи, Шамиль всячески затягивалъ пере-

говоры и предлагалъ разнообразныя условія; для этого онъ нѣсколько разъ посылалъ своего вѣрнаго Юнуса, однако кн. Барятинскій категорически объявилъ, что кромѣ безусловной сдачи и немедленнаго выхода Шамиля никакихъ условій не принимаетъ, обѣщая ему и семейству полную безопасность; въ противномъ случаѣ—безпощадный штурмъ.

Было дано ¼ часа на размышленіе, а войскамъ приказано быть готовымъ къ штурму, при чемъ Главнокомандующій обѣщалъ 10 тысячъ рублей тому, кто возьметъ Шамиля живымъ. Награда была столь заманчива, что солдаты были озадачены и строили планы какъ это во время суматохи штурма умудриться захватить имама живымъ.

Все это произвело въ аулѣ сильное волненіе; тамъ происходили душу раздирающія сцены: объятыя ужасомъ женщины, растрепавъ свои волосы, съ плачемъ и крикомъ отчаянія бросались къ ногамъ имама и, цѣлуя полы его одежды, умоляли его покориться своей несчастной судьбѣ, иначе разъяренные солдаты ворвутся въ ихъ жилища и предадутъ все разоренію.

Взволнованный Шамиль боролся между мыслью о геройской смерти, обѣщавшей ему Магометовъ рай, и передъ предстоявшимъ ему вѣчнымъ позоромъ. Однако время безжалостно бѣжало впередъ и приближался роковой срокъ. Еще нѣсколько минутъ, и сигнальный пушечный выстрѣлъ возвѣститъ начало безпощаднаго истребленія....

Въ ожиданіи великаго событія все стихло вокругъ аула.... Тысячи закаленныхъ въ бояхъ сердецъ, боровшихся десятки лѣтъ съ суровымъ Дагестаномъ, ожидали развязки нескончаемой драмы. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ видѣть у себя плѣннаго имама, съ напряженнымъ вниманіемъ устремляя свои взоры на то мѣсто, откуда долженъ былъ выйти Шамиль. Настала мертвая тишина.

Кн. Барятинскій, окруженный многочисленной блестящей свитой, сидѣлъ на большомъ камнѣ въ березовой рощѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ имама. Шамиль же съ горстью упавшихъ духомъ мюридовъ и рыдающими женщинами готовился какъ бы на эшафотъ. Онъ съ любовью смотрѣлъ на свои родныя горы, служившія ему десятки лѣтъ неприступнымъ оплотомъ его независимости, и боялся сказать имъ послѣднее „прости". Онъ еще разъ гордо выправилъ свой станъ и, задыхаясь отъ сильнаго біенія сердца, судорожно хватался за шашку и сказалъ: „Нѣтъ, лучше я умру, чѣмъ отдамся на посмѣяніе русскимъ". Но это была лишь предсмертная агонія. Шамиль, подмѣтивъ, что послѣдніе оставшіеся ему вѣрные мюриды предпочитаютъ миръ и, снисходя на отчаянныя вопли своего семейства и другихъ женщинъ и дѣтей, согласился выйти. Онъ посылаетъ Юнуса съ просьбой отодвинуть войска подальше. „Нельзя,—говорятъ ему,—пусть не выводитъ насъ Шамиль изъ терпѣнія, а то сейчасъ начнемъ штурмовать". Юнусъ бѣжитъ въ аулъ и черезъ нѣсколько минутъ опять возвращается, весъ запыхавшись, едва переводя духъ. „Шамиль

проситъ отодвинуть по крайней мѣрѣ мусульманъ, чтобы они не видѣли, какъ будетъ онъ выходить". Эту просьбу исполнили.

Затѣмъ все смолкло. Наступила мертвая тишина, какъ будто ни одной живой души здѣсь не было.... Между тѣмъ 10 тысячъ штыковъ, густою цѣпью окружавшіе аулъ, готовы были все сокрушить. И вотъ, изъ аула показывается высокая, стройная фигура. Мужественное, красивое лицо, окаймленное большою окладистою бородою, было блѣдно, какъ полотно; большая бѣлая чалма придавала его фигурѣ величественный видъ; глаза, блиставшіе еще такъ недавно жгучимъ огнемъ и наводившіе страхъ на присутствующихъ, были тусклы и выражали сильное душевное страданіе.

„Это онъ, это онъ", послышался шопотъ между рядами войскъ. Солдаты не вѣрили своимъ глазамъ, недоумѣвали. „Не сонъ ли это?" Нѣтъ! это не былъ сонъ: грозный когда то Шамиль преклонилъ передъ ними свою голову. Минута была торжественная и войска отъ избытка чувствъ вдругъ разразились громовымъ „ура". Внезапный крикъ этотъ до того озадачилъ Шамиля, что онъ, растерявшись, быстро повернулъ назадъ къ аулу; но полковникъ Лазаревъ убѣдилъ Шамиля, что войска крикомъ „ура" выражаютъ радость и почетъ имаму. Тогда Шамиль снова повернулъ; его окружили до 40-ка мюридовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы.

Первый встрѣтилъ Шамиля баронъ Врангель. Онъ, протянувъ ему руку, сказалъ: „до сихъ поръ мы были врагами, теперь же будемъ друзьями".

Ласковыя эти слова ободрили имама: смущенное лицо его приняло спокойное выраженіе. Окружавшіе его мюриды были остановлены, и самъ Шамиль верхомъ отправился къ Главнокомандующему. Приблизившись къ камню, Шамиль слезъ съ лошади и явился къ князю Барятинскому, повергая свою судьбу милосердію Императора.

Князь Барятинскій, дозволивъ Шамилю остаться при оружіи, сказалъ ему слѣдующее:

„Шамиль ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь; теперь я пріѣхалъ за тобою. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и она рѣшила его въ нашу пользу; теперь объ этихъ условіяхъ и рѣчи не можетъ быть. Ты долженъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно тебѣ ручаюсь: это за личную твою безопасность и всего твоего семейства. Для твоего сопровожденія я назначилъ моего адъютанта полковника Трамповскаго, и онъ употребитъ все, чтобы ты не терпѣлъ никакихъ лишеній".

Шамиля сильно взволновали эти слова; принявъ ихъ за упрекъ, онъ совершенно растерялся. Прямого отвѣта онъ не далъ, а сказалъ горской поговоркой, которой хотѣлъ объяснить, что онъ боялся довѣриться намъ, что былъ уже нами обманутъ и потому сдѣлался осторожнымъ и недовѣрчивымъ. Свою рѣчь закончилъ словами: „Медъ, если его часто ѣсть, надоѣдаетъ; такъ и все на свѣ-

несенъ изъявленіемъ покорности Кибитъ-Магомой тилитлинскимъ. Этотъ старый предводитель мюридизма, котораго самъ Шамиль считалъ старшимъ и первымъ помощникомъ, со всѣми своими родственниками и преданными людьми перешелъ на нашу сторону; вслѣдъ за нимъ и по его настоянію—селенія Тилитли, Ругуджа, а также общества Карата, Гидатль, Ирибъ. Люди, казавшіеся Шамилю самыми надежными, оставили его. Всѣ признавали, что дѣло его проиграно окончательно.

На пути къ своему послѣднему убѣжищу Шамиль съ горечью убѣдился, что горцы не только перестали его бояться, но даже потеряли къ нему уваженіе. Проходя черезъ Куяды, онъ внезапно былъ остановленъ жителями, отбившими мѣру серебра и 32 лошади съ имуществомъ. Озлобленію Шамиля не было границъ—онъ готовъ былъ стереть съ лица земли куядинцевъ, но, безсильный, ничего не могъ сдѣлать съ ними.

29-го іюля Шамиль поднялся на Гунибъ, гдѣ его встрѣтили сынъ его Магометъ-Шефи и гумбетовскіе жители съ салютомъ изъ пушекъ и ружей.

Лезгинскій отрядъ князя Меликова сосредоточился 18-го іюля на хребтѣ Бешо надъ селеніемъ Китури. Результатомъ этого движенія было изъявленіе покорности воинственными дидоійскими селеніями. Занявъ затѣмъ съ боя неприступный аулъ Шаури, Меликовъ уже подчинилъ всѣ общества лежащія кругомъ Богозскаго хребта и такимъ образомъ вошелъ въ связь съ Дагестанскимъ и Чеченскимъ отрядами.

Итакъ къ концу іюля всѣ три главные отряда вошли между собою во взаимную связь.

Въ лагерь подъ Тандо, къ ставкѣ Главнокомандующаго, безпрерывно являлись депутаціи отъ разныхъ обществъ и ауловъ. Князь Барятинскій принималъ ихъ ласково, осыпалъ деньгами, и разсказы объ этомъ быстро и далеко расходились по горамъ.

Получивъ окончательныя свѣдѣнія о бѣгствѣ Шамиля на Гунибъ отъ барона Врангеля, кн. Барятинскій вызвалъ его, а также кн. Меликова въ лагерь подъ Тандо для совѣщаній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Радости Главнокомандующаго не было конца, когда оба начальника отрядовъ въ сопровожденіи лишь незначительнаго конвоя пріѣхали безпрепятственно черезъ покоренные аулы.

Князь Меликовъ захватилъ съ собой и наибовъ богозскаго, кваршинскаго и дидоійско-илянхевскаго. Пріятную встрѣчу съ этими лицами лучше всего доказываетъ слѣдующій приказъ по Кавказской Арміи отъ 6-го августа.

„Въ безсмертномъ подвигѣ покоренія Восточнаго Кавказа самая тяжелая доля трудовъ предстояла вамъ, неутомимыя войска Лезгинскаго отряда! Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія. Примите, братцы, мое душевное спасибо. Благодарю искренно достойнаго предводителя вашего, генералъ-маіора князя Меликова, всѣхъ генераловъ и офицеровъ“.

6-го же августа близъ аула Конхидатль было заложено Преображенское укрѣпленіе, которое позволяло стоять прочно въ долинѣ Андійскаго Койсу.

7-го августа въ лагерь прибылъ и бывшій элисуйскій султанъ Даніэль-бекъ. Князь Барятинскій объявилъ ему отъ имени Государя прощеніе.

Въ половинѣ августа войска обложили Гунибъ, но Главнокомандующій, желая избѣжать напраснаго кровопролитія, нашелъ возможнымъ начать съ Шамилемъ переговоры, поручивъ вести ихъ полковнику Лазареву. Шамиль просилъ, чтобы въ переговорахъ участвовалъ и Даніэль-бекъ. Въ ультиматумѣ, посланномъ княземъ Барятинскимъ 20-го числа, указывалось, чтобы Шамиль положилъ оружіе и что въ такомъ случаѣ онъ со всѣми находящимися при немъ мюридами получитъ полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку; но что онъ и сыновья его должны дать письменное обязательство жить тамъ безвыѣздно.

„Если же Шамиль до вечера завтрашняго дня не воспользуется великодушнымъ рѣшеніемъ Императора Всероссійскаго, то всѣ бѣдственныя послѣдствія его личнаго упорства падутъ на его голову и лишатъ его навсегда объявленныхъ ему мною милостей“.

Шамиль на эти условія не согласился; онъ требовалъ для отъѣзда своего въ Мекку полной свободы.

Утромъ 22-го августа генералъ Милютинъ написалъ Шамилю письмо, въ которомъ просилъ немедленнаго отвѣта на требованіе Главнокомандующаго. Посланные Алиханъ и Мугамедъ-Ферхтенъ, къ общему удивленію, привезли слѣдующій отвѣтъ:

„Мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами, и отъ васъ мы просили только свободнаго пропуска дороги по извѣстному уже условію; если на это будетъ согласіе, то хорошо; если же нѣтъ, то надѣемся на Бога, который выше и сильнѣе всего; на этомъ основаніи сабля наострена и рука готова“.

Получивъ такой отвѣтъ, кн. Барятинскій поручилъ командованіе блокирующими войсками и распоряженіе инженерными работами г.-м. Кесслеру, подъ главнымъ начальствомъ барона Врангеля, и приказалъ приступить къ осадѣ Гунибъ-дага.

Скала эта лежитъ на лѣвомъ берегу Кара-Койсу и съ трехъ сторонъ оканчивается почти отвѣсными обрывами, и только съ четвертой, съ восточной стороны, между громадами нависшихъ камней и утесовъ, какъ узкая лента, вьется тропа. На самомъ Гунибѣ былъ небольшой аулъ.

Всѣ передовыя войска кругомъ Гуниба были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на восточномъ фасѣ—два батальона Ширванскаго полка съ 4-мя горными орудіями подъ начальствомъ командира полка, полковника Кононовича; на сѣверномъ фасѣ—другіе два батальона Ширванскаго полка, 1-й батальонъ Грузинскаго гренадерскаго, одинъ батальонъ Самурскаго, 5 сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни Даргинской конной милиціи, подъ начальствомъ г.-м. кн. Тарханъ-Моуравова; на южномъ фасѣ—два батальона Апшеронскаго, два батальона Самурскаго полковъ и 21-й стрѣлковый батальонъ, подъ начальствомъ команди-

тѣ надоѣдаетъ, и ему надоѣла тридцатилѣтняя война и что онъ радъ покончить все и жить мирно".

Князь Барятинскій уѣхалъ въ главный лагерь, куда отправился и Шамиль въ сопровожденіи конвоя и полковника Али-бека Пензулаева.

Все это совершилось около трехъ часовъ пополудни. Невозможно передать то восторженное настроеніе, въ которомъ находились войска присутствовавшія въ столь знаменательную минуту.

Вечеромъ кн. Барятинскій прислалъ Шамилю свою походную шубу. Плѣнникъ успокоился и просилъ позволенія вызвать съ Гуниба свое семейство и оно въ полномъ составѣ явилось въ лагерь на слѣдующій день.

26-го августа, въ день коронованія, войска отряда, еще вчера обливавшія своею кровью неприступный Гунибъ, собрались, окруженныя только что покорившимся народомъ и на глазахъ бывшаго имама на Кегерскія высоты, для молебствія и парада. Едва только кн. Барятинскій появился вдали —раздались потрясающіе клики. Князь поздравлялъ своихъ сподвижниковъ, благодарилъ ихъ за славную службу, за ихъ геройское мужество и за труды послѣднихъ дней, увѣнчавшіеся незабвеннымъ во всѣ времена успѣхомъ. Громкое „ура", смѣшавшись съ пушечными выстрѣлами, огласили окрестныя высоты и эхо ихъ, разносясь по дальнымъ горамъ, возвѣщало, что для Дагестанцевъ начинается новая эра жизни.

Послѣ парада кн. Барятинскій телеграфировалъ Государю:

„Гунибъ взятъ. Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ приказъ по Арміи лаконическаго содержанія:

„Шамиль взятъ: поздравляю Кавказскую армію".

Подробное сообщеніе военному министру для всеподданнѣйшаго доклада о событіяхъ послѣднихъ дней Главнокомандующій заключилъ слѣдующими словами:

„Геройскій подвигъ овладѣнія Гунибомъ,—блистательно закончилъ рядъ безпримѣрныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ послѣднее время славными войсками Его Императорскаго Величества, и которыми я имѣю счастье командовать. Я не нахожу достаточно словъ, чтобы достойно оцѣнить заслуги всѣхъ чиновъ отъ генерала до солдата. Они всѣ исполнили свой долгъ съ мужествомъ и самоотверженіемъ, ставящими ихъ выше всякой похвалы. Теперь еще разъ могу повторить: полувѣковая война на Восточномъ Кавказѣ окончена; народы, населяющіе страну отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги, пали къ стопамъ Его Императорскаго Величества. Я сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ устройствѣ во всѣхъ новопокоренныхъ обществахъ нашего управленія, а 28-го числа возвращаюсь въ Тифлисъ".

28-го августа Шамиль подъ конвоемъ Сѣверскихъ драгунъ, Дагестанскихъ всадниковъ и баталіона пѣхоты, былъ отправленъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Получивъ донесеніе о штурмѣ Гуниба и о плѣненіи Шамиля, Императоръ Александръ въ соб-

ственноручномъ рескриптѣ на имя князя Барятинскаго написалъ:

„Слава тебѣ Господи! И честь, и слава тебѣ и всѣмъ нашимъ Кавказскимъ молодцамъ“.

Плѣнному Шамилю назначено было для мѣстожительства гор. Калуга съ ежегоднымъ отпускомъ изъ государственнаго казначейства по 10-ти тысячъ рублей. Шамиль былъ вызванъ въ Петербургъ.

Восточный Кавказъ былъ покоренъ.....

Грузинское дворянство поднесло князю Барятинскому слѣдующій адресъ:

„Народы закавказскіе привыкли встрѣчать своихъ героевъ-военачальниковъ, возвращающихся съ побѣдными лаврами; но событіе, которому мы теперь свидѣтели, безпримѣрно въ лѣтописяхъ Кавказа.

„Европа съ удивленіемъ услышитъ о совершившемся великомъ подвигѣ; она оцѣнитъ дѣянія ваши на пользу человѣчества и приметъ съ любовью въ среду свою сотни тысячъ народа, доселѣ жившаго внѣ законовъ гражданственности и признававшаго одно право,—силу меча и произвола.

„Россія съ гордостью запишетъ имя ваше на ряду съ доблестными именами, прославившими исторію ея русскаго оружія.

„Умиротвореніемъ Чечни и Дагестана, сіятельнѣйшій князь, вы исполнили обязательство, данное Россіею передъ цѣлымъ міромъ, когда Грузія, опустошенная, изнуренная нашествіемъ сильныхъ враговъ, поступила въ подданство Россіи съ теплою вѣрою въ могущество скипетра Русскаго Царя, дабы пріобрѣсти въ отечествѣ своемъ миръ и спокойствіе..

„Сколько скромна была доля политическаго вліянія въ мірѣ Грузинскаго царства, столько велико предназначеніе его въ нравственномъ развитіи человѣчества. Провидѣніе сохранило Грузію среди тысячей опасностей, какъ разсадникъ христіанства въ Закавказскомъ краѣ. Проникнутая теплою вѣрою къ ученію Спасителя, Грузія одна, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, боролась противъ фанатиковъ, принявшихъ исламизмъ.

„Нынѣ безсмертнымъ подвигомъ вашимъ совершилось святое предназначеніе Грузіи: вѣковая война прекращена, тысячи людей, увлеченныхъ въ плѣнъ, возвращаются въ свои семейства; миръ и спокойствіе прочно водворяются тамъ, гдѣ искони вѣковъ для земледѣльца плугъ былъ не разлученъ съ оружіемъ.

„Съ чувствомъ глубокой благодарности, любви и удивленія привѣтствуемъ васъ, сіятельнѣйшій князь! Благодать Промысла, осѣняющая правителя,—есть вѣрный залогъ счастья народа. Въ ознаменованіе великаго подвига, глубоко напечатлѣннаго въ сердцѣ каждаго изъ сыновъ Грузіи, ваше сіятельство, удовлетворяя желанію всѣхъ сословій, не откажите предстательствовать предъ лицемъ Августѣйшаго Монарха о дозволеніи учредить народный праздникъ въ воспоминаніе объ этомъ событіи и грядущимъ поколѣніямъ.

Указатель

войсковыхъ частей.

Пѣхота:

1. Апшеронскій пѣхотный полкъ, 31, 55, 58, 62, 101, 103, 119, 122, 134, 144, 146, 147, 148, 154, 155, 164, 173, 174, 176, 177, 183, 196, 197 и 198.
2. Бѣлевскій пѣхотный полкъ, 187.
3. Бутырскій пѣхотный полкъ, 60, 61, 63 и 64.
4. Грузинскій гренадерскій полкъ, 196 и 198.
5. Грузинскій № 13 баталіонъ, 134 и 183.
6. Дагестанскій пѣхотный полкъ, 174, 182, 185, 190 и 196.
7. 14 пѣхотная дивизія, 119.
8. 8-й Егерскій полкъ, 29.
9. 40-й » » 60.
10. 41-й » » 36, 60, 61 и 62.
11. 42-й » » 36, 55 и 57.
12. 43-й » » 39, 60 и 62.
13. Житомирскій пѣхотный полкъ, 146, 147, 154 и 155.
14. Замосцкій » » 153.
15. Кабардинскій » » 29, 101, 103, 126, 137, 142, 149, 153, 154, 157, 163, 167, 170, 182 и 187.
16. Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 153 и 154.
17. Кавказскій саперный баталіонъ, 63, 105, 106, 112, 189 и 197.
18. 15-й Кавказскій линейный баталіонъ, 170.
19. Куринскій пѣхотный полкъ, 31, 51, 52, 55, 57, 58, 101, 102, 103, 105, 106, 112, 113, 114, 142, 149, 153, 154, 163, 165, 166, 167, 170, 171 и 186.

20. Литовскій пѣхотный полкъ, 153, 154, и 159.
21. Люблинскій » » 153, 154, 163 и 170.
22. Мингрельскій гренадерскій полкъ, 112 и 137.
23. Минскій пѣхотный полкъ, 154.
24. Московскій » » 60 и 61.
25. Навагинскій » » 142, 153, 163, 164, 166, 170, и 186.
26. Прагскій » » 153 и 170.
27. Ряжскій » » 187.
28. Самурскій » » 183, 196.
29. 5-й Саперный баталіонъ, 153, 154 и 166.
30. 20-й Стрѣлковый баталіонъ, 187.
31. 21-й » » 190, 196 и 198.
32. Тенгинскій пѣхотный полкъ, 187.
33. Тифлисскій гренадерскій полкъ, 62, 63, 64, 124, 137, 138 и 139.
34. Троицкій пѣхотный полкъ, 29.
35. Херсонскій гренадерскій полкъ, 62, 63 и 64.
36. Ширванскій пѣхотный полкъ, 16, 40, 41, 104, 112, 113, 141, 196 197 и 199.
37. Лейбъ-Эриванскій гренадерскій полкъ, 16, 55, 60, 62, 63, 64 и 197.

Артиллерія:

1. 14-я Артиллерійская бригада, 153, 154 и 170.
2. 19-я » » 146 и 154.
3. 20-я » » 170.
4. 21-я » » 52.
5. Гарнизонная артиллерія, 170.
6. Горная № 4 батарея, 154.
7. Донская № 1 батарея, 154 и 170.
8. Запасный паркъ 14 артиллерійской бригады, 60, 153.
9. Кавказская гренадерская артиллерійская бригада, 60 и 153.
10. Конно-артиллерійская казачья № 14 батарея, 170.
11. Конно-линейная казачья № 6 рота, 60.

Кавалерія:

1. Нижегородскій драгунскій полкъ, 171, 173, 174, 175, 176 и 182.
2. Сѣверскій драгунскій полкъ, 182, 183, 184, 197 и 207.

Казаки:

1. Волгскій казачій поселенный полкъ, 10.
2. Гребенскій казачій полкъ, 37, 60 и 154.
3. Донской слободскій казачій полкъ, 8.
4. Донской № 20 казачій полкъ, 170.
5. » № 29 » » 174.
6. » № 37 » » 112.
7. » № 38 » » 146.
8. » № 39 » » 112.
9. » № 47 » » 154.
10. » № 52 » » 170.
11. Донской казачій Басова полкъ, 55.
12. Донской казачій Шурупова полкъ, 52
13. Кавказскій казачій полкъ, 153
14. Кизлярское войско, 3.
15. Кизлярскій семейный казачій полкъ, 154.
16. Кубанскій поселенный полкъ, 12 и 153.
17. Линейные казаки, 144.
18. Моздокскій казачій полкъ, 7, 60, 63 и 153.
19. Ставропольскій » » 153.
20. Терскій » » 63.
21. Терское войско, 3.
22. Хоперскій казачій поселенный полкъ, 10.

Туземныя части:

1. Грузинскій конный полкъ, 60, 61 и 63.
2 Дагестанскій конный полкъ, 183, 184, 190, 191, 196, 198, 199 и 207.
3 1, 2 и 3-й Конно-мусульманскіе полки, 55, 60 и 63.

Милиціи и дружины:

1. Аварская, 191.
2. Акушинская, 198.
3. Грузинская, 153, 155 и 156.
4. Даргинская, 196.
5. Дигорская, 153.
6. Кабардинская, 153.
7. Осетинская, 155.